

ОЧЕРКИ ПО ВСЕОБЩЕЙ ЦЕРКОВНОЙ ИСТОРИИ.

Разработка всеобщей церковной истории въ нашемъ отечествѣ пока еще очень незначительна. По необходимости приходится часто обращаться къ богатой церковноисторическими трудами иностранной литературѣ, французской, англійской и особенно нѣмецкой. Это намѣрены сдѣлать и мы въ предлагаемыхъ очеркахъ. Цѣль ихъ та, чтобы въ возможно краткомъ объемѣ сгруппировать важнѣйшіе и несомнѣнные результаты, къ которымъ пришла современная западная и нарождающаяся русская наука. Разумѣется, въ выборѣ западныхъ авторитетовъ требуется большая осторожность и осмотрительность. Каждый западный ученый всегда имѣетъ какія-либо предвзятія или философскія, или религіозныя возрѣнія. Составитель употребитъ, всѣ средства чтобы устранить всякаго рода предвзятія мнѣнія и представить вниманію читателя православную церковную

исторію. Составитель въ предлагаемыхъ очеркахъ не намѣренъ заняться обработкой разнаго рода изслѣдованій западныхъ ученыхъ; это потребовало бы отъ него большихъ научныхъ средствъ, чѣмъ тѣ, которыми онъ сейчасъ располагаетъ. Поэтому онъ по необходимости долженъ упростить свою задачу: онъ, именно, намѣренъ предложить въ болѣе или менѣе удовлетворительномъ переводѣ или передѣлкѣ отрывки изъ признанныхъ западныхъ авторитетовъ; гдѣ представится возможность составитель съ особымъ удовольствіемъ будетъ предлагать отрывки изъ изслѣдованій русскихъ ученыхъ. Такимъ образомъ составитя нѣчто въ родѣ хрестоматіи, изъ которой читатель будетъ имѣть возможность познаться съ исторіей церкви изъ устъ наиболѣе признанныхъ ученыхъ авторитетовъ какъ русскихъ, такъ и иностранныхъ.

ВВЕДЕНІЕ.

Понятіе о церковной исторіи.

Составлено по Hergenröther, Handbuch der allgemeinen Kirchengeschichte Freiburg im Briesgau 1884, т. 1-й.

Исторія показываетъ перемѣны вещей въ ихъ генетическомъ развитіи. Ея условіе—измѣнчивость предмета; гдѣ нѣтъ этой измѣнчивости, тамъ нѣтъ исторіи. Богъ, постоянно сущій, неизмѣняемый—не имѣетъ исторіи. Предметъ исторіи все то, что по своему ограниченному времени и мѣстамъ бытію подвержено перемѣнамъ, въ особенности то, что затрагиваетъ высшіе духовные интересы. Таковымъ предметомъ исторіи прежде всего служитъ *человѣкъ*. Человѣкъ служитъ предметомъ исторіи или какъ индивидуумъ (біографія), или въ соединеніи съ другими людьми (исторія фамилій, городовъ, народовъ), или во всей совокупности своего рода (всеобщая исторія человѣчества). На сколько бы отдѣловъ ни раздѣлить человѣческую жизнь, всѣ они могутъ быть предме-

томъ исторіи. Существуетъ исторія соціальныхъ и политическихъ отношеній, исторія открытій, искусствъ, наукъ, торговли, промышленности, нравственности, религій; мы имѣемъ исторію культуры, литературы, искусства, религій и т. д. Разсматриваемая *объективно*, исторія есть развитіе человѣческаго духа и жизни въ ихъ различныхъ проявленіяхъ, выразившееся въ видѣ ряда событій и дѣяній; разсматриваемая *субъективно*, она есть изложеніе этого развитія. Какъ искусство она есть идеальное воспроизведеніе и представленіе его, какъ наука—систематически изложенное пониманіе.

Въ исторіи человѣчества самое выдающееся мѣсто занимаетъ исторія религій, т. е. исторія богопознанія и богопочтанія, какъ они установились и развились у отдѣльныхъ народовъ. Въ то время какъ существуетъ много различныхъ религій, разумъ показываетъ, что изъ нихъ только одна должна быть истинной. Христіанское православное богословіе доказываетъ, что такая единственно-истинная религія есть христіанская, и которую исповѣдуетъ православная греко-восточная церковь.

Церковь, исповѣдующая эту единственно-истинную религію, есть основанное Господомъ нашимъ Иисусомъ Христомъ земное общество людей, соединенныхъ между собою въ одно цѣлое одною вѣрою въ Него, какъ Бога-Искупителя, однимъ богооткровеннымъ ученіемъ, однимъ богослуженіемъ и таинствами, подъ управленіемъ и руководствомъ богоустановленной іерархіи для достиженія нравственного совершенства и спасенія. Такимъ образомъ церковь заключаетъ въ себѣ два элемента: *божескій*, заключающій въ себѣ все, что церковь имѣетъ отъ своего Основателя и постоянно-живущаго въ ней Духа Св. и *человѣчскій*, такъ какъ церковь есть общество людей, въ которомъ божественное при посредствѣ свободной человѣческой воли должно найти вышнее выраженіе. Если бы церковь была исключительно божескимъ институтомъ, она была бы внѣ исторіи; вслѣдствіе того, что въ составъ ея входитъ человѣчскій элементъ, она имѣетъ свои перемѣны, свой ходъ развитія и, слѣ-

довательно, свою исторію. Эти перемѣны двоякаго рода: внутреннія и внѣшнія. Къ первому роду относятся перемѣны во внѣшнемъ распространеніи и сокращеніи предѣловъ церкви въ различныхъ странахъ и въ различное время; ея отношенія къ различнымъ государствамъ, къ разнаго рода политическимъ и религіознымъ обществамъ; ко второму роду—перемѣны въ развитіи церковнаго ученія въ теоріи и практикѣ, въ развитіи въ различныхъ формахъ церковнаго культа; въ церковномъ устройствѣ и дисциплинѣ. Какъ наука церковная исторія есть систематическое изложеніе хода жизни церкви въ ея вліяніи на людей и на человѣческія отношенія.

Чтобы быть научной церковная исторія не должна быть простымъ рассказомъ о событіяхъ въ ихъ хронологической послѣдовательности, вродѣ хроникъ, анналовъ, мемуаровъ; чтобы быть научной она должна отличаться двумя необходимыми свойствами: *критикой* и *прагматизмомъ*.

Критика простирается: а) на дѣла и событія, б) на показанія и свидѣтелей. а) Слѣдуетъ отвергать факты и событія, которыя при данныхъ условіяхъ не возможны, воишь противорѣчатъ времени, мѣсту и личнымъ отношеніямъ, и происхожденіе которыхъ нѣтъ нужды объяснять при посредствѣ чуда; слѣдуетъ отвергать также факты, неимѣющіе въ свою пользу никакихъ свидѣтельствъ, или опирающіеся на свидѣтельства слабыя, которыми противорѣчатъ другія свидѣтельства. б) Чтобы убѣдиться въ достовѣрности свидѣтельства слѣдуетъ испытать, насколько заслуживаютъ довѣрія свидѣтели (могли ли они знать истину и, если знали, то желали ли говорить ее) и насколько достовѣрно свидѣтельство само по себѣ (подлинно ли оно или неподлинно? если подлинно, то во всѣхъ ли своихъ частяхъ? Нѣтъ ли въ немъ какихъ либо позднѣйшихъ вставокъ?) Правильное употребленіе критическихъ пріемовъ требуетъ большихъ знаній и большой осторожности. Историкъ непремѣнно долженъ владѣть критическими средствами, такъ какъ безъ нихъ онъ подвергался бы опасности

смѣшать истину съ ложью, свои фантазіи выдать за дѣйствительныя факты. Словомъ, исторія безъ критики рѣшительно не имѣетъ твердой почвы.

Но критика даетъ намъ только вѣрную деталь, а не живое цѣлое; она даетъ основаніе, но не самое зданіе: то, чего не можетъ сдѣлать критика, дѣлаетъ *прагматизмъ*, который бываетъ двоякій: *философскій и богословскій*. Философскій прагматизмъ изслѣдуетъ съ точки зрѣнія философіи исторіи внутреннюю связь отдѣльных фактовъ и событій, входитъ въ разсмотрѣніе ихъ внутреннихъ и внѣшнихъ причинъ, отыскиваетъ идеи, которыя лежатъ въ основаніи данныхъ фактовъ. Богословскій прагматизмъ съ точки зрѣнія Откровенной истины старается узнать и разсмотрѣть сокровенные пути промысла Божія, проявляющагося въ исторіи.

Но чтобы удовлетворять всѣмъ требованіямъ прагматизма, историки должны обладать однимъ очень важнымъ и необходимымъ свойствомъ: *отсутствіемъ партійности*. При изложеніи исторіи историкъ долженъ быть свободенъ отъ личныхъ, часто безсодержательныхъ предвзятыхъ мнѣній, онъ долженъ руководиться при изложеніи исторіи исключительно одной истиной. Но это, впрочемъ, не значитъ, что пишущій исторію долженъ оставить въ сторонѣ свои философскія и религіозныя убѣжденія, мысли и чувства. Полная безпринципность историка сдѣлаетъ его изложеніе безцвѣтнымъ, безхарактернымъ, безжизненнымъ. Историкъ вообще долженъ стараться не о томъ, чтобы скрыть свои философскія и религіозныя убѣжденія, а о томъ, чтобы они не были причиной неправильнаго пониманія и изложенія исторіи.

ОЧЕРКИ ПО ВСЕОБЩЕЙ ЦЕРКОВНОЙ ИСТОРИИ.

(Продолженіе).

Источники церковной исторіи.

Источники церковной исторіи бывают или *первоначальные*, каковы вещественные памятники и документы, или *производные*,

каковы извѣстія современниковъ или изслѣдованія, написанныя по источникамъ, впоследствии потеряннымъ. Вещественные памятники (такъ называемые нѣмые источники), напр. церковныя зданія, иконы, надписи, имѣютъ только второстепенное значеніе. Первое мѣсто по значенію и важности для исторіи принадлежитъ документамъ. Сюда относятся соборныя акты и опредѣленія ¹⁾; законы, касающіеся церковныхъ дѣлъ, изданные какъ свѣтской, такъ и духовной властью ²⁾; монашескіе уставы ³⁾; символы ⁴⁾, литургіи ⁵⁾. Изъ производныхъ источниковъ, самое важное мѣсто принадлежитъ житіямъ святыхъ ⁶⁾, твореніямъ отцевъ и учителей церкви и сочиненіямъ всѣхъ другихъ какъ свѣтскихъ, такъ и духовныхъ лицъ, писавшихъ о современныхъ имъ событіяхъ.

Всѣ о. о. церкви имѣютъ иногда по нѣскольку прекрасныхъ изданій, принадлежащихъ почти исключительно католическимъ и протестантскимъ ученымъ. Французскій аббатъ Миня (Migne) воспользовался лучшими изданіями своихъ предшественниковъ и собралъ ихъ въ одномъ богатѣйшемъ изданіи подъ заглавіемъ «Patrologiae cursus completus». Это изданіе Миня распадается на двѣ серіи: латинскую (217 томовъ и 4 тома указателя), въ которой собраны всѣ латинскіе церковные писатели, кончая Иннокентіемъ III, и греческую (161 томъ), въ которой собраны всѣ греческіе церков-

¹⁾ Лучшее изданіе соборныхъ дѣній *Mansi, Ss. conciliorum nova et amplissima collectio*, 31 томъ. Соборныя дѣнія переведены на русскій языкъ при Казанской Духовной Академіи. (Съ 1859 и дал. вышло 7 томовъ дѣній Вселенскихъ соборовъ и 1 томъ дѣній помѣстныхъ соборовъ).

²⁾ Лучшее изданіе Ралли и Потли *Σύνταγμα τῶν θεῶν καὶ ἱερῶν κανόνων*, изданное въ Аеннахъ въ 1852—9 г. въ 6 томахъ. На русскомъ языкѣ есть очень удовлетворительное изданіе апостольскихъ и соборныхъ правилъ сдѣланное при журналѣ „Чтенія въ Обществѣ любителей духовнаго просвѣщенія“.

³⁾ Лучшее изданіе *Holstenii. Codex regularum monasticarum* 4 т. Вѣна (1759). На русскомъ языкѣ: Древніе иноческіе уставы еп. Теофана.

⁴⁾ *Hahn, Bibliothek der Symb.* Breslau, 1877; Чельцовъ, Собраніе символовъ и вѣроизложеній православной церкви отъ времени апостольскаго до нашихъ дней. (Сб. 1869)

⁵⁾ *Assemani, Codex liturgicus*, Roma 1749, 13 т. Goar, *Εὐχολόγιον* 1647. Renaudot, *liturgiar. orient. coll.* 1715 2 т. (2 изд. 1847 г.) Собраніе древнихъ литургій въ русскомъ переводѣ (при „христ. чтеніи“ и отдѣльно).

⁶⁾ *Ruinart, Acta primorum martyrum*, Paris, 1689 (имѣло много изданій, послѣднее въ 1859 г.) *Bolland* и его продолжатели *Acta Sanctorum*, болѣе 60 томовъ. Богатѣйшее, еще неконченное изданіе. Св. Дмитрій Ростовскій, Четы-Минен-

ные писатели, кончая Виссаріономъ Пчкѣйскимъ. Въ настоящее время, благодаря особенно трудамъ нашихъ духовныхъ Академій, мы имѣемъ творенія многихъ о. о. церкви въ русскомъ переводѣ. Такъ переведены творенія мужей апостольскихъ, христіанскихъ апологетовъ, творенія Иринея Ліонскаго, Тертуліана, Кипріана Климента Александрійскаго, Аѳанасія Великаго, Киприлла Александрійскаго, Епифанія Кипрскаго, Григорія Богослова, Василя Великаго, Іоанна Златоустаго, Іеронима, Августина и другихъ¹⁾. Благодаря всѣмъ этимъ изданіямъ является возможность даже чело-вѣку съ ограниченными матеріальными средствами изучить церковную исторію серьезно и документально.

Впрочемъ пока не всѣ матеріалы изданы. Еще ждутъ издателей богатѣйшіе матеріалы папскаго архива. Этотъ архивъ имѣетъ довольно любопытную исторію. Достоверно извѣстно, что при св. Григоріи (Двоесловѣ) составлялись такъ называемые регесты (regesta), т. е. записывались всѣ важнѣйшія дѣла св. Григорія, и эти записи вмѣстѣ съ копіями съ другихъ официальныхъ документовъ (посланій, опредѣленій и проч.) хранились въ архивѣ. Дѣлалось ли это раньше св. Григорія, неизвѣстно; но послѣ него это стало дѣломъ обычнымъ. При переселеніи папъ въ Авиньонъ въ XIV в. всѣ эти регесты погибли до 1198 г. Съ этого 1198 года и до послѣдняго времени они сохранились. Всѣхъ этихъ документовъ въ папскомъ архивѣ только до 1572 года насчитывается болѣе 2000 томовъ (фоліантовъ). Въ крайнему сожалѣнію этотъ богатѣйшій архивъ недоступенъ. Папы и сами не обнаруживаютъ сокровищъ своего архива и не позволяютъ этого дѣлать другимъ, въ особенности протестантамъ, которымъ за единичными исключеніями (протестанту Пертцу, издателю «Monumenta Germaniae», позволено было бѣгло просмотрѣть 23 тома) доступъ всегда былъ запрещенъ. Папскій архивъ недоступенъ самимъ католикамъ. При Піѣ IX въ Римѣ остроли, что въ папскій архивъ мо-

¹⁾ Большая часть ихъ имѣется въ продажѣ при редакціяхъ академическихъ журналовъ: Богословскій вѣстникъ (Моск. Акад.), Труды Кіевской Дух. Акад., Христіанское чтеніе (Петерб. Акад.)

гутъ входить только три лица: самъ папа, кардиналъ Антонелли (любимецъ папы) и Тейнеръ (хранитель архива). Но папа никогда не входилъ, Антонелли — тоже, слѣд. архивъ былъ доступенъ только Тейнеру. Нынѣшній папа Левъ XIII обѣщаль облегчить доступъ и отчасти привелъ свое обѣщаніе въ исполненіе.

Важнѣйшіе труды по церковной исторіи.

Schaff, Geschichte der alten Kirche,
Leipz. 1867.

1. *Апостольская церковь.* Первые церковно-историческіе сочиненія представляютъ изъ себя каноническія евангелія Матвѣя, Марка, Луки и Іоанна, изображающія по вдохновенію св. Духа жизнь Господа нашего Іисуса Христа, богочеловѣческую главу и неизсякаемый источникъ всей церковной исторіи; затѣмъ дѣянія апостольскія, написанныя евангелистомъ Лукою, гдѣ излагается основаніе церкви у іудеевъ и язычниковъ отъ Іерусалима до Рима благодаря трудамъ апостоловъ, въ особенности Петра и Павла.

2. *Греческая церковь,* положившая начало веѣмъ отраслямъ богословской литературы, послѣ вышеупомянутыхъ трудовъ евангелистовъ, первая представила наиболѣе важныя сочиненія по исторіи христіанства.

Евсевій, Епископъ Кесаріи палестинской, современникъ св. Константина Великаго, составилъ въ 10 книгахъ церковную исторію (*ἐκκλησιαστικὴ ἱστορία*) отъ воплощенія Слова до 324 года, чѣмъ приобрѣлъ себѣ почетное имя «отца церковной исторіи или христіанскаго Геродота». Далекое уступая по литературному таланту великимъ классическимъ историкамъ, онъ, тѣмъ не менѣе, представилъ неоцѣненное по достоинству изложеніе церковной исторіи до перваго вселенскаго собора, отличающееся умѣренностію и любовію къ истинѣ. Церковная исторія Евсевія особенно важна тѣмъ, что въ ней исключительно сохранились отчасти въ подлинникѣ, отчасти въ болѣе или менѣе полномъ пересказѣ многіе погибшіе документы; она интересна по самому изложенію автора на границѣ двухъ періодовъ и по его личному знакомству съ послѣдними

гоненіями и съ тѣмъ моментомъ, когда христіанство стало государственной религіей въ Римской имперіи. Трудъ Евсевія въ V вѣкѣ продолжалъ *Сократъ* (7 книгъ съ 305 по 439 годъ), *Созоменъ* (9 книгъ съ 324 по 423 годъ), *Теодоритъ* (5 книгъ съ 320 по 428 г.); въ VI вѣкѣ — *Теодоръ* (сохранились только отрывки) и *Евагріи* (6 книгъ съ 431 по 594 г.)¹⁾.

Изъ позднѣйшихъ греческихъ историковъ (съ VII по XV в.) особеннаго упоминанія заслуживаютъ *Никифоръ Каллистъ*,²⁾ жившій въ первой половинѣ XIV вѣка (18 кв. отъ Рождества Христова до 610 г.), и такъ называемая *Пасхальная хроника* (отъ сотворенія міра до 630 г.)³⁾.

Послѣ XIV вѣка у грековъ не появлялось сколько-нибудь значительнаго историка вплоть до 18 вѣка.

Замѣчательнымъ писателемъ этого вѣка былъ *Мелетій*, митрополитъ артекій; затѣмъ аѳинскій (+1714); образованнѣйшій іерархъ, знакомый съ древними и современными ему новыми церковными историками, который написалъ на древне-греческомъ языкѣ церковную исторію, простирающуюся до 1695 г. Въ ней онъ удѣлилъ значительное мѣсто и гражданской исторіи. Георгій Вендотъ перевелъ ее на новогреческій языкъ и продолжилъ до 1795 г.

Въ XIX вѣкѣ, главнымъ образомъ въ послѣднюю половину его, въ Греціи началось значительное оживленіе въ богословской и въ частности церковно-исторической литературѣ. Начали появляться болѣе или менѣе значительные труды по церковной исторіи. Назовемъ выдающихся лицъ, работающихъ на этомъ поприщѣ:

Константинъ Конттогонисъ (*Κωνσταντίνος*), издавшій первый томъ церковной исторіи, обнимающій первые три вѣка.

¹⁾ Лучшее изданіе всѣхъ этихъ историковъ Вазезія (Valesius) въ Парижѣ 1659 въ трехъ томахъ. Есть и русскій переводъ.

²⁾ Лучшее изданіе *Migne, Patrol. cursus compl., ser. gr. t. 145--7.*

³⁾ Изданіе *Dindorf'a*, 2 тома, въ Боннѣ 1832, и *Migne, Patr. curs. compl., ser. gr. t. 92.*

Диомидъ Кириакъ, (Διομήδης Κυριακός), въ своей церковной исторіи воспользовался всеѣми вновь открытыми источниками и важнѣйшими пособіями.

Архимандритъ Григорій Зигавинъ, (Ζιγάβινος), продолжающій въ настоящее время свою «церковную исторію». (ἱστορία ἐκκλησιαστικῆ. Μασσαλία, 1894—6). Вышло пока два тома обнимающія собою только первый вѣкъ. Авторъ хорошо знакомъ со старой и съ новой западной литературой по церковной исторіи. Но онъ держитъ себя самостоятельно и не увлекается ея идеями, чего нельзя сказать о другихъ грекахъ въ особенности о самомъ популярномъ въ Россіи *Папарригопуло* (Παπαρρηγοπούλος). Папарригопуло написалъ исторію еллинскаго народа (ἱστορία τοῦ ἑλληνικοῦ ἔθνους, Αθήναι 1885—7), въ которой христіанскій періодъ изображается какъ періодъ политическаго, умственнаго и нравственнаго упадка греческаго народа.

3. *Латинская* церковь въ церковной исторіи, какъ и въ другихъ богословскихъ наукахъ, была сначала вполнѣ зависима отъ греческой церкви и очень долгое время, вплоть до Реформаціи, довольствовалась переводами—передѣлками исторіи Евсевія и его продолжателей. Въ этомъ отношеніи особенное значеніе имѣетъ переводъ и частію передѣлка исторіи Евсевія *Руфиномъ* (до 395 г.) и передѣлка продолжателей Евсевія *Кассіодоромъ*. Труды Руфина и Кассіодора были главными источниками, откуда на Западъ до самой Реформаціи почерпались свѣдѣнія по церковной исторіи. Не малое также значеніе для Запада имѣли труды *Сулпиція Севера* и *Павли Орозія*.¹⁾

Во все средніе вѣка не появлялось сколько нибудь значительныхъ трудовъ по всеобщей церковной исторіи; вмѣсто этого появилось много хроникъ, исторій отдѣльныхъ народовъ, монашескихъ орденовъ, папъ, епископовъ, миссіонеровъ, святыхъ и т. п.,

¹⁾ Лучшія изданія ихъ у *Migne, Patrol. curs. compl. ser. lat.*, т. 21 (Руфинъ), 69—70 (Кассіодоръ), т. 20 (Сулпицій Северъ), т. 31 (Орозій).

которыя, если не блещутъ изложеніемъ, за то имѣютъ значительную цѣну, какъ собраніе историческаго матеріала.

4. *Римско-католическая* церковь, получившая въ XVI в. сильный толчекъ со стороны протестантской реформаціи, проявила сильную дѣятельность какъ въ церковной исторіи, такъ и въ другихъ богословскихъ наукахъ. У ней появились ученые, представившіе изумительные труды по своей эрудиціи и знанію древности. Самые замѣчательные католическіе церковные историки слѣдующіе: кардиналъ *Цезарь Бароній* (1607), написавшій «церковные анналы» (*Annales ecclesiastici*, Roma, 1588 и дал., въ 12 фоліантахъ), которые были плодомъ тридцатилѣтняго неустаннаго изученія источниковъ. Они доведены до 1198 года и были, хотя и не съ такимъ талантомъ, продолжаемы впослѣдствіи Райнальдомъ, Бцовіемъ, Спанданомъ и другими (въ самое послѣднее время съ 1856 г. Тейнеромъ) и доведены до половины XVII вѣка (полное изданіе Баронія со всѣми продолженіями сдѣлано Манси, еп. Лукскимъ въ 38 фоліантахъ въ 1738 -- 59 г.). По своимъ религиознымъ убѣжденіямъ авторъ полный приверженецъ папства, и трудъ его есть опроверженіе магдебургскихъ центурій (о нихъ см. ниже), хотя они и не удостоиваются прямого вниманія. Анналы Баронія подвергались острой критикѣ и опроверженіямъ не только со стороны протестантскихъ ученыхъ, каковы: Казобоній, Шпангеймъ, Баснажъ, но и католиковъ, какъ напр. со стороны Пажи. Не смотря на это, анналы представляютъ изъ себя богатую сокровищницу для историка, въ особенности по причинѣ рѣдкихъ и малодоступныхъ источниковъ, которые были предоставлены въ распоряженіе Баронію и его продолжателямъ въ Ватиканскомъ и другихъ архивахъ.

Аббатъ *Клодъ Флери* (Fleury+1723) представилъ въ своей церковной исторіи (*Histoire ecclesiastique*, Paris, 1691 и дал. 20 томовъ до 1414 г. Продолжена Фабромъ до 1595 г.) популярнѣйшій трудъ, отличающійся мирнымъ тономъ, легкимъ послѣдовательнымъ изложеніемъ и предназначенный служить какъ для наученія, такъ и для назиданія. Онъ представляетъ въ общемъ

удовлетворительный и точный рассказ событий въ ихъ хронологической послѣдовательности, но безъ системы, безъ критики и философскаго проникновенія въ историческій матеріалъ. Вслѣдствіе этого читать Флери утомительно и скучно.

Боссюэтъ, гениальный проповѣдникъ, епископъ Мокскій (+1704), защищавшій съ одной стороны католичество противъ протестантства, съ другой — галликанство (привилегіи Франціи, оспариваемыя у папы) противъ ультрамонтанства (крайняя приверженность къ папству). Онъ составилъ для наслѣдника французскаго престола съ католической точки зрѣнія, безъ самостоятельнаго изученія и изслѣдованія источниковъ, но отличающееся блестящей риторической діалектикой и тонкимъ вкусомъ введеніе во всеобщую исторію подъ заглавіемъ: «Разсужденіе о всеобщей исторіи отъ начала міра до имперіи Карла Великаго» (*Discours sur l'histoire universelle depuis le commencement du monde jusqu' à l'empire de Charlemagne. Paris. 1681*). Онъ даетъ въ немъ прежде всего общій популярный очеркъ главныхъ событий отъ сотворенія міра до Карла Великаго и потомъ въ отдѣльныхъ трактатахъ болѣе подробное изложеніе исторіи творенія міра, призванія Авраама, законодательства Моисея, царствованія Давида, вочеловѣченія и земной жизни Спасителя, основанія церкви, паденія іудейскаго царства и римской имперіи.

Тильмонъ (+1698), симпатизировавшій янсенизму (секта) и отчасти галликанству, изложилъ исторію первыхъ шести вѣковъ съ большимъ успѣхомъ и добросовѣстностію почти исключительно словами источниковъ, въ трудѣ подъ заглавіемъ «Мемуары по церковной исторіи первыхъ 6 вѣковъ, подтвержденные цитатами изъ современныхъ событіямъ авторовъ» (*Memoires pour servir à l'histoire ecclésiastique des six premiers siècles justifiés par les citations des auteurs originaux, 16 томовъ, Paris, 1693 -- 1712*). Его собственныя добавленія или заключены въ скобки, или отнесены къ концу книги въ видѣ примѣчаній.

Мемуары Тильмона, какъ показываетъ уже заглавіе, представляютъ изъ себя скорѣе собраніе біографій, чѣмъ послѣдовательно и связно изложенную всеобщую церковную исторію; тѣмъ не менѣе она и теперь еще въ большемъ употребленіи, и въ общемъ это одинъ изъ самыхъ научныхъ и полезныхъ трудовъ по церковной исторіи на французскомъ языкѣ.

Нѣмецкій поэтъ *Леопольдъ Штолбергъ* (+1819) началъ съ энтузіазмомъ прямого, благороднаго и благочестиваго, но легковѣрнаго обращенца (изъ протестанства въ католичество) очень пространную «исторію религіи Иисуса Христа», которую въ 15 томахъ довелъ до 430 г. (*Geschichte der Religion Jesu Christi, Hamburg 1806* и дал.; продолжена Керцомъ (до 1300 г.) и Бришаромъ.) «Всеобщая исторія католической церкви» (*Histoire universelle de l'église catholique, Paris, 1842—48, 29 томовъ*) *Рорбахера* есть новый и наиболѣе обстоятельный трудъ на французскомъ языкѣ, въ которомъ приняты во вниманіе и труды нѣмецкихъ ученыхъ, но, написанный въ ультрамонтанскомъ духѣ, онъ уступаетъ въ самостоятельности и безпристрастіи своимъ предшественникамъ, въ особенности Тильмону.

Лучшіе римско-католическіе компендіи (научное, въ небольшомъ объемѣ, изложеніе исторіи) представили: *Альцоггъ* (2 т. 1882), *Гергенрөтергъ* (3 тома 1884—6), *Краусъ* (1895), *Функъ* (1890)

5. *Протестантскія общества.* Реформація XVI вѣка — мать церковной исторіи, какъ богословской науки и искусства въ собственномъ смыслѣ этого слова. Правда, сначала какъ-будто она хотѣла порвать съ прошлымъ, хотѣла обращаться къ Библии, какъ единственному источнику и правилу вѣры и похоронить значеніе основывающейся на ней церковной исторіи. Въ особенности она представляла въ неблагопріятномъ свѣтѣ католическіе средніе вѣка, какъ постепенное извращеніе апостольскаго ученія. Но, съ другой стороны, она возвышала значеніе первыхъ дней христіанства и будила живой интересъ ко всемъ документамъ апостольской церкви, которые она старалась представить насколько возможно вѣрно. Это было протестомъ противъ преданія церковнаго, въ томъ видѣ какъ

оно было предъ реформаціей. Она не считала того преданія вѣрнымъ, соотвѣтствующимъ преданію апостольской церкви и первыхъ временъ христіанства. Являлась, поэтому, потребность исторически освѣтить первые вѣка христіанства и точно опредѣлить, какъ тогда вѣровали, какъ жили. Рядомъ съ этимъ по мѣрѣ развитія борьбы протестанства съ Римомъ возникало естественное желаніе и потребность отнять у противника не только св. Писаніе, но и исторію, съ цѣлью обратитъ все это въ свою пользу. Благодаря этому обстоятельству у протестантовъ явился замѣчательный подъемъ свободного историческаго изслѣдованія, создалась историческая критика, которая поставила себѣ цѣлью отдѣлать отъ фактовъ легенды и сдѣлать предметомъ исторіи только истину. Правда, свобода изслѣдованія и критика иногда приводила протестантскихъ ученыхъ къ крайностямъ раціонализма и скептицизма; но это было явленіемъ временнымъ и здоровое направленіе послѣ нѣкотораго промежутка всегда брало верхъ.

Наибольше замѣчательные протестантскіе ученые слѣдующіе: *Маттіасъ Флацій*, прозванный по мѣсту рожденія Илларианскимъ, ревностный лютеранинъ, неутомимый полемистъ противъ католиковъ и кальвинистовъ, открылъ рядъ протестантскихъ историковъ своимъ, составившимъ эпоху, трудомъ: «Церковная исторія новаго завѣта», который обыкновенно называется «магдебургскими центуріями» (*Centuriae Magdeburgenses*) и заключаетъ въ себѣ тринадцать «столѣтій» (*Centuriae*) въ тринадцати фолиантахъ (1559—74 г.). Флацій началъ свой трудъ въ бытность свою въ Магдебургѣ въ сотрудничествѣ съ десятью учеными одинаковаго съ нимъ образа мыслей, среди безчисленныхъ затрудненій. Цѣль труда была та, чтобы открыть развращеніе и заблужденія папства и представить реформацію Лютера вполнѣ православною устами «свидѣтелей истины» всехъ вѣковъ. Но трудъ Флація вслѣдствіе своей полемической цѣли оказался вполнѣ одностороннимъ, партійнымъ, какими оказались и написанныя для его опроверженія анналы Баронія. Изложеніе страдаетъ отсутствіемъ симметріи,

безконечной растянутостію и повтореніями. Языкъ тяжелый, отта-
ливающій. Но трудъ и усидчивость, положенные на написаніе ихъ,
по истинѣ изумительны. Центуріи поражаютъ массою отовсюду
сбраннаго и только наполовину обработаннаго матеріала, при чемъ
все-таки видна громадная ученость и смѣлая критика, что дѣлаетъ
ихъ цѣнными въ настоящее время.

Арнольдъ (+1714) своимъ трудомъ: «Безпристрастная исторія
церквей и ересей» (Unpartheisehe Kirchen und Ketzergeschichte, 4 т.
Frankf. 1699. и дал.) сдѣлалъ эпоху въ исторіи науки. Этотъ ми-
стически настроенный историкъ представилъ главными носителями
христіанства преслѣдуемыя секты, а господствующую церковь съ
Константина Великаго какъ католическую, такъ и лютеранскую,
какъ постепенное отпаденіе отъ истины, какъ Вавилонъ, полный
мерзости и развращенія. Самъ не желая и не подозрѣвая, Арнольдъ
открылъ путь къ скептицизму и рационализму въ церковной исто-
ріи; его стремленіе быть справедливымъ къ разнаго рода ерети-
камъ и сектантамъ нерѣдко граничитъ съ несправедливымъ от-
ношеніемъ къ представителямъ православія. Арнольдъ первый началъ
писать на нѣмецкомъ языкѣ, вмѣсто латинскаго; но языкъ его по
истинѣ ужасный.

Мосгеймъ (+1755) умѣренный лютеранинъ, отецъ прагматиче-
скаго изложенія церковной исторіи написалъ «Наставленіе въ древ-
ней и новой церковной исторіи» (Institutiones historiae ecclesiasticae
antiquae et recentioris, Helmst, 1755). Онъ превосходитъ всѣхъ сво-
ихъ предшественниковъ, особенно нѣмцевъ, умѣлой обработкой ма-
теріала, яснымъ, хотя нѣсколько механическимъ распределеніемъ
его, изящнымъ изложеніемъ, остроумной критикой, прагматизмомъ и
отсутствіемъ пристрастія, доходящаго до индеферентизма.

Шрёккъ (+1808), ученикъ Мосгейма, написалъ послѣ Магде-
бургскихъ центурій самый обширный протестантскій церковно-исто-
рическій трудъ, отличающійся сухимъ, но яснымъ языкомъ, зна-
ніемъ источниковъ и мирнымъ, чуждымъ пристрастія, тономъ. Его
«Христіанская церковная исторія» (Christliche Kirchengeschichte, Leipz.

1768 -- 1810) обнимають 45 томовъ (послѣдніе два принадлежать его продолжателю Чирнеру) и доходить до конца 18 столѣтія. Онъ оставилъ раздѣленіе на столѣтія и ввелъ дѣленіе на періоды.

Генке (+1809) главный представитель рационализма въ церковной исторіи. Въ его не безъ остроумія написанной «Всеобщей исторіи христіанской церкви» (*Allgemeine Geschichte der christ. Kirche*. Braunsm., 1788—1820, 9 томовъ) церковь является не храмомъ Бога на землѣ, а собраніемъ разнаго рода душевно больныхъ, шутовъ и глупцовъ. Напр., Тертуллиана онъ называетъ «растрепанной головой», папа Григорій VII у него является человѣкомъ «безъ религіи и вѣры, святымъ сатаной» и проч.

Неандеръ (+1850), протестантскій «отецъ церкви», «отецъ новѣйшей церковной исторіи», дитя по душевной простотѣ и незлобію, мужъ по уму, колоссъ по учености написалъ «Всеобщую исторію христіанской религіи и церкви» (*Allgemeine Geschichte der christlichen Religion und Kirche*, Hamb. 1825—52, 11 томовъ до 1430 г.) Неандеръ вывелъ церковную исторію изъ пустыни рационализма и сдѣлалъ ее назидательной для всѣхъ читателей безъ различія исповѣданій. Этотъ безсмертный трудъ отличается основательнымъ знаніемъ источниковъ, любовью къ истинѣ и справедливости, новымъ соединеніемъ благочестія и глубокой учености, мастерскимъ изложеніемъ ученія и субъективной жизни церковныхъ дѣятелей. Политическимъ событіямъ, имѣвшимъ вліяніе на церковныя, отводится незначительное мѣсто. Языкъ монотоненъ, небреженъ, распылчатъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ простъ, естественъ и проникнутъ смиренной сердечной простотой. *И. Дроздовъ.*

(Продолженіе будетъ).

ПРИВЪВЛЕНІЯ

къ Иркутскимъ Епархіальнымъ Вѣдомостямъ.

М а й 15. № 10. 1897 г.

ОЧЕРКИ ПО ВСЕОБЩЕЙ ЦЕРКОВНОЙ ИСТОРИИ.

(Продолженіе).

Гизелеръ (†1854), ученый основательный, остроумный съ здравымъ, не предвзятымъ взглядомъ на вещи, оставилъ послѣ себя «Учебникъ церковной исторіи» (*Lehrbuch der Kirchengeschichte*, Bonn, 1824—57). Главное значеніе этого труда заключается въ его подстрочныхъ примѣчаніяхъ, состоящихъ почти исключительно изъ избранныхъ отрывковъ, взятыхъ изъ первоисточниковъ. Текстъ чрезвычайно краткій и представляетъ изъ себя какъ-бы введеніе въ матеріалъ, содержащійся въ примѣчаніяхъ. Читающій исторію Гизелера какъ бы изучаетъ ее по первоисточникамъ, такъ какъ отрывки изъ нихъ приводятся въ оригиналѣ, а не въ переводѣ.

Субъективность (т. е. осмысленное изложеніе фактовъ) Неандера и объективность (т. е. богатство фактовъ, прекрасно подобранныхъ) Гизелера, текстъ перваго и примѣчанія втораго, прекрасно дополняютъ другъ друга и оба они надолго останутся главными авторитетами въ церковно-исторической наукѣ: первый со стороны пониманія и обработки источниковъ, второй со стороны ихъ критическаго выбора и группировки.

Рядомъ съ Неандеромъ и Гизелеромъ должно поставить *Баура* (†1860), основателя «Тюбингенской школы», отъ котораго мы имѣемъ «Церковную исторію» (Тюбинг. 1853—63) и «Исторію догматовъ», (Лейпцигъ 1865—7). Не имѣя религіозной глубины перваго и трезваго пониманія людей втораго, онъ равенъ имъ обоимъ.

по основательности и обширности своихъ знаній, по смѣлой критикѣ, дару философскаго построенія историческаго матеріала, по комбинаціи его, по обобщеніямъ. Но склонность излагать исторію съ предвзятой философской точки зрѣнія не совсѣмъ выгодно отразилась на трудахъ Баура. Такъ во всѣхъ частяхъ, гдѣ онъ трактуеть о религіозныхъ и практическихъ интересахъ, онъ рѣшительно неудовлетворителенъ; его исторія первыхъ дней христіанства, слишкомъ смѣлая по критикѣ, теряетъ всякое значеніе вслѣдствіе ложныхъ предвзятыхъ философскихъ положеній. Главное его значеніе состоитъ въ выясненіи хода развитія ученія древнихъ ересей, въ особенности гностицизма, съ которымъ онъ имѣетъ духовное родство.

Заслуживаетъ упоминанія церковная исторія (7 томовъ, Лейпцигъ, 1869 и дал.) *Гагенбаха* (†1874), написанная хорошимъ, популярнымъ языкомъ.

Что касается учебниковъ по церковной исторіи, то ихъ настолько много, что перечислять ихъ было-бы утомительно. Лучшія и самыя употребительныя принадлежатъ Газе (1886), Куртцу, (2 т. 1893), Гердигу (3 т. 1890), Мэллеру (3 т. 1889—1893).

Мы обозрѣли труды принадлежащіе ученымъ Германіи и Франціи. Другія литературы не представляютъ особенно оригинальныхъ и цѣнныхъ въ научномъ отношеніи трудовъ. Исключеніе представляетъ развѣ одна англійская литература, гдѣ въ послѣднее время появляются очень цѣнные труды, каковы напр. извѣстные русской публикѣ сочиненія *Фаррара*: Жизнь Иисуса Христа, Жизнь ап. Павла, Первые дни христіанства и *Робертсона* (о немъ сказано будетъ ниже). Но сравнительно съ богатѣйшей нѣмецкой литературой она не представляется особенно важной и оригинальной.

б. Русская церковь. Церковной исторіи въ нашемъ отечествѣ не особенно посчастливилось. Русская литература по церковной исторіи до сихъ поръ одна изъ бѣднѣйшихъ литературъ. До сихъ поръ изучающему серьезно эту науку необходимо обращаться

ся къ западной литературѣ; до сихъ поръ въ русской литературѣ нѣтъ оригинальнаго труда, который бы обнималъ всю исторію церкви. Впрочемъ въ послѣднее время замѣтно оживленіе въ этой важной области и можетъ быть не особенно далеко время, когда мы будемъ имѣть свою, православную церковную исторію.

Наиболѣе выдающіеся ученые русскіе, дѣлавшіе попытки написать церковную исторію слѣдующіе:

Меодій, архіепископъ Тверской, написалъ «Исторію о событіяхъ первыхъ трехъ вѣковъ христіанской церкви въ особенности о событіяхъ перваго вѣка по Р. Х.» (*Liber historicus de rebus, in primitiva sive trirum primorum... seculorum ecclesia christiana... gestis. Mosquae 1805*). Авторъ въ своемъ трудѣ обнаружилъ хорошее знакомство съ источниками и важнѣйшей въ его время западной литературой, о которой, онъ, впрочемъ, не особенно высокаго мнѣнія. Такъ, напр., онъ сильно критикуетъ исторію Мосгейма. Трудъ Меодія имѣетъ много выдающихся достоинствъ. Авторъ строго держится источниковъ. Въ своемъ введеніи онъ представилъ серьезный обзоръ ихъ, при чемъ особенное вниманіе обращаетъ на византійскую исторіографію, что западные историки тогда (да и теперь) опускали. Сочиненіе задумано по хорошему и широкому плану, въ которомъ самое серьезное мѣсто отводилось греческой церкви, тогда какъ на Западѣ ею интересовались самое большее вѣка до IX-го. Въ свое время это несомнѣнно былъ лучшій трудъ по церковной исторіи и можно пожалѣть, что онъ не былъ продолженъ.

Архим. *Иннокентій* (Смирновъ) написалъ «Начертаніе церковной исторіи отъ библейскихъ временъ до XVIII вѣка» С.Пб. 1820—1 г. Этотъ трудъ около полвѣка служилъ учебникомъ о церковной исторіи въ нашихъ духовныхъ учебныхъ заведеніяхъ. Составленъ онъ по лучшимъ западнымъ трудамъ XVIII в. (Баронию, Магд., цент. *Вейсману*, Готтингеру, Мосгейму). Не смотря на свои многіе недостатки и внѣшніе (старинное раздѣленіе на столѣтія), и внутренніе (слабая характеристика внутренней исторіи

церкви; ученія св. отцевъ, исторіи догматовъ, ересей и проч.) она сослужила добрую службу духовному просвѣщенію.

Чельцовъ, проф. Спб. духовной Академіи († 1878), оставилъ послѣ себя «Исторію христіанской церкви до IV вѣка. Спб. 1861 г.». Труды Чельцова обѣщали быть въ высшей степени интереснымъ. Къ сожалѣнію авторъ скоро охладѣлъ къ нему. Онъ увидѣлъ, что при томъ состояніи церковно-исторической науки, въ какомъ она была въ Россіи въ шестидесятыхъ годахъ, трудъ его долженъ представлять изъ себя компіляцію изъ важнѣйшихъ западныхъ трудовъ. Въ этомъ онъ убѣдился, когда писалъ выпущенный первый томъ. Онъ написанъ подъ сильнымъ вліяніемъ западныхъ авторитетовъ (въ особенности Неандера).

Братья *Терновскіе* составили довольно полную и обстоятельную церковную исторію до 842 г. 3 т. Кіевъ 1878—83. 1-й три первые вѣка христіанства, 2-й греко-восточная церковь въ періодъ вселенскихъ соборовъ, 3-й библиографія, Кіевъ 1878—83. Это одинъ изъ самыхъ обстоятельныхъ и полныхъ трудовъ по церковной исторіи. Цѣль его «дать студентамъ опорный пунктъ для самостоятельныхъ занятій церковной исторіею». Съ этой цѣлю въ первомъ томѣ, составленномъ по Гизелеру и Гагенбаху, дается много выдержекъ изъ первоисточниковъ на оригинальномъ языкѣ. Выдержки эти даются не въ примѣчаніяхъ, какъ у Гизелера, а въ текстѣ. Со втораго тома этотъ методъ оставленъ, какъ затруднительный для большинства читателей. По направленію авторы рационалисты. Особенно это нужно сказать о второмъ томѣ. Авторы сильно выдвигаютъ культурную и политическую сторону въ явный ущербъ церковной. Греческая имперія со времени объявленія христіанства религіей господствующей постепенно склонялась къ паденію благодаря несчастнымъ политическимъ, а также культурнымъ обстоятельствамъ. Авторы вполне сочувствуютъ Гиббону (его трудъ — Исторія упадка и разрушенія римской имперіи) и Панапригонуло. Особенно въ мрачномъ свѣтѣ представленъ періодъ иконоборческой. По мнѣнію Панапригонуло и нашихъ авторовъ иконоборцы благородные борцы

за счастье и прогресс греческой нации; иконопочитатели — реакционеры, своей «набожной апатией» чуть не сгубившие нацию. Торжество православия — торжество только временное. «В иконоборный период, говорят авторы, обозначились три типа устройства христианского общества. Официальная церковь (иконоборцы), клирическое государство (иконопочитатели) и анти-церковное сектанство (павликиане). Торжество православия не было последним словом церковного развития, как этого надбались ревнители православия. История не остановилась, не застыла на этом событии, — и в прошедшем лежали смена будущего». Много от авторов достается монашеству. Такое одностороннее понимание целых эпох и отдельных явлений в жизни церкви сильно умаляет научное достоинство труда Терновских. Это тем более печально, что труд их до самого последнего времени был единственным трудом, охватывающим такой большой период церковной истории, и влияние его на общество ничем не было парализовано.

Архим. *Арсений*, написавший «Летопись церковных событий и гражданских, появившихся церковных» (СПб. 1880). Очень полезный труд, особенно для греческой церкви от времени послѣ вселенских соборов.

Смирновъ, История христианской церкви. Составлена по лучшим западным компендиямъ. Въ общемъ это довольно удовлетворительный учебникъ, хотя имѣетъ много крупныхъ недостатковъ. Особенно слабо изложена внутренняя история церкви: отцы церкви, догматическая дѣятельность соборовъ, ереси. Эти недостатки не смотря на нѣсколько изданий остались къ сожалѣнію неустраненными.

Мы обозрѣли важнѣйшіе оригинальные труды, имѣющіе цѣлю написать полную историю церкви. Ихъ, какъ мы видимъ, не много, большинство изъ нихъ не доведено до конца, между тѣмъ потребность въ полномъ трудѣ по церковной истории большая: ее предъявляли и предъявляютъ и школа и жизнь. Особенно этотъ недостатокъ ощущался въ 70—80-хъ годахъ, когда кромѣ исто-

ріп Иннокентія не было сколько нибудь значительныхъ трудовъ по церковной исторіи, которые были бы доведены до конца. Это вынуждало ревнителей духовнаго просвѣщенія за недостаткомъ своихъ оригинальныхъ трудовъ по церковной исторіи, искать подходящихъ трудовъ въ западной литературѣ, чтобы перевести ихъ на русскій языкъ. Въ концѣ 60-хъ и началѣ 70-хъ переведено было три не одинаковаго достоинства труда по церковной исторіи: *Кутца*, (Спб. 1868). *Гассе*, (Казань 1869—71, 3 т.). *Геттэ* (Спб. 1872—5, 3 т.) Первый (Кутца) очень маленькій компендіи, второй (Гассе) полнѣе. Оба обнимаютъ всю церковную исторію съ опущеніемъ исторіи греческой церкви съ IX вѣка, которой на Западѣ вообще мало интересуются, какъ не имѣющей къ нему особеннаго отношенія. Оба написаны ужаснымъ языкомъ, но съ этимъ тогда мирились, такъ какъ лучшаго ничего не было. Трудъ Геттэ остановился переводомъ на третьемъ томѣ и болѣе не былъ продолженъ. Насущная потребность въ полномъ и обстоятельномъ трудѣ по церковной исторіи была удовлетворена только со времени выхода въ свѣтъ церковной исторіи *Робертсона-Герцога* въ переводѣ проф. Спб. Академіи *Лопухина* (2 т. Спб. 1890—1). Этотъ трудъ теперь лучший на русскомъ языкѣ. Можно только пожалѣть, что въ этомъ трудѣ при всѣхъ его крупныхъ достоинствахъ есть и важные недостатки. Такъ первымъ тремъ вѣкамъ удѣлено слишкомъ мало вниманія. Восточная церкви съ IX вѣка по обычаю западныхъ историковъ опущена, а дополненія переводчика, хотя и восполняютъ этотъ важный недостатокъ, но слишкомъ мало. Переводъ въ общемъ хорошій, точный.

Нашъ обзоръ былъ бы не полонъ, если бы мы не упомянули о трудахъ, хотя не имѣющихъ цѣлю написать полную церковную исторію, но тѣмъ не менѣе изображающихъ полно какую нибудь одну важную сторону ея. Въ этомъ отношеніи особенно цѣнны труды архіепископа *Филарета* и проф. Моск. Унниверситета *Лебедева*. Первый написалъ «Историческое ученіе объ отцахъ церкви» (3 т. Спб. 1859). Это до сихъ поръ незамѣнимый трудъ,

хотя научный аппарат его сильно устарѣлъ. Не мѣшало бы его издать вновь съ подновленнымъ научнымъ аппаратомъ. Труды Лебедева въ отдѣльныхъ монографіяхъ обнимаютъ всю внѣшнюю исторію греческой церкви до настоящаго времени. Особенно они важны тѣмъ, что особенное вниманіе въ нихъ обращено на исторію греческой церкви съ IX вѣка. Труды Лебедева написаны живымъ и яснымъ языкомъ и соединяютъ далеко не всегда соединимыя вещи—хорошій языкъ, занимательность и научность. Главнѣйшіе труды его слѣдующіе: Эпоха гоненій на христіанъ (Москва 1885); Вселенскіе соборы IV и V вв. (М. 1879); Исторія вселенскихъ соборовъ IV—VII в. (М. 1876); Очерки внутренней исторіи византійско-восточной церкви IX—XI в. (М. 1878); Продолженіе этого же труда съ XI—XV в. (М. 1892); Исторія греко-восточной церкви подъ властью Турокъ. (1896).

Въ послѣднее время вышло довольно значительное количество монографій по церковной исторіи, но о нихъ мы говорить не будемъ; это было бы слишкомъ утомительно. Указаніе ихъ можно найти въ отдѣльныхъ указателяхъ и въ каталогахъ книжныхъ фирмъ.

(Продолженіе будетъ).

ПРИВЪВЛЕНІЯ

къ Иркутскимъ Епархіальнымъ Вѣдомостямъ.

Іюнь 1. № 11. 1897 г.

ОЧЕРКИ ПО ВСЕОБЩЕЙ ЦЕРКОВНОЙ ИСТОРИИ.

(Продолженіе).

ПЕРІОДЪ I-й.

Отъ основанія церкви до эдикта св. Константина Великаго
313 г.

Hergenröther Handb. d. Kirch. т. 1-й.

Первый періодъ церковной исторіи говоритъ намъ объ основаніи церкви, ея развитіи и расироstrаненіи, какъ въ Римскомъ государствѣ, такъ и за его предѣлами. Церковь встаетъ на твердую почву безъ поддержки свѣтской власти, среди препятствій, преслѣдованій; она побѣждаетъ враждебно-настроенный міръ своими исповѣдниками и мучениками; она сохраняетъ свое единство среди многочисленныхъ ересей и расколовъ; сохраняетъ свою святость среди нравственнаго развращенія и пороковъ современнаго языческаго общества, иногда вредно отражавшихся и на ея членахъ; развиваетъ ученіе, пролагая въ разныхъ направленіяхъ пути къ наукѣ, при чемъ принимаетъ и облагораживаетъ все лучшее и наиболее нужные элементы прошлаго. Она считаетъ себя наследницей правъ древней синагоги, но мало по малу освобождается отъ партикулярннстическихъ, національныхъ ограниченій, свойственныхъ синагогѣ, и является въ мысли и жизни, словѣ и дѣйствіи универсальной, предназначенной объять всю вселенную. Изъ малыхъ начатковъ она все болѣе и болѣе развиваетъ свой культъ, призывая къ себѣ на помощь въ этомъ дѣлѣ искусство;

она поднимает и облагораживает низшіе презрѣнные классы общества и заставляет своихъ членовъ исполнять свои обязанности посредствомъ мудрой, снисходительной и вмѣстѣ строгой дисциплины. Въ это пвѣтующее время, при обиліи среди христіанъ высшихъ духовныхъ дарованій, предстоятели церкви рѣдко выступали со всеми полномочіями власти и авторитета; но основанія церковнаго устройства, данныя съ самаго начала Христомъ и апостолами непрерывно развивались и гдѣ было нужно, онѣ получали свою силу. Такимъ образомъ этотъ періодъ юной церкви, періодъ мучениковъ, представляетъ изъ себя величественную картину: церковь является божественнымъ учрежденіемъ, непрерывно развивающимся внутри и со внѣ, достаточно сильнымъ, чтобы обновить глубоко лавній міръ и пріобрѣсти любовь и удивленіе всехъ благородныхъ сердецъ.

Но прежде чѣмъ говорить объ обновленіи міра церковію, бросимъ взглядъ на этотъ міръ.

Язычество и іудейство предъ пришествіемъ Спасителя.

Herzog, Abriss der gesammten Kirchengesch. Erlangen, 1876. т. 1.

І. ЯЗЫЧЕСТВО.

«Когда пришла полнота времени, Богъ послалъ Сына своего едиnorodнаго» (Гал. IV, 4). Эти слова апостола ясно выражаютъ религиозное состояніе язычества. Въ язычествѣ произошли великія перемѣны, которыя не смотря на всю свою важность были только преддверіемъ еще бѣльшихъ. Прежде всего мы видимъ, что міровая исторія, получившая начало на далекомъ востокѣ, мало по малу была отѣнена на западъ; главное поле дѣятельности принадлежитъ народамъ, обитающимъ по берегамъ Средиземнаго моря. Въ особенности важно то обстоятельство, что національныя границы, которыя такъ сильно выступаютъ въ античномъ мірѣ даже въ религіяхъ, бѣльшею частію пали: все народы подпали власти одного народа, Римскаго. Исключеніе составили только Саряне и Германцы. Съ римскими орлами (орель—римскій гербъ) распро-

страился латинскій языкъ, нравы, образованіе и законодательство, что облегчало международныя сношенія. Римъ представляетъ изъ себя заключеніе древняго языческаго міра и поворотный пунктъ къ новому, христіанскому.

Античное разъединеніе народовъ, въ отношеніи къ просвѣщенію и цивилизаціи, было ослаблено еще раньше. Благодаря походамъ Александра Македонскаго, въ народы Азіи и Египта проникли духовныя сокровища древней Еллады, ея образованность, ея нравы. Греческая образованность проникла даже въ Палестину. Въ этой странѣ едва ли было мѣсто, гдѣ бы не говорили по-гречески. Вообще греческое образованіе нашло для себя благопріятную почву главнымъ образомъ въ восточной части римской имперіи: Аѳины, Александрія, Тарсъ въ Киликіи были самыми главными средоточными ея пунктами. Въ западной части имперіи въ общемъ преобладала римская образованность, хотя здѣсь никогда не теряла своего значенія греческая литература, ставшая извѣстной въ Римѣ со времени Ливія Андроника (240 до Р. Х.). Во все послѣдующее время латинскій языкъ совершенствовался главнымъ образомъ подъ вліяніемъ греческихъ образцовъ. Первоначальная ненависть республиканцевъ къ греческой образованности и литературѣ смѣшилась со временъ Августа восторженнымъ удивленіемъ. Съ этихъ поръ въ глазахъ римлянъ стало имѣть цѣну только то, что сдѣлано по греческимъ образцамъ. Греческіе ученые и художники стекались въ Римъ. Греки были воспитателями римскаго юношества; въ Греціи, главнымъ образомъ въ Аѳинахъ, молодой римлянинъ оканчивалъ свое образованіе. Греческій языкъ долгое время былъ въ Римѣ книжнымъ языкомъ. Въ Карфагенѣ также усердно занимались греческимъ языкомъ и литературой.

Такъ между народами возникли новыя значительныя точки соприкосновенія и данный въ какомъ либо пунктѣ импульсъ могъ простираться свое дѣйствіе на большій кругъ, чѣмъ прежде.

II. Языческія религіи народовъ римской имперіи были охвачены тогда очень любопытнымъ броженіемъ, и въхъ прежнее поло-

женіе было глубоко потрясено. Всѣ ихъ заблужденія, недостатки и противорѣчія выступили въ самомъ яркомъ свѣтѣ. Сущность всѣхъ этихъ политеистическихъ религій заключалась въ грубомъ или тонкомъ смѣшеніи Бога и міра, въ обожаніи природы и чело-вѣка, влѣдствіе чего стали шаткими нравственныя требованія и самыя основы нравственности. Въ языческихъ религіяхъ все было Богомъ, но не было самого Бога *). Благодаря именно этому смѣшенію Бога и міра, нравственное развращеніе могло непосредственно примыкать къ религіи. Удовлетвореніе чувственности было необходимою составною частью нѣкоторыхъ культѣвъ. Греческая міѳологія, въ сущности, издѣвалась надъ всякою нравственностью. Платонъ старался предохранить подростаящія поколѣнія отъ ея вліянія. Впрочемъ изъ этого не слѣдуетъ, что греческая цивилизація не имѣла нравственнаго вліянія въ искусствѣ, наукѣ, государственной и частной жизни. Но это вліяніе, эта нравственность основывались не на религіи, а на независимомъ отъ религіи чувствѣ гуманности, чело-вѣчности. Поэтому Гомеръ нравственнѣе, чѣмъ древніе Пелазги, трагикъ нравственнѣе Гомера, Сократъ и Платонъ нравственнѣе трагиковъ, Цицеронъ нравственнѣе Платона, надъ Цицерономъ стоитъ Сенека. Религія римлянъ была нравственнѣе религіи грековъ, хотя извѣстіе, будто въ Римѣ впродолженіи 500 лѣтъ не было ни одного развода, болѣе чѣмъ сомнительно. Но съ проникновеніемъ въ Римъ греческаго образованія началось и гибельное вліяніе греческой міѳологіи. Разнообразныя формы мистерій, въ Египтѣ, бывшія издавна, а въ Греціи — возникшія только одновременно съ возникновеніемъ ея культуры, проникли также въ Римъ, привлекая здѣсь сердца своей претензіей на болѣе глубокую религіозность и большую нравственную чистоту. Цицеронъ (*de legibus*, 2, 14) думаетъ, что элевзинскія мистерія возвышаютъ людей до

*) *Omnia colit, humanus error praeter ipsum omnium conditorem* Tertull. *de idololatria* c. 4 — *apud vos quodvis colere jus est praeter deum verum*. *Apologet.* c. 24.

цивилизации и открываютъ имъ лучшія надежды при смерти. Діодоръ Геллварнасскій говоритъ, что посвященіе въ мистеріи дѣлаетъ людей лучшими и болѣе справедливыми. Но въ дѣйствительности дѣло было иначе; поэтому уже Платонъ говорилъ, что лучшія мистеріи тѣ, которыя празднуетъ философія. Варронъ, (у бл. Августина *de civitate Dei*, 7, 20) хорошо отзывающійся объ элевзинскихъ мистеріяхъ, сообщаетъ все дурное, происходившее въ другихъ мистеріяхъ; тоже дѣлаетъ Климентъ Александрійскій въ своемъ «Протрептикѣ», тоже Тертуліанъ, говоря объ элевзинскихъ мистеріяхъ *). Различныя извѣстія и сужденія о мистеріяхъ можно объяснить тѣмъ, что въ раннее время они имѣли лучший характеръ, чѣмъ въ позднѣйшее.

По скольку политеизмъ, какъ народная религія, проникалъ въ народную жизнь и законодательство, по стольку онъ становился нетерпимымъ по отношенію къ другимъ религіямъ. Греческіе свободные города въ цвѣтущее время своего существованія сильно заботились о томъ, чтобы не было введено новыхъ культовъ. Сократъ долженъ былъ выпить кубокъ съ ядомъ за то, что онъ вводилъ новыхъ боговъ; но крайней мѣрѣ это послужило предлогомъ. У римлянъ до временъ цезарей также было строго запрещено законами вводить новые культы. «Никто не долженъ имѣть отдѣльно боговъ» (*Separatim nemō habessit deos*, Cicero, *de legibus*, 2, 8). Со стороны такихъ культовъ тогда опасались политической агитаціи, почему они попадали въ разрядъ недозволенныхъ обществъ (*collegia illicita*, Sueton. *Caesar* c. 42). Но, съ другой стороны, политеистическія религіи не могли избѣгнуть принципа вѣротерпимости, такъ какъ чувство ограниченности и несамостоятельности каждаго отдѣльнаго бога давало себя чувствовать. Чѣмъ болѣе въ древнихъ религіяхъ уменьшалась жизненная сила, тѣмъ сильнѣе крѣпилось это чувство и вело за собой смѣшеніе различныхъ народныхъ религій. Періодъ возникновенія

*) Tert. adv. Valent. c. 1: *simulacrum membri virilis revelatur.*

и перваго распространенія христіанства есть періодъ наибольшаго смѣшенія религій: Римъ, въ теченіе долгаго времени оберегавшій себя отъ вторженія чужихъ культовъ, долженъ былъ уступить все болѣе и болѣе распространяющемуся давленію времени. Уже въ 43 г. до Р. Х. въ Римѣ почитали египетскихъ боговъ: Изиду и Сераниса. Напрасно, по свидѣтельству Діона Кассія, Меценать совѣтовалъ Августу запретить чужіе культы. Переворотъ въ мысляхъ былъ такъ великъ, что скоро сами императоры стали первые подавать примѣры смѣшенія религій, а римляне стали хвалиться, что они покорили не только народы, но и ихъ боговъ, которые были подчинены Юпитеру, олицетворенію силы Рима, правящей міромъ. Смѣшеніе религій имѣло мѣсто не только въ Римѣ, но и въ другихъ мѣстахъ. Греческіе боги находили почитаніе не только въ предѣлахъ Греціи или ея колоній; они были почитаемы и на Западѣ Европы рядомъ и восточными съ египетскими культами. Жрецы Изиды, Цибеллы, Митры и халдеевъ не смотря на свои постыдные обманы, пользовались большимъ успѣхомъ. Не лишено значенія то обстоятельство, что примѣръ смѣшенія былъ поданъ главнымъ образомъ съ тѣми культами, которые не были ни въ какой связи съ римскимъ государствомъ.

Но, при такой сильно распространенной склонности къ чужимъ культамъ, при такой терпимости къ нимъ, древній міръ однако не могъ еще возвыситься до всеобщей религіи, — религіи особенной, предназначенной для всѣхъ людей: такая религія необходимо предполагаетъ исключаютелій многобожіе монотеизмъ и неизвѣстную античному язычеству идею единаго человечества. Языческій философъ Цельсъ въ началѣ II вѣка смѣялся надъ идеей всеобщей религіи, исключаютелій всѣ другія. Этотъ фактъ показываетъ самымъ яснымъ образомъ, что, не смотря на такое смѣшеніе религій, народная точка зрѣнія на религію, какъ на исключительную принадлежность народа, осталась неизмѣнной. Это послужило большимъ поводомъ къ тому, что римскіе цезари, какъ поставленные во главѣ господствующаго народа, какъ представители его, стали мало по малу

пользоваться божескими почестями. Культъ и апотеоза цезарей являются любопытными образцами всеобщаго заблужденія, основаннаго на сущности политеизма. Если Иродъ Аттикъ (губернаторъ Аѳинскій) помѣстилъ свою супругу въ число героевъ и поставилъ ей въ Аѳинахъ похожій на храмъ памятникъ — достаточно только этого примѣра, — чтобы не удивляться тому, что римскіе властители получали апотеозы. Культъ цезарей былъ прежде всего выраженіемъ подчиненія римской монархіи, подобно тому какъ служеніе Юпитеру Капитолійскому было служеніемъ праву, государственному порядку, главѣ республики. Съ учрежденіемъ всеобщаго господства такое же почтеніе выпало на долю царствующаго императора. По древнему римскому вѣрованію, каждый человѣкъ имѣетъ своего генія, который былъ при немъ всю жизнь и который по его смерти причислялся къ ларамъ, свѣтлымъ духамъ, защитникамъ дома. Еще прежде, по азіатскому обычаю, проконсулы принимали иногда божескія почести; теперь этой честью стали пользоваться, по опредѣленію сената, цезари (Suet. Caesar c. 76). Сначала Августъ высказался противъ такихъ почестей; но затѣмъ онъ долженъ былъ дозволить городамъ, обществамъ и частнымъ людямъ состязаться въ строеніи храмовъ цезарямъ и ему самому долженъ былъ дозволить покореннымъ царямъ прилагать къ нему атрибуты Юпитера Капитолійскаго. Послѣ смерти Августа одинъ сенаторъ клялся, что видѣлъ его восходящимъ на небо. Культъ цезарей, на который Августъ далъ согласіе при жизни, былъ упрямъ и расширенъ при Тиберіи, хотя въ самомъ Римѣ онъ, все-таки, запретилъ по отношенію къ себѣ всякаго рода божескія почести. (Tacitus Ann. I. 10, 54). Въ его преемники слѣдовали примѣру Августа, но заходили гораздо далѣе его. Императоръ Калигула объявилъ себя, какъ правителя, существомъ вышечеловѣческимъ: «Какъ пастухъ существо высшее по отношенію къ своему стаду, такъ и правитель міра по отношенію къ людямъ». Домиціанъ величалъ себя въ своихъ указахъ: «Господь и Богъ нашъ» (Dominus ac Deus noster). Вслѣдствіе этого статуи императора по-

читали больше, чѣмъ статуи Юпитера. Такимъ образомъ, у насъ предъ глазами жалкая поддѣлка подъ всеобщую религію и вмѣстѣ съ тѣмъ кульминаціонный пунктъ народнаго пониманія религіи, какъ исключительной принадлежности народа; крайній результатъ связи религіи съ государствомъ и политическаго употребленія религіи.

Слова Веспасіана въ виду приближающейся смерти: «кажется, я становлюсь богомъ» (*ut puto, deus fio.* Sueton. *Vesp.* с. 24), показываютъ намъ всю пустоту этого культа цезарей и вообще религіознаго состоянія тогдашняго міра. Глава государства смѣялся надъ своею божественностью, — подобно тому какъ въ театрахъ народъ уже съ давняго времени осмѣивалъ своихъ отечественныхъ боговъ и ихъ пороки. Такъ у однихъ упадокъ религіи выражался въ невѣріи, у другихъ — въ суевѣріи. Какъ противоположные полюсы, они поддерживали другъ друга. Чѣмъ сильнѣе было суевѣріе, тѣмъ смѣлѣе, безстыднѣе становилось невѣріе въ своемъ стремленіи уничтожить всякую религію. Часто невѣріе и суевѣріе соединялись въ одномъ человѣкѣ. Плиній старшій въ одно и тоже время смѣется надъ божественнымъ провидѣніемъ, отвергаетъ вѣру въ безсмертіе души и вѣрить въ предзнаменованія (*portenta*).

III. Особенное положеніе въ отношеніи къ этимъ явленіямъ занимаетъ философія. Прежде всего мы замѣчаемъ, что она враждебна къ религіи, хотя и не была прежде таковой. Ея великіе представители не нападали на народную религію: они всѣ были согласны въ вѣрѣ въ единого Бога, что не исключало вѣры въ политеистическихъ боговъ, которыхъ она представляла олицетвореніями силъ природы. Вислѣдствіи философія перестала приравниваться къ религіи. Такъ епикурейцы склонялись къ деизму, который исключалъ всякое воздѣйствіе отвлеченно мыслимаго Бога на міръ. Стоики были пантеисты, презрительно относившіеся къ «невѣдомой толпѣ боговъ» (*ignobilis deorum turba*) и ставившіе мудраго, добродѣтельнаго человѣка выше какого угодно бога. Вслѣдствіе этого всякаго занимающагося философіей обыкновенно считали невѣрующимъ въ боговъ (*Cicero, de inventione I. 29*).

Римскій государственнй мужъ Варронъ (50 г. до Р. Х.) и римскій понтифексъ (жрецъ) Сцевола (современникъ Цицерона) показываютъ намъ въ сохранившихся отъ нихъ отрывочныхъ выраженіяхъ, какихъ мнѣній держались тогда государственные люди и жрецы. Варронъ (August. de civit. Dei, 6, 5) различаетъ три рода (genera) языческаго богословія: богословіе *миѳическое*, которое употребляютъ поэты, *физическое*, которое употребляютъ философы и *гражданское*, которое смотритъ на религію съ точки зрѣнія государственныхъ интересовъ и на обязанности котораго знать, какихъ боговъ слѣдуетъ почитать открыто и какія имъ нужно приносить жертвы. Это же говоритъ Сцевола, (Aug. de civit Dei 4, 27), при чемъ онъ прибавляетъ, что истинный Богъ не имѣетъ ни рода, ни возраста, ни опредѣленнаго вида; но что этого не слѣдуетъ сообщать народу. Вообще онъ думалъ, что въ дѣлахъ религіи народъ слѣдуетъ оставлять въ невѣдѣніи и заблужденіи. Страбонъ также думалъ, что простой народъ и особенно женщины слѣдуетъ вести въ благочестіи не посредствомъ философіи, а посредствомъ миѳологіи, почтенія къ богамъ, и вѣры въ чудеса. Сенека говоритъ объ общественномъ богослуженіи: «все это мудрецъ долженъ соблюдать, но не потому, что это пріятно богамъ, а потому, что это предписано законами» (Aug. de civit. Dei, 6, 10). Изъ Ювенала (Sat. II v. 149) мы узнаемъ, что отпаденіе отъ древней религіи не ограничивалось однимъ только образованнымъ кругомъ общества.

Но философія не всегда относилась къ религіи отрицательно. Такъ о платонизмѣ съ полнымъ правомъ можно сказать, что онъ религіознѣ всякой другой древней философской системы. Платонъ учитъ о самостоятельномъ, независимомъ отъ міра Божествѣ, о τὸ ὄν (онъ не возвысился до ὁ ὄν Ветхаго завѣта), которое требуетъ прежде всего праведнаго почитанія. Своимъ ученіемъ о сверхчувственномъ мірѣ, о врожденныхъ идеяхъ, онъ создалъ сильный противовѣсъ чувственному эмпиризму, который антирелигіозенъ по самой своей природѣ.

Платонъ предугадывалъ ученіе о грѣхопадѣніи и искупленіи, онъ высказываетъ взглядъ, что совершенный праведникъ только тотъ, который укротилъ свои страсти. Не лишнѣ значенія тотъ фактъ, что Платонова философія имѣла въ то время, о которомъ мы говоримъ, довольно много послѣдователей и вообще привлекала многихъ людей, ищущихъ истины. Заслуги ея двоякаго рода: она облагородила язычество и способствовала научному обоснованію и уясненію христіанства. Что касается облагороживанія язычества платонизмомъ, то оно имѣло мѣсто и въ разсматриваемое время; но полного завершенія этотъ процессъ достигъ въ неоплатонизмѣ. Кромѣ платонизма, въ царствованіе Августа получило силу возродившееся пифагорейство въ томъ видѣ, какъ оно было обработано *Анаксиласомъ* и нѣсколько послѣ *Аполлоніемъ Тіанскимъ* (род. 3 г. до Р. X. +98 послѣ Р. X.), при чемъ оно стало въ соприкосновеніе съ астрологіей, теургіей, магіей, некромантіей. Къ этому времени получила вліяніе еще восточная философія. *Еманация*, т. е. истечение извѣстныхъ силъ изъ Бога, съ исключеніемъ божественной воли и творческой дѣятельности, *дуализмъ*, имѣющій основаніемъ абсолютную (безусловную) противоположность духа и матеріи и кончающійся принятіемъ двухъ вѣчныхъ началъ вещей, *мистическое созерцаніе Бога безъ всякаго посредства*,—таковы главные начала этой философіи, изъ которыхъ послѣдній пунктъ—мистическое созерцаніе Бога—былъ заимствованъ впоследствии неоплатонизмомъ.

IV. Нравственность и нравственные начала античнаго язычества были заключены въ очень узкія рамки. Для правильнаго пониманія этого, должно замѣтить, что въ древности большею частью отсутствовала идея человѣчества, равно какъ и идея личной человѣческой свободы и самоопредѣленія. У древнихъ идея *человѣчества* и личная свобода и самоопредѣленіе отдѣльнаго человѣка находила свое осуществленіе въ идеѣ *народа*. Въ каждомъ народѣ національное ограниченіе выражалось главнымъ образомъ въ отдѣленіи свободныхъ отъ рабовъ. Только свободные образы-

вали въ собственномъ смыслѣ народъ и пользовались всѣми гражданскими правами. Что касается рабовъ, то они, какъ люди большею частію чуждаго происхожденія (военнопленные и ихъ потомки), были лишены не только гражданскихъ, но и человѣческихъ правъ. Правда, къ разсматриваемому времени ихъ положеніе нѣсколько улучшилось. Императоръ Клавдій запретилъ изгонять старыхъ, слабыхъ и больныхъ рабовъ. Но не смотря на это, ихъ положеніе было довольно печально. Недостатокъ уваженія къ человѣческой личности, ея достоинству и свободѣ выражался въ положеніи женщины и въ неограниченной власти отца надъ дѣтьми. Правда положеніе женщины и дѣтей ко времени Августа улучшилось (принемъ однажды отецъ, убившій сына, былъ умерщвленъ народомъ), но все-таки оставалось еще многого желать. Жестокій, безчувственный эгоизмъ обнаруживался въ презрительномъ отношеніи къ бѣднымъ. Квинтиліанъ спрашиваетъ: «можешь-ли ты настолько спуститься, чтобы не прогонять отъ себя съ отвращеніемъ бѣдняка?» Платвъ выражается не болѣе гуманно: «Зачѣмъ давать бѣдному? Кто даетъ ему—теряетъ и длить его печальную жизнь». Этотъ эгоизмъ, способствовавшій общему паденію нравственности во всей своей наготѣ выступилъ, главнымъ образомъ, во времена римскихъ императоровъ, когда съ уничтоженіемъ политической независимости у покоренныхъ народовъ стало исчезать національное чувство и любовь къ родинѣ. Глубоко падшая нравственность, какъ ее изображаютъ намъ сатирики: Перей, Ювеналь и философъ Сенека, стала отличительнымъ признакомъ временъ императоровъ, и мудрые люди видѣли бесполезность борьбы противъ господствующаго развращенія, безсиліе противъ него всѣхъ законовъ. Нравственное развращеніе самымъ яркимъ образомъ проявлялось въ Римѣ, а отсюда распространилось и на провинціи. Наклонность къ излишествамъ возрастала въ гигантскихъ размѣрахъ. Энергія, прежде употребляемая на покореніе народовъ, теперь пошла на удовлетвореніе самыхъ отвратительныхъ формъ чувственности, примѣры чего, по разсказу Светонія (in Tib. с. 43,

44), подавали императоры Тиберій и Неронъ и, при томъ, такіе примѣры, которымъ не хочется вѣрить, о которыхъ не хочется говорить. Нѣкоторыя благородныя, гордыя души среди этого потока развращенія находили прибѣжище въ стоическомъ самодовольствѣ и презрѣніи къ міру; но эта добродѣтель не могла достигнуть сколько-нибудь широкаго вліянія, такъ какъ ей не доставало религіозной подкладки.

Самое важное преступленіе языческихъ народовъ, ставшее источникомъ всѣхъ другихъ преступленій, слѣдуетъ искать въ религіозной области, въ помраченіи и извращеніи первоначальнаго богопознанія. Языческому міру было не чуждо темное чувство недовольства, неудовлетворенности своей религіей. Объ этомъ свидѣтельствуетъ вѣра въ темную, таинственную силу рока (*ἀνάγκη, μοῖρα*), которой, по словамъ Геродота (1,91), нельзя избѣжать даже богамъ. (*τῆν πεπωμένην μοῖραν ἀδύνατά ἐστιν ἀποφυγεῖν καὶ θεῶν*). Ученіе о будущихъ судьбахъ міра было мрачное, безоградное. И какъ оно отлично отъ откровеннаго ученія! Ветхій Заѣтъ оканчивается пророчествомъ о Новомъ Заѣтѣ Бога съ своимъ народомъ (Іерем. XXXI, 31); Новый Заѣтъ—пророчествомъ о томъ, что Христосъ побѣдитъ всѣхъ враговъ и передастъ царство Отцу (I Кор. XV, 24.)

II. ІУДЕЙСТВО.

Среди мрака, которымъ различные виды политеизма окружили человѣческое сознаніе и затемнили въ немъ истинное Богопознаніе, былъ на землѣ съ давнихъ временъ одинъ свѣтлый пунктъ, въ которомъ, при помощи Божественнаго откровенія, нащелъ себѣ пріютъ *монотеизмъ* (единобожіе). Этотъ свѣтлый пунктъ—Еврей. Предположеніе, будто вѣра въ единого Бога у евреевъ есть племенная особенность, не только ихъ, но всѣхъ семитовъ, къ которымъ они принадлежатъ, совершенно ложно. Всѣ Семиты, за исключеніемъ однихъ Іудеевъ, были политеисты,— въ томъ числѣ

и Арабы передъ Магометомъ, который свой монотеизмъ почерпнулъ изъ Библіи. Божественное откровеніе, подтвержденное чудесами, и создало, въ полномъ смыслѣ этого слова, Еврейскій народъ, и сдѣлало его избраннымъ народомъ Воинмъ. Евреями управлялъ, Богъ и теократія (Богоуправленіе) стала національнымъ правленіемъ Евреевъ, принадлежащимъ исключительно имъ и не свойственнымъ никакому другому народу въ древности. Религія евреевъ имѣла цѣлью приготовить путь къ новой религіи, Христіанству, — приготовить спасеніе не только Иудеямъ, но и язычникамъ. Всѣ эти надежды, всѣ важнѣйшіе и существенные пункты еврейской религіи, сосредоточивались въ личности Мессіи, долженствующемъ искупить все человѣчество.

Но какая разниа была между высокимъ назначеніемъ евреевъ и ихъ тогдашнимъ политическимъ положеніемъ! Не смотря на то, что евреи были носителями откровенія, у нихъ все измѣнилось, и внѣшнее и внутреннее состояніе; только сердце все еще оставалось такимъ же чертовымъ, какъ и въ прежнія времена. Послѣ неоднократной перемѣны чуждаго господства надъ собой и послѣ нѣкотораго времени самостоятельной политической жизни подъ управленіемъ Маккавеевъ (167—63 до Р. X.), послѣдній изъ Маккавеевъ, Гирканъ, долженъ былъ признать верховную власть Рима. Идумейскіе цари, слѣдовавшіе за нимъ, (первый изъ нихъ Иродъ царствовалъ съ 30 г. до Р. X. по 4 г. по Р. X.) находились также подъ властію Римлянъ. Послѣ ссылки Архелая (сына Ирода), который управлялъ (до 6 г. по Р. X.) Иудеей, Идумеей и Самаріей, всѣ эти области превратились въ римскую провинцію, управляемую римскими прокураторами, изъ которыхъ пятымъ былъ Понтій Пилать (28—37 г.). Нѣкоторое время вся Палестина опять была соединена подъ скипетромъ идумейскаго царя Ирода Агриппы, которому благоволилъ императоръ Клавдій. Послѣ смерти Агриппы Палестина опять превратилась въ Римскую провинцію подъ управленіемъ прокураторовъ.

Внѣшнее положеніе евреевъ измѣнилось и въ другомъ отношеніи. Переселеніе евреевъ изъ Палестины началось со времени вавилонскаго плѣна. Многіе изъ переселенныхъ тогда евреевъ не захотѣли воспользоваться позволеніемъ Кира возвратиться на родину. Они широко распространились по всей Азіи и дѣятельно распространяли свою религію. Въ Римской имперіи ихъ можно было найти въ очень многихъ мѣстахъ; не было, можно сказать, почти ни одного мѣста на землѣ, гдѣ-бы этотъ народъ не нашелъ себѣ пріюта и не проявилъ своей силы. Въ богатой Александріи они составляли двѣ пятыхъ всего населенія. Въ Египтѣ всего было около милліона евреевъ, приблизительно столько-же въ Киренѣ и Ливіи. Много ихъ также было въ Сиріи, особенно въ Антиохіи. Страбонъ (древній географъ) говоритъ, что трудно найти болѣе или менѣе большой городъ въ римскомъ и пароянскомъ государствахъ, гдѣ-бы евреи не вели своихъ дѣлъ. Мы ихъ находимъ въ Малой Азіи и Греціи. Въ Римѣ Іудеи привезены были впервые Помпеемъ въ качествѣ военнопленныхъ. Вскорѣ они были отпущены на волю. Одни изъ нихъ возвратились въ Палестину и построили въ Іерусалимѣ синагогу либертинцевъ (отпущенныхъ на свободу, Дѣян. VI, 9), другіе остались въ Римѣ и выпросили у императора позволеніе построить здѣсь синагогу. Они жили болѣею частью въ предѣлахъ города по ту сторону Тибра. Почти вездѣ, гдѣ они селились, главнымъ ихъ занятіемъ была торговля. Такъ доставка хлѣба изъ Александріи въ Римъ была въ ихъ рукахъ. Богатства, созданныя ихъ ловкостью, расторопностью и талантомъ, приобрѣли имъ хорошее внѣшнее положеніе. Они пользовались правомъ гражданства, имѣли (самостоятельность) въ управленіи своими дѣлами, были свободны отъ воинской повинности, отъ нѣкоторыхъ налоговъ; ихъ нельзя было обращать въ рабство, и рабы изъ евреевъ едва ли были. Уже при Цезарѣ они пользовались религіозной свободой, могли безпрепятственно соблюдать свои законы и церковную организацію. Ихъ союзы при синагогахъ были поставлены въ число «дозволенныхъ обществъ» (collegia

licita), и законы противъ гетерій (недозволенныхъ обществъ) на нихъ не распространялись. Приказаніе сумасброднаго Калигулы поставить въ іерусалимскомъ храмѣ свою статую разбилося о сопротивление народа. Это приказаніе было большой несообразностью. Еврейскому Богу приносили, сообразно съ античнымъ взглядомъ на Божество, поклоненіе: Александръ Македонскій, Птоломей Евергетъ, Селевкъ Филонаторъ и Августъ. Поэтому іудеи, живущіе внѣ Палестины, іудеи «разсѣянія» (*οἱ ἐν διασπορᾷ*), безпрепятственно поддерживали свои сношенія съ іерусалимскимъ храмомъ; для поддержанія его они платили опредѣленную подать и посѣщали его сообразно съ требованіемъ закона въ большіе праздники. На іерусалимскій синедріонъ они смотрѣли, какъ на свою высшую церковную власть. Но всѣ іудеи были ненавидимы язычниками, такъ какъ послѣдніе знали ихъ презрѣніе къ чужимъ богамъ; ихъ торговля выставялась въ неблагопріятномъ свѣтѣ: ихъ богатства возбуждали ненависть. Ихъ ненавидѣли, какъ враговъ челоуѣческаго рода; Тацитъ судить о нихъ очень строго. «Въ отношеніи другъ къ другу, говоритъ онъ, они обнаруживаютъ безусловное довѣріе и поддержку, но въ отношеніи ко всѣмъ остальнымъ—злѣбную ненависть». Поэтому онъ третпруетъ, ихъ какъ самый презрѣнный классъ римскихъ подданныхъ, какъ самый низшій родъ людей (Hist. 5, 5. 8). Особенно ихъ ненавидѣли въ Египтѣ. Въ народѣ, по свидѣтельству Филона, жила старая, какъ бы врожденная, ненависть къ нимъ. Отсюда ихъ кровавое преслѣдованіе около времени рожденія Спасителя. Это презрѣніе къ іудеямъ, имѣющее основаніе въ положеніи ихъ, какъ покореннаго народа, Богъ котораго оказался бесплентъ (Octav. Минуц. Феликса с. 10), выражалось въ извращеніи язычниками ихъ древней исторіи (Jos. с. Аріонем 1. 16; Just. 36. 2. Tacit., hist 5, 2) и въ представленіяхъ о предметѣ ихъ почитанія, который одни считали ослиной головой (Tacis. hist 5, 4), другіе свиньей (Plut. Sympos). Сказка, будто евреи ежегодно убиваютъ какого нибудь грека, предварительно отбормивъ его, и ѣдятъ его внутренности (Joseph.

с. Аріопен), разсчитана на возбужденіе самой дикой ненависти къ евреямъ. Она предшествовала подобнымъ же сказкамъ противъ первыхъ христіанъ, въ среднія вѣка противъ нѣкоторыхъ еретиковъ и, опять самихъ евреевъ.

И. Дроздовъ.

(Продолженіе будетъ).

ОЧЕРКИ ПО ВСЕОБЩЕЙ ЦЕРКОВНОЙ ИСТОРИИ.

II. ИУДЕЙСТВО.

(Продолженіе).

II. Въ какомъ состояніи было религіозно-нравственное и интеллектуальное состояніе еврейскаго народа? Въ древнія времена этотъ народъ дѣлалъ только временныя попытки къ достиженію той цѣли, которую Богъ предназначилъ ему чрезъ Моисея и пророковъ, которая при его жестоковѣйности и склонности къ земному была слишкомъ для него высока. Изъ древней исторіи еврейскаго народа, заключающейся въ книгахъ св. писанія Ветхаго Завета мы узнаемъ о постоянныхъ уклоненіяхъ отъ истиннаго богопочтенія въ пользу многобожія и о близкихъ связяхъ съ иноплеменными, строго запрещенныхъ пророками. Послѣ разрушенія Навуходносоромъ Иерусалима, послѣ возвращенія изъ вавилонскаго плѣна, наклонность евреевъ къ служенію языческимъ богамъ исчезла и монотеизмъ сталъ безусловно господствующимъ. Полное подчиненіе закону и его заповѣдямъ, въ послѣднее время сильно увеличившимся, было основнымъ, главнымъ настроеніемъ народа. Время гоненія Антиоха Епифана было для еврейской религіи временемъ героев; оно запечатлѣно было въ религіозномъ состояніи народа неизгладимыми чертами. Во время этого гоненія многіе изъ нежеланія отступить въ чемъ нибудь, даже въ маломъ, отъ закона претерпѣли страшную мученическую смерть. Весьма дѣйствительнымъ средствомъ къ познанію и соблюденію закона были основанныя послѣ вавилонскаго плѣна синагоги (2 Макк., гл. 7). Онѣ являли свое собственное управленіе и устроеніе; въ нихъ

читался и объявлялся законъ Моисея, и раввинъ, на которомъ лежала эта обязанность, скоро сталъ болѣе важнымъ и вліятельнымъ лицомъ, чѣмъ священникъ. Но въ самый законъ вкралось много прибавленій. Объ этомъ свидѣтельствуетъ Евангеліе, и его свидѣтельство подтверждаетъ Талмудъ. Въ субботу напр. было запрещено до 30 родовъ разныхъ занятій. И синагоги поддерживали эту вышнюю религіозность. Но чѣмъ сильнѣе народъ чувствовалъ тяжесть своего положенія, тѣмъ живѣе пробуждались въ немъ надежды на скорое пришествіе Мессіи. Эти надежды были окрашены яркими красками и были существенной поддержкой религіозному фанатизму. Только не многіе благочестивыя души ожидали въ глубокомъ смиреніи утѣхи израиля въ духовномъ смыслѣ этого слова (Лук. 2, 38). Такъ іудеи впади въ ту же ошибку, которую мы видѣли у Римлянъ. Ихъ Богъ, ихъ Мессія, благодаря слишкомъ буквальному пониманію ветхозавѣтныхъ пророчествъ, отождествился съ отечествомъ; ихъ народныя страсти перенесены на Мессію, который долженъ сдѣлать израильскій народъ владыкой вселенной.

Среди такихъ обетоятельствъ въ іудейскомъ народѣ образовались двѣ главныя партіи (*αἵρεσις*), которыя неправильно называютъ сектами. Съ одной стороны мы видимъ партію, которая твердо и послѣдовательно продолжала національное дѣло наставленія народа въ законъ и подчиненія его этому закону, дѣло начавшееся, какъ мы знаемъ, со времени возвращенія евреевъ изъ вавилонскаго плѣна. Это дѣло было весьма важное какъ для ближайшаго къ разсматриваемому времени, такъ и для всего послѣдующаго. Люди, принадлежащіе къ этой партіи старались главнымъ образомъ изолировать истиннаго израильянина отъ всего, что стояло далеко отъ закона и прежде всего отъ язычества, затѣмъ отъ тѣхъ единоплеменниковъ, которые недостаточно были строги въ соблюденіи закона. Поэтому ихъ называли фарисеями, т. е. отдѣленными (перушимъ евр., по греч. *ἀφορισμένοι*). Они заботились объ образованіи народа въ томъ духѣ, какъ это было

въ синагогахъ, т. е. въ духѣ своей школьной учености. Они твердо держались вѣры отцевъ, стремились къ національной независимости, и въ глубинѣ души ненавидѣли греческую образованность. Это была партія патріотовъ, имѣющая глубокіе корни въ жизни народа, у котораго они пользовались глубокимъ уваженіемъ, хотя различныя прозвища, которыя имъ давалъ народъ, показываютъ, что подъ покровомъ вишняго благочестія они видѣли ихъ ошибки и пороки. Имъ принадлежитъ большая заслуга какъ творцамъ и устроителямъ іудейскаго народа, какъ хранителямъ тѣхъ благъ, которыя ему были ввѣрены, пока эти блага не стали принадлежностію всего человѣчества. Но если іудейство имъ многимъ обязано, то, съ другой стороны, ихъ заблужденія были главной причиной отверженія Мессіи своимъ народомъ и послѣдующихъ политическихъ несчастій, постигшихъ еврейскій народъ. Ихъ законническая праведность довела ихъ до страшнаго преступленія, ихъ знаніе закона до ужаснаго ослѣпленія относительно высшаго исполненія божественныхъ обѣтованій; ихъ патріотизмъ до гибели царства.

Противоположность фарисеямъ составляли рядомъ съ ними засѣдавшіе и дѣйствовавшіе въ Синедріонѣ *саддукеи*. Происхожденіе ихъ неизвѣстно. Изъ предположеній относительно ихъ происхожденія и самаго названія ихъ самое вѣроятное—то, что въ противоположность лицебной праведности фарисеевъ они представляли себя, какъ людей праведныхъ и *справедливыхъ* (цадикимъ евр., ἀπὸ δικαιοσύνης по переводу св. Епифанія. Наег. 14) не только наружно, но и внутренно. Какъ и слѣдовало ожидать, стремленіе фарисеевъ къ соблюденію однихъ вишнихъ требованій закона, ихъ многочисленныя прибавленія къ нему изъ устнаго преданія должны были вызвать реакцію. Эта реакція примыкала къ саддукеямъ. Она стояла съ фарисеями на одной и той-же почвѣ—Моисеевомъ законѣ; они утверждали, что они соблюдаютъ отеческую вѣру въ чистомъ ея видѣ. Предположеніе, будто они признавали только пятокнижіе Моисея,—ошибочно. Но можно съ

достоверностью утверждать, что они мало цѣнили большую часть обрядовъ и, какъ священники, иногда въ самыхъ храмахъ подавали поводъ къ соблазнамъ. Въ частности, они учили, что не будетъ воскресенія мертвыхъ (Мѡ. XXII, 23), отрицали бытіе ангеловъ. Юсіфъ Флавій (Bell. Jud. 2, 8, 24) говоритъ, что они учили объ уничтоженіи человѣческой души послѣ смерти тѣла. Онъ же приписываетъ имъ ученія о томъ, что Богъ не имѣетъ никакого вліянія на поступки человѣка, при чемъ цѣлю этого ученія выставляется то, чтобы поставить Бога вѣ въ всякаго отношенія ко злу и сдѣлать добродѣтель исключительно собственностью человѣка. Въ отличіе отъ фарисеевъ саддукеи были довольны чужимъ господствомъ и менѣе сторонились отъ его разнообразнаго вліянія. Они не хотѣли подобно фарисеямъ довольствоваться исключительно національной культурой; они старались заимствовать и чужое. Въ то время какъ фарисеи твердо стремились къ крайней національной исключительности, не допускающей въ свою среду ничего посторонняго, чужаго, саддукеи проповѣдывали космополитическія идеи. Поэтому саддукеи принадлежали большею частью къ высшимъ классамъ общества, въ общемъ никогда не были многочисленны и менѣе уважались народомъ, чѣмъ фарисеи. Этому могъ отчасти способствовать соблазнъ отъ ихъ роскоши и распущенности. Но нѣтъ никакихъ основаній смотрѣть на нихъ, какъ это дѣлали іудеи среднихъ вѣковъ, какъ на епикурейцевъ и упрекать ихъ въ атеизмъ и матеріализмъ. Но въ отношеніи къ христіанству они представляются въ менѣе благоприятномъ свѣтѣ, чѣмъ фарисеи, какъ это ясно показываетъ Новый Заветъ. Изъ среды ихъ не вышло ни Никодима, ни Гамалиила. (Дѣян. V, 34). Нѣтъ извѣстій, чтобы изъ среды ихъ кто нибудь обратился въ христіанство, тогда какъ изъ фарисеевъ, по свидѣтельству бн. Дѣяній (XV, 5) кромѣ апостола Павла обращались въ христіанство и другіе.

Совершенно отлична отъ этихъ двухъ названныхъ партій іудейскихъ третья, къ которой одной собственно приложимо наз-

ваніе секты, — именно секта *Ессеевъ* (ἐσσηαῖοι у Филона) или правильнѣе *Ессеновъ* (ἐσσηνοὶ у Юсифа Флавія). Всего вѣроятнѣе это слово происходитъ отъ еврейскаго *аси*, врачевать, такъ ихъ жизнь была, по ихъ мнѣнію, врачевствомъ для міра отъ его развращенія. Происхожденіе ихъ относится къ половинѣ втораго столѣтія до Р. Х. Они жили частію отдѣльно отъ соплеменниковъ въ собственныхъ колоніяхъ по Мертвому морю, частію вмѣстѣ съ ними въ городахъ и селахъ Палестины и Сиріи. Число ихъ доходило до 4000 человекъ. Они имѣли свое собственное устройство и управленіе. Они отличались строгимъ аскетизмомъ, по крайпей мѣрѣ, нѣкоторые изъ нихъ были безбрачны. Они исповѣдывали иудейскую религію, но благодаря своей замкнутости не имѣли вліанія на другихъ іудеевъ. Они не имѣли общенія съ храмомъ, такъ какъ не хотѣли приносить никакихъ жертвъ. Замѣчательно то, что они старались не имѣть никакого отношенія ни къ теократіи, ни къ политикѣ и не стремились къ внутреннему возрожденію и обрѣзанію сердца. Чистота нравовъ ессеновъ была очень благодѣтельнымъ явленіемъ среди іудеевъ, такъ какъ благодаря сношенію съ Римлянами и къ нимъ проникло безбожіе и нравственное развращеніе, страшную картину котораго представилъ Юсифъ Флавій (De bell. Jud. 7, 8. 1).

III. Большое значеніе имѣли сношенія іудеевъ съ сосѣдними языческими народами. Они были двоякаго рода: отчасти іудеи воздѣйствовали на язычниковъ и привлекали ихъ къ себѣ, отчасти сами многое заимствовали отъ нихъ, втягиваясь въ кругъ идей еллинской образованности. Первый родъ сношеній породилъ *преселитовъ* (προσηλυτοὶ или по словарю Свиды προσεληλυθῶς, т. е. пришелець). Были такого рода язычники, которые обратившись въ іудейство стали по своему настроенію совершенными іудеями, ревностно исполняющими законъ Моисеевъ. Они были главнымъ образомъ изъ тѣхъ, которые постоянно жили среди іудеевъ со времени ихъ выхода изъ Египта (Исх. XII, 38. 48). Во время

Давида и Соломона число чужестранцевъ доходило до 153,600 (2 Парал. II, 17), изъ которыхъ многіе благодаря обрѣзанію стали совершенными іудеями и имѣли право на все преимущества и будущія блага избраннаго народа Божія. Пользовались покровительствомъ, защитой и тѣ, которые хотя и не были обрѣзаны, но воздерживались отъ разныхъ языческихъ мерзостей. Въ первыя столѣтія послѣ плѣна обращенія въ іудейство стали явленіями единичными. Но проникновеніе изъ Египта и Сиріи греческаго образованія и нравовъ грозило истинному іудейству тяжелой борьбой. Послѣ смерти Симона праведнаго (†198 до Р. Х.) начались отпаденія отъ іудейства, что необходимо должно было вызвать реакцію. Поэтому во время Маккавеевъ началась дѣятельная проповѣдь іудейства. Іоаннъ Гирканъ принудилъ къ обрѣзанію Идумеевъ (129 до Р. Х.); Итурей также приняли обрѣзаніе. Этотъ прозелитизмъ былъ настолько силенъ, что Пелла была разрушена за отказъ принять іудейство. Съ этого времени начали пропагандировать фарисеи. Обращенные ими дѣлались сильнѣйшими врагами христіанъ и по своей нравственной физіономіи вполне заслуживали того суроваго приговора, который произнесъ надъ ними Спаситель (Мѣ. XXIII, 15). Къ такого рода прозелитамъ относились подозрительно сами іудеи. Въ Талмудѣ они названы отребьемъ Израіля; здѣсь же о нихъ говорится, что они наравнѣ съ осквернителями дѣтей задерживаютъ пришествіе Мессіи. Поэтому прозелиту нельзя вѣрить до 24-го рода.

Рядомъ съ этимъ не всегда благотворнымъ воздѣйствіемъ іудейства на язычество было еще другое, вполне соответствующее высокому божественному призванію израіля и привлекавшее къ іудейству весьма многихъ. Въ Новомъ Завѣтѣ часто упоминаются благочестивые, боящіеся, чтущіе Бога (*φοβούμενοι, σεβόμενοι τὸν θεόν, εὐσεβεῖς, εὐλαβεῖς*)), которые большею частію дѣлались членами христіанскихъ общинъ. Это были тѣ ищущіе правды, которые, проникшись отвращеніемъ къ мерзостямъ выродившагося язычества, нашли успокоеніе въ откровенной истинѣ Вѣтхаго Завѣта.

Это воздѣйствіе іудеевъ на язычниковъ, кажется, было тѣмъ сильнѣе, чѣмъ болѣе послѣдніе ихъ презирали.

Къ благороднымъ внутреннимъ мотивамъ, впрочемъ, часто присоединялись и другіе болѣе или менѣе внѣшняго свойства вроде желанія избѣгнуть военной службы, отъ которой іудеи были освобождены, торговыхъ расчетовъ, брака и т. п. Какъ бы то ни было, число прозелитовъ было настолько велико, что римскіе писатели (Cicero, pro flacco, 28; Horat. Sat. 1, 9, 69; juv. 14, 96; Tacit. Ann. 2, 85) жалуется на это; Сенека (у бл. Августина, De civ. Dei, 6, 11), напримѣръ, говорили, что побѣжденные дали побѣдителямъ свои законы. Число женщинъ прозелитокъ было больше числа мужчинъ (Дѣян. XVII, 4).

Изъ сказаннаго очевидно, что прозелиты должны были имѣть нѣсколько разрядовъ; раввины различали два: *прозелитовъ вратъ* и *прозелитовъ правды*.

Прозелиты вратъ получили свое названіе отъ тѣхъ пришельцевъ, которые жили во вратахъ Израэля (Исх. XX, 10; Втор. V, 14). О нихъ, какъ уже сказано, упоминается въ Новомъ Завѣтѣ. На нихъ возлагалось не столько соблюденіе Моисеева закона, сколько такъ называемыхъ семи Ноевыхъ заповѣдей, въ которыхъ имъ запрещалось идолослуженіе, пролитіе человѣческой крови, кровосмѣшеніе, воровство, яденіе животныхъ, въ которыхъ еще есть кровь, и заповѣдывалось истинное Богопочитаніе и истинная праведность. Они могли жить подъ извѣстными условіями въ самой Палестинѣ, кромѣ Іерусалима. Они не были обязаны ни обрѣзаться, ни праздновать сabbоту. Входъ въ синагоги имъ былъ дозволенъ. Между ними были люди, ищущія истины, какъ напр. капернаумскій сотникъ Корнилій съ семействомъ, Лидія. Они были воспріимчивы къ евангельской проповѣди.

Прозелиты правды, сыны завѣта, новыя творенія, принимались въ іудейство чрезъ обрѣзаніе, крещеніе и жертвы. Они должны были порвать все кровныя связи съ языческими родственниками, даже самыми близкими; по нѣкоторымъ раввинскимъ мнѣ-

ніямъ и они могли вступать въ бракъ даже съ матерью и родной сестрой. Тацитъ (Hist. V, 5) говорить о нихъ: «тѣхъ, которые къ нимъ (іудеямъ) переходятъ, они обрѣзываютъ и прежде всего научаютъ презирать боговъ, измѣнять отечеству, пренебрегать родителями, дѣтьми, братьями». Къ нимъ относится извѣстный строгій приговоръ Спасителя (Мѣ. XXIII, 15).

Можно различить еще *третій разрядъ* прозелитовъ, къ которымъ принадлежали тѣ изъ язычниковъ, которые принимали участіе въ іудейскомъ богослуженіи, не оставляя язычества, надъ чѣмъ смѣялся Гораций (Sat. I, 9, 69). Такіе не рѣдко попадали въ руки обманщиковъ. *И. Дроздовъ.*

(Продолженіе будетъ).

ПРИВЪВЛЕНІЯ

къ Иркутскимъ Епархіальнымъ

Вѣдомостямъ.

Іюль 1. № 15. 1897 г.

ОЧЕРКИ ПО ВСЕОБЩЕЙ ЦЕРКОВНОЙ ИСТОРИИ.

III. ІУДЕЙСТВО.

(Продолженіе).

III. Между іудеями и язычниками были и другаго рода сношенія, въ которыхъ выразилось вліяніе язычниковъ на іудеевъ. Какъ духовно одаренный народъ, хорошо понимающій выгодную сторону во всѣхъ предметахъ, іудеи нашли эту сторону и въ греческой культурѣ, которую мало-по-малу стали заимствовать. Это главнымъ образомъ произошло въ Александріи, которую Птоломеи сдѣлали главнымъ средоточіемъ греческой учености и культуры. Здѣсь были іудеи, которые твердо держась вѣры отцевъ, далекіе отъ всякаго смѣшенія религій, стремились къ научному обоснованію этой вѣры при помощи греческой философіи. Это требовалось, между прочимъ, въ апологетическихъ интересахъ, такъ какъ іудеи принуждены были защищать свою религію, которой они такъ твердо держались, отъ обвиненія со стороны язычниковъ въ антропоморфизмъ. Такъ возникла въ Александріи іудейская религіозная философія, въ основаніе которой легла философія Платона въ смѣшеніи съ идеями Аристотеля, Пифагорейцевъ и Стоиковъ. Важнымъ результатомъ этого сліянія іудейскаго и языческаго образа мышленія было аллегорическое объясненіе Ветхаго Завѣта заимствованное alexandрійскими іудеями у стоиковъ, которымъ тѣ пользовались для объясненія мѣровъ. Въ основаніи такого толкованія лежало то положеніе, что религіозныя истины обыкно-

венно воплощаются въ фактахъ исторіи и явленіяхъ природы; открыть ихъ въ томъ и другомъ случаѣ можно только при посредствѣ аллегорическаго толкованія.

Уже во второмъ столѣтіи до Р. Х. пользовался этимъ толкованіемъ александрійскій ученый іудей Аристовулъ. Но пользуясь аллегорическимъ толкованіемъ, александрійскіе ученые ссылались на тайное преданіе, которое, по ихъ мнѣнію, одно только даетъ ключъ къ правильному пониманію Ветхаго Завета.

Древнѣйшій документъ іудейско-александрійской мудрости— *переводъ Ветхаго Завета* съ еврейскаго на греческій, извѣстный подъ именемъ LXX толковниковъ. Ближайшимъ образомъ этотъ переводъ былъ вызванъ религіозной потребностью—дать возможность понимать св. писаніе язычникамъ и тѣмъ іудеямъ, которые вслѣдствіе долгаго пребыванія въ Палестины стали забывать свой родной языкъ. Первые попытки этого перевода были сдѣланы въ первой половинѣ III вѣка до Р. Х. въ царствованіе Птолемея Филадельфа († 246 до Р. Х.); переведено было сначала вѣроятно только Пятикнижіе. Весь переводъ конченъ къ половинѣ II вѣка до Р. Х. Переводъ этотъ чрезвычайно не нравился фарисеямъ. Они думали, что, такъ какъ Богъ открылъ свой Заветъ на еврейскомъ языкѣ, то и хранить его нужно на еврейскомъ же языкѣ; всякій переводъ его на другой языкъ, будетъ его оскверненіемъ. Праздникъ по поводу перевода Библии, который александрійскіе евреи справляли на островѣ Фаросѣ, гдѣ, по преданію, были келіи 70 толковниковъ, — былъ для фарисеевъ днемъ поста, даже несчастія. Раздѣленіе между евреями настоящими и евреями говорящими по гречески (елинистами) главнымъ образомъ основывалось на недоразумѣніяхъ по поводу перевода Библии. Значеніе этого перевода было очень большое; благодаря ему милліоны были приобрѣтены для іудейства, милліоны были удержаны отъ отпаденія отъ него и погложенія язычествомъ.

Изъ представителей александрійской религіозной философіи особенное вниманіе обращаетъ на себя еврей *Филонозъ* († 41 до

Р. Х.). Онъ былъ первымъ ветхозавѣтнымъ богословомъ. Онъ стремился къ научному обоснованію вѣры своихъ соплеменниковъ, не увлекаясь въ то же время аллегорическимъ толкованіемъ Ветхаго Завѣта. Онъ имѣлъ значительное вліяніе на александрійскихъ христіанскихъ богослововъ Климента и Оригена. Какъ многіе изъ его современниковъ, онъ придерживался эклектической философіи, въ составъ которой въ значительной мѣрѣ входило ученіе Платона. — Вмѣстѣ съ этимъ авторитетъ Ветхаго Завѣта признавался вполне. Филонъ думалъ, что Платонъ заимствовалъ свои идеи изъ Ветхаго Завѣта; онъ также былъ въ полномъ убѣжденіи, что свое философское міросозерцаніе, которымъ онъ всецѣло обязанъ Платону и Зенону, имъ заимствовано изъ Библии. Чистое бытіе греческой философіи отождествлялось у него съ іудейскимъ Богомъ. Заповѣдь, запрещающая признавать имя Божіе, по его мнѣнію значить то, что къ Богу нельзя прилагать никакого названія. Законъ Моисея, въ который онъ *взрѣтъ* есть ни что иное, какъ философія Платона; законъ, который онъ *исполняетъ*, — древняя вѣра отцевъ. Онъ вѣрилъ, что люди оставляютъ со временемъ свои религіи и обратятся къ закону Моисея. По его мнѣнію Израиль предназначенъ быть вождемъ народовъ, священникомъ, чтобы молить Бога за все человѣчество. Чрезъ Моисея и въ его лицѣ даны истина и путь ко спасенію. Идеаль мудреца, который ищутъ стоическіе и неопифагорейскіе мыслители, можно видѣть въ лицѣ Моисея, который уже давно для Израиля служитъ руководителемъ жизни. Основной пунктъ богословія Филона — ученіе о Логосѣ (въ его двойномъ значеніи: разума и слова) какъ о посредствующемъ началѣ между Богомъ и міромъ.

Вообще александрійскіе ученые іудеи старались выдѣрить въ язычниковъ вѣру въ единого Бога и свои мессіанскія надежды; вмѣстѣ съ тѣмъ они старались показать всю очевидную суестьность древняго политеизма. Такъ они по опыту знали, что язычники не читаютъ книгъ, проповѣдующихъ и защищающихъ іудейство, то они стали впадать свою вѣру и свои мессіанскія надеж-

ды въ уста языческихъ авторитетовъ. Такъ Аристовуль вложилъ въ уста извѣстнаго мнѣческаго пѣвца Орфея, около котораго сгруппировалась цѣлая особенная литература, похвалу Аврааму, десяти заповѣдямъ, субботѣ (Euseb. *Prepat. evang.* 13, 12). Большое впечатлѣніе могло бы произвести, если бы было открыто, что въ древнихъ Сивиллиныхъ книгахъ есть голосъ въ пользу іудейства. И дѣйствительно, мы видимъ многочисленныя пророчества въ сивиллиныхъ книгахъ, въ которыхъ іудейская пропаганда обращается къ совѣсти языческаго міра съ увѣщаніемъ обратиться къ истинному Богу, вести болѣе чистую жизнь, причемъ іудейскій народъ изображается единственнымъ руководителемъ въ жизни для всѣхъ смертныхъ *). Къ этому присоединяются угрозы наказаніями за нравственное и религіозное развращеніе, угрозы производящія тѣмъ болѣе впечатлѣніе, что они соотвѣтствуютъ чувствамъ мыслящихъ умовъ античнаго язычества. Эти же сивиллины предсказанія открываютъ также перспективу будущаго блаженства во времена мессіанскія, когда міръ обратится къ іудейскому Богу и іудейскому закону. Поэтому мессіанскія надежды были язычникамъ извѣстны. Это мы видимъ изъ выраженій *Virgili* (4 эклога), *Светонія* (*Yesp.* с. 4), *Тацита* (*Hist.* 5, 13). По всеобщему убѣжденію, по *Светонію*, по древнимъ священнымъ преданіямъ по *Тациту*, изъ Іудеи произойдутъ владыки міра, причемъ какъ *Светоній*, такъ и *Тацитъ*, а также *Іосифъ Флавій*, которымъ въ данномъ случаѣ они оба пользуются, прилагаютъ это къ *Веснасіану* и его сыну *Титу*.

Такъ міръ увлекался большими надеждами и тревожился большими опасеніями, чѣмъ прежде. Опасеній, все таки было больше, чѣмъ надеждъ.

*) Подлинныя сивиллины книги сгорѣли вмѣстѣ съ Капитоліемъ, гдѣ они хранились, въ 74 г. до Р. Х. Возникли повня, довольно многочисленныя, такъ что *Августъ* долженъ былъ запретить ихъ. (*Fac. ann* 6, 12). Первые слѣды іудейскихъ сивиллъ находятъ у *Іосифа Флавія* (*Ant.* 1, 4, 5). Древнѣйшія іудейскія сивиллы относятся ко второму вѣку до Р. Х.; позднѣйшія—къ пятому по Р. Х.

Въ видѣ прибавленія слѣдуетъ замѣтить, что и въ Египтѣ была секта, подобная ессенамъ, именно секта *ѳерапевтовъ*. ѳерапевты отличались еще большимъ воздержаніемъ, чѣмъ ессены. Они были безбрачны. Они жили вблизи Александріи, на возвышенности около озера Мареотисъ. Имя ѳерапевтъ, отъ греч. *ѳεραπευειν* означаетъ истиннаго почитателя Бога. ѳерапевтовъ можно считать предшественниками христіанскихъ монаховъ (О нихъ говорится у Филона въ сочин. *De vita contemplativa*, изъ котораго даетъ выдержки Евсевій *Hist.* II, 17).

Родственны іудеямъ, но крайне презираемые ими, были *самаряне*, жившіе между Іудеей и Галилеей въ мѣстности, получившей отъ нихъ названіе Самаріи. Они произошли послѣ плѣна Вавилонскаго изъ смѣшенія съ оставшимися іудеями переселенцевъ изъ Вавилона, *Кута* (отсюда они называются иногда *кутееми*) и другихъ мѣстностей, которыхъ переселилъ въ Іудею царь Ассирійскій, чтобы опять заселить опустошенную страну (2 Цар. XVII, 24). Переселенцы почитали рядомъ съ своими богами и Бога страны, Іегову. При помощи персидскаго областнаго правителя Сановаллата, у нихъ явился (409 г. до Р. X.) первосвященникъ Манассія; изъ книгъ св. Писанія они приняли только Пятикнижіе; они построили храмъ на горѣ Гаризинъ, такъ какъ въ XXVI гл. 4 кн. Второзаконія они вмѣсто «Гаваль» читали «Гаризинъ». Съ этихъ поръ у нихъ не встрѣчается слѣдовъ политеизма; они напротивъ стали приверженцами строгаго монотеизма. Позднѣйшія раввинскія прибавленія ими не признавались. Такъ какъ они считали храмъ на Гаризинѣ единственно истиннымъ, то іудеи ненавидѣли ихъ за это. Ненависть эта не прекратилась и послѣ разрушенія въ 109 году до Р. X. гаризинскаго храма Іоанномъ Гирканомъ. Ихъ возвышенное пониманіе Моисеева закона нѣкоторые ученые (Резениусъ, въ сочиненіи *De theologia samaritana*) ставятъ въ зависимость отъ александрійской религіозной философіи.

Въ Александрію самаряне были переселяемы еще при Александрѣ Македонскомъ; затѣмъ ихъ переселялъ Птоломей Лагъ, давшій имъ мѣста въ нижнемъ Египтѣ и въ Александріи. (Joseph. Ant. 1, 8. 6. 12). Въ первомъ вѣкѣ по Р. Х. изъ среды ихъ вышли основатели сектъ: Досифей, Симонъ Магъ и ученикъ его Менандръ.

И. Дроздовъ.

(Продолженіе будетъ).

ОЧЕРКИ ПО ВСЕОБЩЕЙ ЦЕРКОВНОЙ ИСТОРИИ.

Основаніе и распространеніе церкви.

а) Божественный Основатель.

Hergerörther, Hand.d. Kirshg.

Средоточіе всеобщей исторіи, живая высочайшья глава всей церкви есть Богочеловѣкъ Іисусъ Христосъ. Въ пользу дѣйствительнаго его историческаго существованія можно привести: 1) всѣ доказательства, приводимыя въ пользу достовѣрности евангельской исторіи; 2) свидѣтельства даже тѣхъ, которые не имѣли никакого отношенія къ христіанству,—іудеевъ и язычниковъ *).

Господь Іисусъ Христосъ родился въ 747 году отъ основанія Рима отъ дѣвы Маріи (Исаиі VII, 14), въ Виолеемѣ (Мих. V, 2), чудеснымъ образомъ. Хотя по своему рожденію Онъ былъ потомокъ Давида, однако чтобы показать всѣмъ примѣръ самоуничженія, онъ съ самаго рожденія подвергъ себя бѣдности; Сынъ Божій, предвѣчно рожденный отъ Отца, Онъ снисшелъ къ людямъ, принялъ зракъ раба.

Его жизнь раздѣляется на двѣ неравныя половины. Первая, большая часть, обнимаетъ періодъ его неизвѣстной частной жизни, вторая, меньшая—періодъ его общественной жизни, дѣятельности и ученія.

Новорожденному младенцу поклонились ангелы, представители неба, виолеемскіе пастухи, представители простыхъ, смиренныхъ вѣрующихъ, волхвы, представители обращающихся язычниковъ. Чудесныя знаменія до, во время и послѣ рожденія Боже-

*) Бромъ язычниковъ: Светонія, Тацита, Плиія Младшаго, Цельса и іудейскаго талмуда особенно извѣстностью пользуется свидѣтельство Іосифа Флавія (Ant. XVII, 3, 3.). Оно слѣдующее: „въ это время рождается Іисусъ, мудрый мужъ (если только можно назвать его мужемъ). Онъ дѣлалъ удивительныя дѣла, (былъ учителемъ людей съ радостію принимающихъ истину). Онъ привлекъ къ себѣ многихъ іудеевъ и еллиновъ. (Онъ былъ Христосъ). Тѣ, которые съ самаго начала возлюбили его, не оставляли его и тогда, когда Пилатъ по обвиненію первыхъ мужей іудейскихъ, умертвилъ его, распявъ на крестѣ. (Но онъ явился къ нимъ опять живымъ согласно предсказаніямъ божественныхъ пророковъ, предрекившихъ какъ это, такъ и множество другихъ удивительныхъ дѣлъ). Христіане, получившіе отъ Него названіе не уничтожились до сего дня“. Одни ученые считаютъ это свидѣтельство не подлиннымъ, хотя и безъ особенныхъ основаній, другія подлиннымъ въ дѣломъ составѣ, третьи въ общемъ подлиннымъ, но интерполированнымъ съ позднѣйшими вставками). Интерполированныя, по мнѣнію этихъ ученыхъ, мѣста отмѣнены скобками.

ственного младенца, имя нареченное ему ангеломъ, чудесное спасеніе его отъ грозящей опасности со стороны Ирода, наконецъ его бесѣды съ книжниками въ храмѣ на двѣнадцатомъ году, — все указываетъ на великую, необыкновенную личность. Не смотря на это чудесный младенецъ, надъ которымъ соблюдены были всѣ, предписанія закона (обрѣзаніе, принесеніе въ храмъ), жилъ въ городкѣ Назаретъ въ подчиненіи своей матери и нареченному отцу плотнику Іосифу, потому его и называли сыномъ плотника (Марк. VI, 3). Аристократизму образованія въ древнемъ мірѣ, его презрѣнію къ труду своихъ рукъ, было противопоставлено смиреніе; слово, изъ мастерской плотника, должно было побѣдить эту аристократическую гордость. Возростаніе Спасителя въ мудрости и благодати (Лук. II, 40, 52) есть ни что иное, какъ постепенное развитіе и обнаруженіе во внѣ Его Божества. Особеннаго человѣческаго образованія онъ не получилъ; іудеи, изумлявшіеся его мудрости, знали, что Онъ не учился писаніямъ. Никакое человѣческое образованіе, которое Онъ тогда могъ получить, не сдѣлало бы Его тѣмъ, чѣмъ Онъ явился въ дѣйствительности. Въ Немъ рядомъ съ человѣческимъ знаніемъ сіяло знаніе Божественное, въ Немъ было исполненіе Божества телѣснѣ, въ немъ были сокрыты всѣ сокровища мудрости и знанія (Кол. II, 3, 9). Тѣмъ не менѣе по тогдашнему обычаю Онъ выступилъ на общественное служеніе только тридцати лѣтъ.

Предъ нимъ выступилъ, какъ послѣдній пророкъ, Его предтеча *Іоаннъ* (облагодатствованный), чтобы приготовить Ему путь въ духѣ и силѣ Іліи (Лук. I, 17; Марк. IX, 11 и дал. Мѡ. XI, 13 ср. Мал. IV, 5 и дал.). Онъ жилъ какъ назорей, въ строгомъ воздержаніи, бичуя суровой проповѣдію господствующіе пороки и требуя покаянія въ нихъ; въ знакъ необходимости внутренняго очищенія онъ крестилъ приходившихъ къ нему въ водахъ Іордана. Многіе спѣшили къ нему; изъ нихъ не мало было людей, которые принимали его за Мессію. Но онъ говорилъ, что онъ гласъ вопіющаго въ пустыни, что Искупитель хотя и былъ всегда прежде

него, придетъ послѣ него. (Іоан. I, 19—27). Къ нему на Іорданъ пришелъ принять крещеніе Самъ Іисусъ. Цѣль этого пришествія была та, что Сынъ Божій своимъ собственнымъ примѣромъ хотѣлъ подтвердить необходимость крещенія Іоанна, хотѣлъ показать, что онъ склоняется предъ знакомъ, напоминающимъ о человѣческихъ грѣхахъ, хотѣлъ показать свое смиреніе, показать, что предчувствіе Крестителя стало совершившимся фактомъ. Въ тотъ самый день, когда Іоаннъ, сначала отклонявшій, крестилъ Его, послѣдовало Божественное откровеніе, объявившее крещеннаго возлюбленнымъ Сыномъ Божиимъ, прославившее Его явленіемъ Отца и Св. Духа. Такимъ образомъ Іоаннъ сталъ свидѣтелемъ этого откровенія. Онъ теперь съ полнымъ сознаниемъ могъ указывать на Агнца, вземлющаго грѣхъ міра, сознавая вмѣстѣ съ тѣмъ, что Іисусу слѣдуетъ расти, а ему умяляться. (Іоан. I, 29, III, 30). Впослѣдствіи, за порицаніе незаконнаго сожитія Ирода Антипы съ Иродіадой онъ былъ заключенъ послѣднимъ въ крѣпость Махерузетъ, изъ опасенія его сильнаго вліянія на народъ, и, быть можетъ, изъ желанія сдѣлать его безопаснымъ отъ мщенія оскорбленной женщины.

Ученики Іоанна Крестителя, посланные имъ изъ темницы къ Іисусу и получившіе на свои вопросы вмѣсто отвѣтовъ указанія на исполненіе пророчествъ (Ис. XXXV), 4 и дал. LXI, 1 дал.), на чудеса (Мѡ. XI, 2, Лук. VII, 19), присоединились послѣ смерти Іоанна, который по прояскамъ Иродіады былъ обезглавленъ, къ Іисусу, въ то время какъ другіе вслѣдствіе разныхъ недоразумѣній стали держаться вдали отъ Него и долгое время существовали какъ отдѣльная секта *).

Послѣ крещенія Іисусъ желая уединиться, удалился въ пустыню, былъ тамъ, какъ второй Адамъ, искушаемъ сатаной, и послѣ этого началъ свое общественное служеніе, явивъ Себя въ

*) Они долгое время были неизвѣстны. Въ 1650 г. они были открыты латинскими миссіонерами (кармелитами) въ Басрѣ и Сустерѣ. Турки, прогнавшіе ихъ съ Іордана называли ихъ *сабалми*, а сами себя они называли *назорейми* или *мендееми*. Ихъ священныя книги написаны на арамейскомъ языкѣ, на которомъ говорили во время Спасителя.

ученіи и дѣлахъ высшимъ идеаломъ человѣчества. По всей Іудеѣ Онъ возвѣщалъ ученіе, полученное Имъ отъ Отца. Единый Святыи, Благій и Правосудный Богъ, промышляющій о самомъ маломъ послалъ Его, Своего Сына, въ этотъ міръ призвать и обратить грѣшниковъ къ покаянію, просвѣтити міръ, быть для него путемъ, истиной, животомъ. Свое мессіанское достоинство, свою Божественность, Онъ доказывалъ чудесами, пророчествами, свидѣтельствами ветхаго завѣта, Предтечи Іоанна и Своего Небеснаго Отца. Вмѣстѣ съ тѣмъ Онъ началъ борьбу противъ пороковъ и извращенія закона со стороны фарисеевъ и книжниковъ и сталъ объяснять законъ какъ Высокій Наставникъ, Законодатель и Господь, чуждый веѣхъ іудейскихъ партій, Онъ возвышался своей Божественной мудростію надъ обыкновеннымъ человѣческимъ пониманіемъ даже въ простыхъ, безыскусственныхъ бесѣдахъ и притчахъ (Мѡ. XIII, 34). При этомъ Онъ подчинялся Моисееву закону и велъ жизнь полную самоотреченія и лишеній. Жизнь и ученіе были у Него въ полнѣйшемъ соотвѣтствіи другъ другу. Міръ никогда еще не видалъ такого прачетвеннаго величія.

Но Богочелсвѣкъ хотѣлъ дѣлать не только для того времени, когда Онъ жилъ, какъ человѣкъ; его дѣло должно было продолжаться на веѣ времена, простираться на веѣ народы, какъ на іудеевъ такъ и еллиновъ (Іоан. X, 16; Мѡ. XV, 14; XXVIII, 19; Марк. XVI, 16; Лук. XIV, 23). Съ этой цѣлію Онъ учредилъ *церковь*, какъ видимое общество людей. Онъ соединилъ вокругъ себя учениковъ и приверженцевъ, состоявшихъ изъ благочестивыхъ вѣрующихъ какъ мужчинъ такъ и женщинъ; болѣе приближенный и тѣсный кругъ его учениковъ состоялъ изъ 72 человѣкъ (Лук. X, 1) и, наконецъ, самый тѣсный и самый приближенный кругъ Его учениковъ состоялъ только изъ 12 человѣкъ, которыхъ Онъ называлъ апостолами (Іоан. I, 37; Лук. VI, 13; Мѡ. IV, 18). Эти двѣнадцать апостоловъ были слѣдующіе: 1) *Симонъ Петръ* и 2) *Андрей* сыновья Іоны, 3) *Іаковъ* и 4) *Іоаннъ* сыновья Заведеевы, 5) *Филиппъ*, 6) *Томъ*, 7) *Варроломей*, 8) *Маттѣй*, 9) *Іаковъ*

Алфеевъ, 10) *Таддей* или Леввій, 11) *Симонъ* Зилоть и 12) *Иуда* Искаріотъ. Желая сдѣлать апостоловъ изъ ловцовъ рыбъ ловцами людей, Онъ училъ ихъ съ неистощимымъ терпѣніемъ, сообщая имъ свое ученіе самымъ обстоятельнымъ образомъ. Имъ же Онъ вручилъ и управленіе церковію, руководство вѣрующими, раздаяніе ими таинъ спасенія. Какъ Онъ Самъ былъ посланъ Отцемъ, такъ послалъ и ихъ. (Іоан. XX, 21). Двѣнадцать апостоловъ, число которыхъ соотвѣтствовало 12-ти колѣнамъ Израилевымъ были люди изъ низшихъ классовъ общества, люди безъ высокаго образованія; въ нихъ должна была открыться и дѣйствовать не чловѣческая, но божественная сила. Имъ, какъ своимъ посланникамъ, Онъ обѣщаль Духа истины и свою неизреченную помощь; сообщилъ даръ чудотвореній, власть учить, вязать и разрѣшать грѣхи, совершать въ Свое воспоминаніе таинство евхаристіи; имъ же сообщилъ Онъ и власть, которую далъ Ему Отець (XVІІ, 22). Они должны были по Его вознесенію заступить Его мѣсто; Онъ желалъ, чтобы ихъ слушали и почитали, какъ Его Самого (Лук. X, 16).

Такъ была основана единая, вселенская церковь, въ которой одной исполнились предсказанія пророковъ о вѣчномъ царствѣ Мессіи (Исаи ІІ, 2, ІХ, 6; XLIX, 6; LI, 3; Дан. II, 44; Мал. I, 11).

Дѣятельность Спасителя возбудила противъ себя преслѣдованіе со стороны синадріона. Синадріонъ сдѣлалъ постановленіе, чтобы всякій, кто признаетъ Іисуса изъ Назарета Мессіей, былъ отлученъ отъ синагоги (Іоан. ІХ, 22). Послѣ чудеснаго воскрешенія Лазаря послѣдовало другое постановленіе, по которому Спасителя должно было схватить и представить на судъ, какъ возмутителя народа. (Іоан. XI, 47—53). Іисусъ удалился въ пустыню Ефраимъ; но въ скоромъ времени возвратился въ Іерусалимъ чрезъ Іерихонъ, предупреждая своихъ учениковъ о своихъ грядущихъ страданіяхъ, смерти и воскресеніи. Стеченіе народа въ Іерихонъ было необыкновенно большое; Онъ шелъ въ Іерусалимъ изъ Ви-

оаніи торжественно, привѣтствуемый народомъ кричавшимъ: осанна сыну Давидову (Мѡ. XXI, 8). Вопреки требованіямъ фарисеевъ, Онъ не отклонялъ поклоненія толпы; Онъ училъ открыто въ храмѣ, и никто не могъ наложить на Него руки. Сынъ человѣческой и Сынъ Божій закончилъ свое общественное служеніе трогательною рѣчью, въ которой горько оплакалъ судьбу Іерусалима, долженствующую его постигнуть за грѣхи іудейскаго народа.

Зная о своей предстоящей смерти и увѣренный въ своей побѣдѣ надъ нею, Онъ совершилъ съ своими учениками законную пасхальную вечерю, далъ имъ возвышенный примѣръ смиренія въ умовеніи ногъ и установилъ возвѣщенное прежде (Іоан. VI, 56) таинство евхаристіи. Іудѣ Искаріоту, котораго сребролюбіе побудило къ предательству своего учителя, Онъ оказалъ полное любви снисхожденіе, нисколько не препятствуя ему привести въ исполненіе свое преступное намѣреніе. Послѣ совершенія евхаристіи Спаситель, въ сопровожденіи учениковъ безбоязненно вышелъ на встрѣчу предателю и приведенному имъ отряду служителей.

Приведенные Іудой служители взяли Спасителя и представили на судъ синедріона. Судъ этотъ состоялъ: 1) въ попыткѣ доказать виновность Спасителя при посредствѣ свидѣтелей, которая за полнымъ отсутствіемъ согласія между ними, совершенно не удалась, 2) въ требованіи клятвеннаго исповѣданія, что Онъ Мессія и Сынъ Божій. Такъ какъ спокойный утвердительный отвѣтъ оставлялъ имъ выборъ только между признаніемъ Его истиннымъ Мессіей и богохульствомъ, то они выбрали послѣднее и признали его достойнымъ смерти (Мѡ. XXVI, 59). Къ этому, лишнему всякихъ формальностей, суду присоединились насмѣшки и побои. Но чтобы не быть ненавистными въ глазахъ народа за осужденіе Спасителя и чтобы законное наказаніе чрезъ побіеніе камнями (Лев. XXIV, 16) замѣнить болѣе позорной казнью—распятіемъ на крестѣ, синедріонъ обвинилъ Его предъ прокураторомъ Пилатомъ въ государственномъ преступленіи, — въ томъ, будто Онъ выдаетъ Себя за царя, запрещаетъ дань кесарю, возмущаетъ народъ. По-

слѣ разспроса Пилать призналъ Иисуса невиннымъ и старался освободить Его. Узнавъ, что обвиненный подданный проживавшаго тогда въ Иерусалимѣ Ирода Антипы, онъ послалъ Его къ послѣднему, надѣясь, что тотъ будетъ благодаренъ за такое вниманіе. Но когда Иродъ послѣ насмѣшекъ отослалъ Его обратно къ Пилату, послѣдній хотѣлъ воспользоваться для освобожденія Иисуса обычаемъ отпущать предъ праздникомъ пасхи какого либо преступника. Но народъ, побуждаемый фарисеями, потребовалъ освобожденія разбойника Вараввы и казни Иисуса. Слабый прокураторъ уступилъ крикамъ толпы и далъ приказаніе о распятіи Спасителя.

Послѣ этого Господь былъ приведенъ на мѣсто казни—Голгофу, неся на Себѣ свой крестъ. Здѣсь Онъ былъ распятъ между двумя разбойниками (Исаи ЛIII, 12), какъ агнецъ, безгласный предъ стригущимъ его. Грубая стража раздѣлила Его одежды (Пс. XXI, 19; Мѣ. XXVII, 35.) Народъ, и даже одинъ изъ распятыхъ съ нимъ разбойниковъ, ругались надъ Нимъ; но другой распятый съ Нимъ разбойникъ просилъ о прощеніи и помилованіи. Ядовиты были насмѣшки его гонителей: «если Онъ Сынъ Божій, говорили они, пусть сойдетъ со креста» (Пс. XXI, 8—9). Укусъ и желчь предложены были Ему для утоленія жажды (Пс. LXVIII, 22); но Онъ не хотѣлъ вкусить, такъ какъ умиралъ съ яснымъ сознаниемъ, что Его смерть есть искушеніе отъ грѣховъ всего міра. При крестѣ Его были Іоаннъ, Его любимый ученикъ, и мать, которую Онъ поручилъ Іоанну. Страданія становились сильнѣе; казалось, они пересиливали Его человѣческую природу, такъ что Онъ сказалъ словами псалма, предсказавшаго Его страданія: «Боже мой, Боже мой, зачѣмъ Ты меня оставилъ»? (Пс. XXI, 1—2). Наконецъ Онъ воскликнулъ: «совершилось!» (спасеніе людей) и предалъ духъ свой Отцу.

За Его смертью послѣдовали необыкновенныя явленія природы: помраченіе солнца, землетрясеніе; разорвалась завѣса, отдѣляющая святая святыхъ отъ святилища, вышли изъ своихъ могилъ

многіе умершіе. Въ виду знаменій даже язычникъ сотникъ призналъ въ осужденномъ праведника (Мѡ. XXVII, 51; Лук. XXIII, 47). По снятіи со креста тѣло Его было положено Іосифомъ Аримаѳейскимъ въ новомъ гробѣ, который былъ запечатанъ, причемъ здѣсь была поставлена стража.

Но цѣль, стереть съ лица земли ненавистнаго назорянина и Его ученіе, не была достигнута. Смерть не могла удержать жизнь, начальника жизни, нетлѣнное не могло подлежать тлѣнію (Пс. XV, 10; Дѣян. II, 27-31; XIII, 35). Умершій воскресъ, какъ Онъ Самъ предсказалъ на третій день, чѣмъ далъ самое лучшее доказательство своей Божественности. Послѣ Своего воскресенія Онъ въ продолженіе 40 дней являлся вѣрующимъ и ученикамъ, уча ихъ тайнамъ царствія Божія. Спустя 40 дней Онъ, давъ имъ послѣднія наставленія и обѣщавъ имъ принятіе св. Духа, вознесся на небеса съ горы Елеонской, гдѣ начались Его страданія, чтобы опять явиться во славу судить живыхъ и мертвыхъ. (Марк. XVI, 19; Лук. XXIV, 51; Дѣян. I, 9).

И. Дроздовъ.

(Продолженіе будетъ).

ОЧЕРКИ ПО ВСЕОБЩЕЙ ЦЕРКОВНОЙ ИСТОРИИ *).

(Продолженіе).

6) Дѣянія апостоловъ.

Hergenströther, Hand. d. Kirshg.

Во время вознесенія Господня церковь имѣла въ числѣ своихъ членовъ 500 братьевъ въ Галилеѣ и 120 со включеніемъ самихъ апостоловъ—въ Іерусалимѣ. вмѣсто измѣнника и самоубійцы Іуды апостолы представили Іосифа, именуемаго Варсавой, и Матѳея, изъ которыхъ послѣдній, Матѳей, былъ избранъ по жребію. Спустя 10 дней по вознесеніи Господнемъ, во время іудейскаго праздника Пятидесятницы, послѣдовало обѣщанное изліяніе св. Духа, который сошелъ на собравшихся вмѣстѣ апостоловъ въ видѣ огненныхъ языковъ при сильномъ шумѣ вѣтра. Данный св. Духомъ св. апостоламъ даръ языковъ ясно показалъ, что слуги Христа вполне готовы къ ихъ великому дѣлу, что раздѣленіе языковъ и народовъ уничтожено, что основанный Христомъ Новый Завѣтъ вступилъ въ свою силу. Прежняя робость учениковъ смѣнилась полнымъ одушевленіемъ мужествомъ. Одушевленная рѣчь ап. Петра расположила къ крещенію около 3000 человекъ, изъ разныхъ странъ сошедшихся на праздникъ Пасхи.

Проповѣдь, чудеса, въ особенности исцѣленіе хромого, возбудившее всеобщее удивленіе, были причиною того, что число вѣрныхъ вскорѣ возросло до 5000 тысячъ (Дѣян. III, 1 и дал. IV, 4). Съ внѣшнимъ исповѣданіемъ ученія Христова соединялось и внутреннее перерожденіе. Обращенные жили какъ одна семья; безъ всякаго принужденія члены общества имѣли общее имущество, общую кассу, которую наиболѣе богатые члены пополняли изъ своихъ доходовъ (Дѣян. II, 44, — IV, 32, 34 и дал.). Строго слѣдили за чистотой жизни и правдивостью. Когда Ананія и жена его Сапфира позволили себѣ обманъ относительно цѣны продан-

*) См. № 17 "Ирк. Епарх. Вѣдом.", 1897 г.

наго поля и желали въ этомъ обмануть апостола Петра, они наказаны были смертию (Дѣян. V, 1 и дал.). Сильное возрастаніе общины побудило апостоловъ избрать семь діаконовъ. Цѣль ихъ избранія состояла прежде всего въ попеченіи о бѣдныхъ; они заботились о вечерахъ любви, имъ дано было право проповѣдывать и даже совершать нѣкоторыя священныя дѣйствія. Это были люди исполненные Духа Святаго и способные въ нѣкоторыхъ случаяхъ отчасти замѣнить самихъ апостоловъ. Что ихъ должность была священная должность, это видно изъ того, что при ихъ посвященіи на нихъ возлагались руки, а также изъ того, что они учили и совершали крещеніе. Вся церковная власть была до сихъ поръ сосредоточена въ рукахъ апостоловъ, раздѣленіе ея совершалось и проникало въ жизнь постепенно. Поставленіе діаконовъ въ этомъ отношеніи было первымъ шагомъ.

Богослуженіе первыхъ вѣрующихъ было двоякое: 1) они соблюдали общее со всѣми израильтянами богослуженіе, 2) имѣли свое особенное богослуженіе, которое совершалось въ частныхъ домахъ и состояло въ преломленіи хлѣба, молитвѣ и апостольской проповѣди (Дѣян. II, 42, 46). Связь съ іудейскою синагогою не могла прерваться тотчасъ и навсегда, такъ какъ иначе всѣ остальные іудеи остались бы чужды церкви. Слѣдуетъ при этомъ замѣтить еще то, что храмъ, который Самъ Спаситель почтилъ своимъ присутствіемъ, еще не былъ разрушенъ; древнее богослуженіе еще не было прекращено вполне Богомъ, установившимъ его; отверженіе народа, оставшагося вѣрнымъ ветхому завѣту, еще не было высказано и самая любовь апостоловъ къ своимъ соплеменникамъ должна была побуждать ихъ проповѣдывать Распятаго и Воскресшаго именно здѣсь, въ этомъ храмѣ, такъ какъ именно этимъ путемъ они могли найти болѣе легкій доступъ къ ихъ грубымъ сердцамъ. Все совершалось постепенно: новый завѣтъ становился болѣе твердымъ и сильнымъ, а ветхій все болѣе и болѣе терялъ свою силу. Богослуженіе христіанской церкви развивалось и получало все болѣе и болѣе самостоятельности, а ветхозавѣтное бо-

гослуженіе постепенно умирало. Синагога была матерью апостоловъ, и эту мать они хотѣли похоронить съ честью. Чѣмъ большее число вѣрующихъ во Христа посѣщало Іерусалимскій храмъ, тѣмъ болѣе онъ воспринималъ христіанскій духъ и тѣмъ болѣе ветхій завѣтъ замѣнялся новымъ. Слѣдуя примѣру Господа, а также желая поддержать связь съ ветхимъ завѣтомъ и любовь съ своими соплеменниками, апостолы старались примыкать къ синагогѣ, гдѣ они могли при объясненіи закона и пророковъ возвѣщать радостную вѣсть объ Искупителѣ.

Даже болѣе: іудейскій государственный строй давалъ обрядовому Моисееву закону твердую основу и ручательство въ его продолжительности. Коль скоро этотъ обрядовой законъ продолжалъ, хотя и подъ чужимъ господствомъ, существовать вмѣстѣ съ храмомъ, коль скоро вся масса іудейскаго народа не перешла единовременно въ церковь, — о совершенной отмѣнѣ его нельзя было и помышлять, такъ какъ, кромѣ того, онъ носилъ характеръ гражданскаго закона. — Подобно тому, какъ іудеи разсѣянія не прерывали своей связи съ отечествомъ и его законами, и Христосъ не требовалъ отъ своихъ послѣдователей, чтобы они порвали эту связь. Поэтому первые іудеи, обратившіеся ко Христу, должны еще были соблюдать обрядовой законъ; они были до дальнѣйшихъ и болѣе ясныхъ Божественныхъ опредѣленій въ полномъ смыслѣ Израильтянами, отличавшимися отъ другихъ только вѣрой въ пришедшаго Мессію. Апостолы, съ своей стороны, ничего не дѣлали такого, что бы могло препятствовать выполненію великаго, еще окончательно не отнятаго у іудеевъ, права быть носителями и орудіемъ въ устроеніи царства Мессіи; опредѣленный срокъ для этого еще не пришелъ. Апостолы, съ другой стороны, стремились избѣгать всего, что безъ нужды могло оттолкнуть тѣхъ іудеевъ, которые еще не увѣрвали, отъ увѣровавшихъ во Христа; они сами продолжали соблюдать законъ и одобряли его соблюденіе въ первыхъ христіанскихъ церквахъ, члены которыхъ были іудеями. Связь церкви съ синагогой только тогда долж-

на была прекратиться, когда этого требовало или Божественное опредѣленіе или очевидная невозможность ея, что и случилось, когда іудеи превратили въ игрушку свое высокое назначеніе, когда синагога, не потерявшая значенія и авторитета, съ полной враждебностью и упорствомъ отказывалась отъ принесеннаго спасенія безъ всякой надежды на раскаяніе.

Синедріонъ вмѣстѣ съ фарисеями и саддукеями сначала мало беспокоился относительно быстраго роста новой церкви; казалось, послѣ осужденія Іисуса его дѣлу былъ нанесенъ рѣшительный ударъ, такъ какъ ученики тогда не составляли еще сплоченнаго общества. Новое общество (Дѣян. XXIV, 5; XXVIII, 22) казалось слишкомъ незначительнымъ, безопаснымъ; къ удовольствію большинства народа (Дѣян. II, 47) было рѣшено не притѣснять его безъ нужды. Но когда Петръ, проповѣдуя въ храмѣ, исповѣдалъ Христа какъ Святаго, Праведнаго, Начальника жизни, убіеніе котораго было величайшимъ преступленіемъ народа, тогда его вмѣстѣ съ сопровождавшимъ его Іоанномъ рѣшили схватить и представить на судъ Синедріона. Петръ безбоязненно исповѣдалъ, что отвергнутый синагогой Іисусъ пришелъ на землю для спасенія людей. Совершившагося чуда (исцѣленія хромага) нельзя было отвергать, вслѣдствіе чего апостоламъ запрещено только проповѣдывать о ненавистномъ имени, на что апостолы отвѣтили, что они не могутъ повиноваться этому требованію, такъ какъ это было-бы противно волѣ Божіей. Съ великою силой и съ великимъ успѣхомъ апостолы проповѣдывали о воскресеніи Спасителя. Св. Петръ въ полной силѣ проявилъ даръ чудесъ. Заключенные въ темницу во второй разъ по повелѣнію первосвященника, апостолы были освобождены ангеломъ, послѣ чего они опять учили во храмѣ. Призванные отсюда въ синедріонъ, они съ твердостью говорили, что Богу слѣдуетъ повиноваться больше чѣмъ людямъ. Уже многіе думали, что ихъ слѣдуетъ предать смерти; но отъ этого удержалъ ихъ Гамаліилъ, который сказалъ, что если это дѣло Божіе, то человѣкъ тутъ безсиленъ; если же это дѣло человеческое,

то оно падеть само собою. Синедріонъ послѣ бичеванія отпустилъ апостоловъ, опять запретивъ имъ проповѣдывать. Апостолы не послушались этого и радовались тому, что они претерпѣли поношеніе за Христа. Въ это время ко Христу стали обращаться уже и священники (Дѣян. IV, 1; V, 12; VI, 7).

Это гоненіе не прошло даромъ: церковь украсилась мученикомъ -- св. Стефаномъ, побитымъ камнями за то, что въ своей рѣчи предъ Синедріономъ онъ исповѣдалъ Божество Иисуса Христа, указалъ на замѣну ветхаго завѣта новымъ, обличалъ іудеевъ въ ослѣпленіи и жестокости. Фарисей и саддукеи соединились для уничтоженія въ Іерусалимѣ новаго ученія. Многіе послѣдователи его разсѣялись по Іудеѣ и Самаріи до Финикіи и Азіи, въ то время какъ апостолы оставались въ Іерусалимѣ, не встрѣчая никакихъ стѣсненій. Но это разсѣяніе повело лишь къ новымъ обращеніямъ. Въ Самаріи дѣйствовалъ діаконъ Филиппъ, крестившій египскаго вельмю, служившаго царицѣ страны Мерое, бывшаго прежде прозелитомъ вратъ. Впослѣдствіи Петръ и Іоаннъ, проходя по Самаріи, возложили руки на крещенныхъ Филиппомъ, что сопровождалось видимыми знаменіями. Знаменія эти были настолько поразительны, что Симонъ магъ хотѣлъ купить эту магическую, какъ ему казалось, силу за деньги, въ чемъ апостолъ Петръ ему отказалъ. Съ обращеніями въ Самаріи послѣдователями Христа впервые были перейдены національныя границы. Божественное рѣшеніе относительно призванія язычниковъ апостоламъ было хорошо извѣстно; но не было дано чего-либо опредѣленнаго относительно времени и условій его; неизвѣстно, на примѣръ, было, нужно-ли, требовать обрѣзанія, и вообще—чего нужно требовать отъ обратившихся язычниковъ. Вліяніе ветхаго завѣта,—именно относительно различія чистаго отъ нечистаго—было еще сильно. Вслѣдствіе видѣнія, бывшаго Петру, былъ крещенъ прозелитъ вратъ сотникъ Корнилій съ семействомъ. Происшедшее отсюда недовольство было устранено указаніемъ на полученное от-

кровеніе и на духовные дары св. Духа, снисшедшіе на этихъ язычниковъ еще до крещенія.

Въ это время церковь получила новаго сильнаго поборника въ лицѣ ея бывшаго гонителя *Савла*, впоследствии названнаго *Павломъ*. Онъ былъ родомъ изъ Тарса въ Киликіи, фарисей по происхожденію, знакомый съ греческимъ образованіемъ, ученикъ Гамалиила. Свою ревность къ закону Моисееву онъ проявилъ при побіеніи камнями первомученика Стефана и въ преслѣдованіи, какъ отступниковъ, всѣхъ исповѣдующихъ Христа не только въ Іерусалимѣ, но и въ другихъ мѣстахъ. Во время своего путешествія въ Дамаскъ съ этой цѣлю, съ полномочіями отъ первосвященника, съ нимъ произошла полная переменѣна благодаря великому чуду Божественной благодати—явленію и бесѣдѣ съ нимъ Самаго Воскресшаго. Пораженный слѣпотой вовнѣ и просвѣщенный внутри, онъ благодаря Ананію чрезъ три дня прозрѣлъ опять, крестился и послѣ этого краткое время проповѣдывалъ въ синагогахъ Дамаска о томъ, что Іисусъ Христосъ есть Сынъ Божій. Отсюда онъ ушелъ въ Аравію, чтобы сосредоточиться и приготовить себя къ своему великому дѣлу, на которое его призвалъ Самъ Господь. Когда ап. Павелъ возвратился въ Дамаскъ, огорченные іудеи были настолько враждебно настроены къ нему, что его жизни угрожала опасность, и онъ долженъ былъ бѣжать отсюда ночью. Теперь ап. Павелъ пошелъ въ Іерусалимъ въ первый разъ послѣ своего обращенія. Послѣ пятнадцатидневнаго пребыванія здѣсь онъ возвратился на свою родину—Тарсъ, откуда, по зову ап. Вернавы, прибылъ въ Антиохію.

Здѣсь, въ этомъ главномъ городѣ востока, уже существовала церковь изъ обратившихся іудеевъ, — *христианъ*, каковое названіе въ первый разъ возникло здѣсь (Дѣян. XI, 26). Варнава и Павелъ проповѣдывали съ большимъ успѣхомъ; но они опять должны были отправиться въ Іерусалимъ для того, чтобы передать вспомошествованіе тамошнимъ братьямъ, которыхъ посѣтилъ голодъ. Здѣсь вѣрующіе нѣкоторое время наслаждались спокой-

ствіемъ благодаря тому обстоятельству, что у первосвященника и синедріона было отнято право суда, а также благодаря смутамъ, происходившимъ отъ частыхъ смѣнъ первосвященниковъ и соперничества фарисеевъ и саддукеевъ. Но Императоръ Клавдій поставилъ царемъ надъ Іудеей и Самаріей Ирода Агриппу (41—44), который вызвалъ второе гоненіе, отдавъ христіанъ въ жертву ненависти іудейскихъ священниковъ и народа. Во время этого гоненія былъ осужденъ Іаковъ старшій, братъ Іоанна. Петръ также былъ заключенъ въ темницу и долженъ былъ пострадать въ концѣ праздника Пасхи. Церковь Іерусалимская неутомимо молилась за него. Онъ былъ освобожденъ ангеломъ и явился въ собраніи вѣрныхъ. Вскорѣ потомъ онъ оставилъ вмѣстѣ съ другими апостолами Іерусалимъ, гдѣ остался только Іаковъ Алфеевъ.

(Продолженіе будетъ).

ОЧЕРКИ ПО ВСЕОБЩЕЙ ЦЕРКОВНОЙ ИСТОРИИ.

(Продолженіе).

b) *Дѣянія апостоловъ.*

Hergenröther, Hand. d. Kirsege.

До сихъ поръ ап. Павелъ занималъ подчиненное положеніе въ церкви. Въ Антиохіи среди такихъ лицъ какъ Варнава, Симонъ Нигеръ, Луцій Киринеанинъ, Манаилъ онъ долженъ былъ отступить на задній планъ. Но онъ былъ предназначенъ къ высшему служенію, къ достоинству «Апостола языковъ». Его знаніе закона, еллинское образованіе, философскій даръ, богатый жизненный опытъ, всѣмъ извѣстное его внезапное обращеніе, чрезвычайные благодатные дары—все это ясно свидѣтельствовало о томъ, что св. Павелъ вполне былъ подготовленъ къ своему великому служенію. Въ Іерусалимскомъ храмѣ св. Павелъ имѣлъ откровеніе о томъ, что онъ призванъ главнымъ образомъ для обращенія язычниковъ, причемъ на Варнаву было ему указано какъ на помощника. Но они оба, признавая за іудеями большее право первыми слышать евангельскую проповѣдь обращались прежде всего въ синагоги, въ которыхъ много было прозелитовъ вратъ, могущихъ сообщить евангеліе язычникамъ.

Въ началѣ своего апостольскаго служенія Павелъ и Варнава предприняли (45 г.) *первое путешествіе*, увѣнчавшееся большимъ успѣхомъ. Сначала они отправились въ Кипръ, гдѣ былъ обращенъ проконсулъ Павелъ Сергій, затѣмъ въ Пергію (въ Памфили), гдѣ отъ нихъ отдѣлился ихъ спутникъ Іоаннъ Маркъ, чтобы возвратиться въ Іерусалимъ, затѣмъ въ Писидію и Ликао-

прошептала: „ради Создателя кусочекъ хлѣба!“ „Привидѣнье“ оказалось живою старухой, которая тоже рѣшилась запоститься Христа ради, но не выдержала. Поѣвъ, она обѣщала рыбаку богатый подарокъ,—замѣчательно!—не за то, что онъ спасъ ей жизнь, а за то, чтобы онъ не сказывалъ, что она ѣла. Это было въ окрестностяхъ Царевосанчурска, а „морельщики родомъ изъ деревни Трибки Яранскаго уѣзда. Тамъ послѣдователей этаго культа десятки, а свой центръ онъ имѣетъ гдѣ-то въ Варнавинскомъ уѣздѣ, у какого-то Свѣтлояра“.

нію, гдѣ ихъ преслѣдовали неувѣровавшіе іудеи, а язычники, напротивъ, благодаря одному чудесному исцѣленію сочли ихъ за боговъ. По возвращеніи ихъ въ Антиохію возникъ споръ о томъ, нужно-ли язычникамъ соблюдать законъ Моисеевъ, должны ли они подвергаться обрѣзанію,—словомъ должны ли они быть «пришельцами правды». Принятіе въ церковь Корнилія былъ единственный случай, запечатлѣнный божественнымъ утвержденіемъ—чудеснымъ сообщеніемъ св. Духа. Но въ то время, какъ всѣ обращающіеся въ христіанство язычники стали образовывать церкви не соблюдая законъ Моисеевъ, явились изъ Палестины христіане изъ іудеевъ, которые боялись оставить свои іудейскіе обычаи. При своемъ появленіи въ Антиохіи эти ревнители потребовали отъ христіанъ изъ язычниковъ обрѣзанія и полного соблюденія обрядоваго закона Моисеева, считая все это необходимымъ для спасенія. Вслѣдствіе этого возникло большое смятеніе. Чтобы уладить его Павелъ и Варнава вмѣстѣ съ обращеннымъ грекомъ Титомъ и нѣкоторыми другими пошли въ Іерусалимъ спросить совѣта у апостоловъ. Здѣсь по этому поводу собрался *апостольскій соборъ*. Послѣ рѣчей Петра и Іакова собравшіеся апостолы, пресвитеры и простые вѣрующіе рѣшили не требовать отъ обращающихся изъ язычества обрѣзанія и соблюденія закона, наблюдать только, чтобы они не участвовали въ языческихъ жертвахъ, чтобы не вкушали крови и удавленины и избѣгали свойственныхъ язычникамъ разнаго рода непотребствъ. Апостолъ Павелъ высказалъ, какъ онъ дѣйствовалъ среди язычниковъ. Апостолы одобрили и заключили съ нимъ братскій союзъ. Онъ долженъ былъ проповѣдывать главнымъ образомъ среди язычниковъ, а Петръ и Іаковъ среди іудеевъ. Соборъ этотъ былъ между 50—52 годами нашей эры.

Относительно христіанъ изъ іудеевъ соборъ не сдѣлалъ никакого постановленія, вслѣдствіе чего возникло затрудненіе относительно того, въ какія отношенія должны стать обрѣзанные къ необрѣзаннымъ. Молча, казалось, всѣ подразумѣвали, что христі-

ане изъ іудеевъ, въ томъ числѣ и сами апостолы должны соблюдать законъ Моисеевъ и послѣ собора; но тогда легко могло выйти смятеніе, такъ какъ христіане изъ іудеевъ даже крестившихся язычниковъ считали нечистыми, а общеніе съ ними въ пицѣ оскверненіемъ. Апостолы, конечно, думали, что братской любви слѣдуетъ отдать преимущество предъ обрядовымъ закономъ; но въ Іудеѣ, гдѣ были христіане только изъ іудеевъ, это не имѣло примѣненія. Но когда Петръ пришелъ въ Антиохію, гдѣ іудейскій законъ не былъ гражданскимъ закономъ, представилась возможность примѣнить это на дѣлѣ. Безъ всякаго затрудненія онъ вступилъ въ общеніе съ здѣшними христіанами изъ язычниковъ. Но, вотъ, пришли изъ Іерусалима христіане изъ іудеевъ. Желая избѣжать столкновенія съ ними, могшаго произвести соблазнъ, и оправдать въ ихъ глазахъ свою дѣятельность въ Палестинѣ, ап. Петръ рѣшилъ прекратить общеніе съ христіанами изъ язычниковъ. Его примѣру послѣдовали антиохійскіе христіане изъ іудеевъ и самъ Варнава. Этотъ поступокъ не былъ нарушеніемъ постановленій апостольскаго собора, такъ какъ здѣсь ничего касательно даннаго вопроса рѣшено не было; онъ не обнаруживалъ также недостатка мужества, присутствіе котораго въ себѣ апостолъ не разъ доказалъ. Этотъ поступокъ былъ свершенъ изъ важныхъ побужденій: а) для ап. Петра, цѣль котораго состояла главнымъ образомъ въ обращеніи іудеевъ, удаленіе отъ христіанъ изъ язычниковъ было меньшей непріятностью, меньшимъ зломъ, чѣмъ удаленіе отъ іудеевъ; б) іудейскій законъ былъ національнымъ закономъ для всѣхъ іудеевъ, слѣдовательно обязательнымъ, пока не былъ отмѣненъ; между тѣмъ е) относительно его еще не было Божественнаго опредѣленія, такъ какъ разрушеніе Іерусалима и полное уничтоженіе самостоятельности Іудеи случилось послѣ разсматриваемаго случая; къ этому еще слѣдуетъ прибавить то, что крещеніе антиохійскихъ христіанъ изъ язычниковъ не сопровождалось какими-либо особенными знаменіями, какъ это имѣло мѣсто при обращеніи Корнилія сотника.

Вскорѣ послѣ этого Павелъ вмѣстѣ съ Силою предпринялъ изъ Антиохіи свое *второе великое путешествіе*, въ то время какъ Варнава съ своимъ двоюроднымъ братомъ Іоанномъ Маркомъ отправился на свою родину въ Кипръ. Онъ посѣтилъ церкви въ Сиріи, Вилликіи, Ликаоніи. Въ Листрѣ онъ взялъ себѣ въ спутники Тимофея. Всѣ трое пошли далѣе въ Фригію, Галатію, Мизію. Вскорѣ присоединился къ нимъ будущій евангелистъ Лука. Изъ Трояды, побуждаемый видѣніемъ, Павелъ въ первый разъ переправился въ Европу, именно въ Македонію. Въ Филиппахъ Павелъ обратилъ семейство Лидіи и семейство начальника тюрьмы, куда онъ былъ посаженъ, испыталъ здѣсь большія непріятности, но въ общемъ его проповѣдь имѣла большой успѣхъ. Въ Фессалоникѣ апостолъ проповѣдывалъ въ іудейской синагогѣ, обратилъ, особенно изъ язычниковъ много мужчинъ и женщинъ, но вскорѣ подвергся гоненію. Подобное случилось въ Беріи, гдѣ онъ оставилъ Силу и Тимофея. Изъ Беріи онъ отправился въ Аѣины. Здѣсь его многократно осмѣивали; но его рѣчь предъ ареопагомъ, содержаніе которой далъ алтарь, посвященный невѣдомому Богу, произвела глубокое впечатлѣніе. Благодаря ей нѣкоторыя лица обратились. Въ числѣ ихъ былъ Діонисій Ареопагитъ, первый епископъ Аѣинскій. Большой результатъ проповѣди св. Павла былъ въ богатомъ и пышномъ Коринѣ, гдѣ онъ жилъ у обращеннаго въ христіанство іудея Акиллы, занимавшагося выдѣлываніемъ ковровъ. Іудеямъ пожаловавшимся на него проконсулу Галліону, было отказано. Былъ обращенъ даже начальникъ синагоги Криспъ со всѣмъ своимъ домомъ. Во время своего пребыванія въ Коринѣ Павелъ написалъ два посланія къ Фессалоникійцамъ. Церковный порядокъ у нихъ былъ въ удовлетворительномъ состояніи, но ихъ настолько занимала мысль о второмъ пришествіи Христовомъ, которое, по ихъ мнѣнію, должно быть болѣе благопріятно для живыхъ, чѣмъ для умершихъ, что они стали пренебрегать и даже совсѣмъ оставлять свои христіанскія обязанности. Противъ этого заблужденія Павелъ вооружился въ первомъ посланіи. Но когда

въ Фессалоникѣ для утверженія этого ожиданія явилось подложное посланіе подъ его именемъ, (2 Фессал. II, 2), то онъ написалъ второе посланіе, гдѣ онъ старается успокоить возбужденныя умы, привести ихъ къ согласію указаніемъ тѣхъ признаковъ, которые будутъ предшествовать второму пришествію Спасителя.

Ап. Павелъ пробылъ въ Коринѣ полтора года, послѣ чего отправился чрезъ Ефесъ въ Іерусалимъ. Но здѣсь онъ пробылъ не долго и предпринялъ *третье великое путешествіе*. Онъ отправился изъ Антиохіи въ Галатію, потомъ въ Ефесъ, гдѣ остался на долгое время. Здѣсь былъ краснорѣчивый александрійскій іудей Аполлосъ, просвѣщенный сначала учениками Іоанновыми, затѣмъ друзьями Павла Акиллою и Прискиллою. Снабженный рекомендательными посланіями, онъ пошелъ въ Коринѣ, гдѣ училъ съ большимъ успѣхомъ. Въ Ефесѣ онъ встрѣтился съ Павломъ, крестившимъ до 12 обращенныхъ Іоанномъ, на которыхъ обнаружались дары св. Духа. Много также здѣсь обратилось лицъ, занимавшихся волхвованіемъ, особенно отъ извѣстнаго храма Діаны, пытались возбудить народный бунтъ, который, впрочемъ, скоро утихъ. Изъ Ефеса Павелъ написалъ посланіе къ Галатамъ и первое къ Коринтянамъ. Основанныя имъ церкви въ Галатіи состояли главнымъ образомъ изъ язычниковъ, отчасти изъ іудеевъ. Іудействующіе подняли здѣсь смятеніе, склоняя вѣрующихъ къ обрѣзанію и исполненію іудейскихъ обычаевъ и обрядовъ. Такъ какъ необрѣзанные христіане одинаково преслѣдовались какъ язычниками, такъ и іудеями, между тѣмъ какъ обрѣзанные, іудеи, пользовались большимъ покоемъ, то здѣшніе христіане старались провести въ жизнь если не всѣ постановленія іудейскаго закона, то, по крайней мѣрѣ, очень многія. Такой поступокъ не былъ противорѣчіемъ постановленіямъ апостольскаго собора; это было вызвано желаніемъ оградить себя отъ разнаго рода неприятностей, а равно почтеніемъ къ апостоламъ, дѣйствовавшимъ въ Іудеѣ, особенно Петру и Іакову, которые соблюдали законъ. Но благоговѣя

предъ Петромъ, здѣшніе христіане относились подозрительно къ апостольскимъ полномочіямъ Павла, который не былъ изъ числа двѣнадцати, не былъ вблизи Спасителя; — который свое апостольство получилъ послѣ вознесенія Спасителя. Противъ этого Павелъ выставлялъ доводы: а) свое непосредственное призваніе къ апостольскому служенію и Божественность своего ученія; б) евангельскую свободу, которую не нужно мѣшать съ рабствомъ закону, в) дары св. Духа, сообщаемые не чрезъ дѣла закона, но чрезъ вѣру обратившихся.

Не менѣе занимали апостола языковъ событія въ Коринѣхъ, гдѣ образовались различныя партіи, — одни признавали себя послѣдователями Петра, другія Павла, третьи Аполлоса, были и такіе, которые думали слѣдовать одному Христу. Апостоль сильно порицалъ этотъ недостатокъ церковнаго единства, который, впрочемъ, не простирался на область вѣры. Порицалъ, вразумлялъ и училъ Павелъ также по поводу многихъ другихъ недостатковъ и пороковъ, укоренившихся въ Коринѣянахъ. Такъ онъ вооружился противъ послѣдователей дружественнаго съ нимъ Аполлоса, гордившихся его ученостью, философскимъ даромъ, краснорѣчіемъ, вооружился противъ пониманія ученія о воскресеніи въ иносказательномъ смыслѣ и вообще противъ преувеличенія значенія чело-вѣческой мудрости, противъ распространенныхъ въ большомъ городѣ плотскихъ грѣховъ, особенно противъ кровосмѣшенія, противъ веденія дѣлъ въ языческихъ судахъ, принятія участія въ языческихъ жертвахъ, противъ неуваженія къ браку вслѣдствіе неправильно понятыхъ его похвалъ дѣвственной жизни.

(Продолженіе будетъ).

ОЧЕРКИ ПО ВСЕОБЩЕЙ ЦЕРКОВНОЙ ИСТОРИИ.

(Продолженіе).

б) Дѣянія апостоловъ.

Hergenröther, Hand. d. Kircheng.

Изъ Ефеса, послѣ угрожавшихъ здѣсь ему опасностей Павелъ отправился чрезъ Троаду въ Македонію, чтобы посѣтить здѣшнія церкви. Принесенныя Титомъ извѣстія о томъ, какъ принято было его первое посланіе къ Коринѳянамъ, дали ему поводъ написать имъ второе, которое онъ написалъ отъ своего лица и отъ лица Тимофея съ цѣлію побудить ихъ къ подаянію въ пользу бѣдныхъ іерусалимскихъ христіанъ. Иудействующіе пытались здѣсь унизить его апостольское достоинство и подорвать довѣріе. Противъ нихъ онъ защищалъ свою личность и свое достоинство. Онъ требовалъ полного признанія своего апостольскаго достоинства и авторитета, причемъ ссылался на свои труды, страданія, благодатные дары и откровенія. Вскорѣ послѣ отправленія этого посланія Павелъ, простири къ этому времени свою дѣятельность до береговъ Адриатическаго моря, опять отправился въ Коринѳъ, чтобы лично подавить возникшіе тамъ безпорядки. Здѣсь и вообще въ Елладѣ онъ пробылъ три мѣсяца. Въ это время онъ

*) Ангара покрылась льдомъ въ ночь съ 25 на 26 декабря при тихой и теплой, около 8° по R° погодѣ. Но правильный перевѣздъ чрезъ рѣку установился только 4-го января.

написалъ свое посланіе къ Римлянамъ. Въ Римѣ ап. Павелъ еще не былъ; онъ въ первый разъ писалъ къ чужой, не имъ основанной, и уже цвѣтущей (Римл. 1, 6) церкви, состоящей изъ язычниковъ и іудеевъ, гдѣ у него, однако, было много такихъ друзей, какъ переселившіеся изъ Рима въ Коринѣа Акилла и Прискилла. Въ глубокомысленныхъ разсужденіяхъ апостолъ распространяется въ этомъ посланіи о всеобщей грѣховности, объ истинномъ пути ко спасенію, глубоко скорбитъ объ ожесточеніи большей части іудеевъ.

Изъ Коринѣа ап. Павелъ отправился чрезъ Филиппы, гдѣ онъ встрѣтился съ Лукой, въ Троаду, гдѣ нашелъ Тимофея и другихъ своихъ спутниковъ. Въ Милетѣ онъ простился съ предстоятелями малоазійскихъ церквей, которыхъ онъ не надѣялся болѣе видѣть, возвѣстилъ имъ о близкомъ появленіи изъ среды ихъ лжеучителей, и о несчастіяхъ, ждущихъ его самого и въ пятый разъ отправился въ Іерусалимъ, на праздникъ Пятидесятницы. Хотя ап. Павелъ съ цѣлю избѣжать упрека въ презрѣніи закона по совѣту Іакова явился въ храмъ участвовать здѣсь въ очистительной жертвѣ, приносимой отъ многихъ бѣдныхъ вѣрующихъ, однако малоазіатскія іудеи, о которыхъ его еще раньше предупреждали, подняли противъ него сильное возстаніе. Римская стража при храмѣ вырвала его изъ рукъ бушевавшей толпы. Его рѣчь къ ней, гдѣ онъ послѣ разсказа о своемъ обращеніи упомянулъ о своемъ посланничествѣ къ язычникамъ, что было невыносимо для іудейской гордости, возбудило новое смятеніе. Требовали его смерти. Назначенной ему римскимъ военачальникомъ пытки онъ избѣжалъ сославшись на свое римское гражданство. Апостолъ Павелъ былъ приведенъ въ синадріонъ и здѣсь произнесъ рѣчь, въ которой настойчиво и ясно проповѣдывалъ о воскресеніи мертвыхъ, что возбудило споръ между фарисеями и саддукеями. Тысяченачальникъ Лизій, которому были извѣстны заговоръ іудеевъ противъ Павла, отправилъ его съ сильнымъ конвоемъ въ Кесарію къ прокуратору Феликсу. Здѣсь въ качествѣ обвинителей выступили противъ него

первосвященникъ Ананія со многими членами синагоги. Но прокураторъ Феликсъ не хотѣлъ отдать его въ жертву ненависти иудеевъ; онъ надѣялся, что апостолъ постарается откупиться деньгами, но эта надежда, конечно, оказалась несбыточной. Пытался обратиться для разрѣшенія дѣла Павла, преемникъ Феликса, Фестъ, къ посѣтившему Кесарію царю Агриппѣ II; но этотъ послѣдній только отдалъ честь характеру, учености и краснорѣчію Павла. Такъ какъ Павелъ апеллировалъ къ императору римскому, то онъ послѣ двухлѣтняго заточенія въ Кесарію былъ отправленъ въ узакъ въ Римъ.

Послѣ очень опаснаго плаванія и остановки на островѣ Мальтѣ св. Павелъ прибылъ (въ 61 или 62 г.) къ берегамъ Италіи. Римскіе христіане вышли къ нему навстрѣчу до «Трехъ табернъ» (таберна-гостинница. Такъ называлось мѣстечко недалеко отъ Рима). Въ Римѣ онъ содержался подъ стражей въ частномъ домѣ и могъ принимать посѣтителей. Иудейскіе обвинители медлили своимъ прибытіемъ и разсмотрѣніе дѣла откладывалось. Кромѣ его союзника македоняна Епафраса съ нимъ были Лука, Тимофей, Аристархъ, Тихикъ, Маркъ, Димасъ. Во время этихъ двухлѣтнихъ узъ Павелъ написалъ слѣдующія посланія: а) къ *Филимону* съ просьбой о бѣжавшемъ рабѣ Онисимѣ; б) къ *Колоссянамъ*, (церковь ихъ была основана Епафрасомъ), которымъ угрожали иудействующіе и лжеучители; в) къ *Ефессянамъ* или собственно къ церквамъ Передней Азіи, которымъ онъ въ яркихъ и живыхъ краскахъ изобразилъ величіе божественныхъ даровъ, единство церкви, значеніе своего апостольскаго служенія и возвышенныя обязанности вѣрующихъ; д) къ *Евреямъ* написано около 63 года (послѣ смерти ап. Іакова), гдѣ ап. Павелъ въ виду того, что многие иудеи не переходили въ христіанство вслѣдствіе нежеланія подвергнуться ненависти необратившихся иудеевъ и боязни быть отлученными отъ синагоги, излагаетъ возвышенность новозавѣтной жертвы и священства предъ ветхозавѣтными, бывшими только ихъ прообразами, увѣщаетъ ихъ къ терпѣнію и повиновенію предстоятелямъ церкви, указывая на награду въ лучшей будущей жизни.

е) Во время этого пребыванія въ узахъ въ Римѣ ап. Павелъ получилъ денежное пособіе отъ первой основанной имъ въ Европѣ церкви, его «радости и вѣнца» — *Филиппійской*, которое было послано съ ея предстоятелемъ Епафродитомъ. Апостолъ отвѣчалъ Филиппійцамъ выраженіями самой горячей любви и предостерегалъ ихъ отъ іудействующихъ и другихъ совратителей.

Согласно древнему, во многихъ отношеніяхъ вѣроятному преданію, ап. Павелъ былъ освобожденъ отъ этихъ первыхъ узъ. Книга Дѣяній апостольскихъ написанная (около 67 года) евангелистомъ Лукой обрываетъ свой рассказъ на этомъ мѣстѣ; она прибавляетъ только, что узы продолжались два года, слѣдовательно имѣли конецъ. (Дѣян. XXVIII, 30. 31). Если бы они кончились его смертію, то Лука, его вѣрный спутникъ, не умолчалъ бы объ этомъ. Вѣроятно іудеи не могли, если они и продолжали настаивать на своихъ обвиненіяхъ въ самомъ Римѣ, представить какихъ либо новыхъ обвиненій, достойныхъ смертной казни, сравнительно съ тѣми, какія они представили въ Палестинѣ Феликсу и Фесту. Въ Римѣ апостолу удалось обратить въ христіанство даже нѣкоторыхъ изъ лицъ, служившихъ при императорскомъ дворѣ. (Филип. I, 13; 4, 22).

Великій апостолъ языковъ тотчасъ послѣ освобожденія отъ узъ опять отправился путешествовать. Вѣроятно во исполненіе своего желанія (Римл. XV, 24. 28) онъ посѣтилъ Испанію, гдѣ во всѣхъ большихъ приморскихъ городахъ были іудейскіе прозелиты. Затѣмъ онъ, вѣроятно, отправился въ Ефесъ, гдѣ были лжеучители, затѣмъ въ Македонію, потомъ въ Критъ, гдѣ онъ оставилъ Тита. Ему, а также Тимофею въ Ефесѣ, онъ далъ наставленія и предписанія относительно прохожденія епископскаго служенія и борьбы съ различными заблужденіями. Онъ жилъ въ разныхъ мѣстахъ, въ Коринѣ и Никополисѣ, пока не былъ взятъ и опять отведенъ въ Римъ. Объ этихъ вторыхъ узахъ даетъ свѣдѣнія второе посланіе къ Тимофею. Эти были болѣе жестоки, чѣмъ первыя; доступъ посѣтителей къ нему былъ затрудненъ; онъ былъ

заключенъ въ оковы; съ нимъ поступали какъ съ преступникомъ. Онъ пострадалъ 29 іюня 67 (по другимъ 68, по третьимъ 64) года въ Остіи, будучи какъ римскій гражданинъ, усѣченъ мечемъ (эта казнь считалась почетной).

Оставшійся въ Іерусалимѣ ап. *Іаковъ* *), сдѣлалъ все, что бы тронуть сердца закоснѣлыхъ іудеевъ радостной вѣстью о наступленіи новаго завѣта. Его даже по строго іудейскимъ понятіямъ безукоризненный аскетизмъ, его самоотверженіе, святость внушали уваженіе къ нему самыхъ ожесточенныхъ іудеевъ. Онъ былъ назорей, строго соблюдалъ посты, его называли «праведнымъ». Его образъ жизни посрамлялъ фарисеевъ и былъ свѣточемъ для христіанъ изъ іудеевъ. Его посланіе, обращенное къ христіанамъ отъ 12 колѣнъ израилевыхъ живущимъ въ Палестинѣ, въ разсѣяніи, полно величественныхъ, прекрасныхъ картинъ и возвышенныхъ, напоминающихъ нагорную проповѣдь Спасителя, мыслей. Въ немъ онъ разрѣшаетъ недоумѣніе въ ученіи объ оправданіи,—именно оправдывается-ли человѣкъ одною только вѣрою безъ соотвѣтствующихъ добрыхъ дѣлъ. Апостолъ говоритъ, что равно необходимо и то и другое. Тяжкая вина его народа, отвергшаго своего Искупителя, побуждала его къ постоянной молитвѣ за него. Вѣрующій христіанинъ, онъ былъ Израильтянинъ по душѣ, тѣсно связанный по направленію своего благочестія съ ветхимъ завѣтомъ. Не смотря на это онъ долженъ былъ въ горячо любимомъ Іерусалимѣ претерпѣть мученическую смерть. Отъ него потребовали отреченія отъ Христа, но онъ исповѣдалъ его истиннымъ Богомъ, сѣдящимъ одесную Отца и опять имѣющимъ придти въ облакахъ небесныхъ. Это вызвало сильнѣйшее возбужденіе. Онъ былъ сброшенъ съ крыла храма и внизу добитъ камнями. Такъ какъ, не смотря на это, онъ все еще былъ живъ и молился за своихъ убійцъ, то его одинъ валяльщикъ убилъ своимъ валькомъ **)

*) Есть-ли Іаковъ Алфеевъ и Іаковъ братъ Господень (Гал. 1, 19) одно ли въпросъ спорный. Одни говорятъ, что это два лица, другіе—напротивъ.

**) Относительно его смерти говоритъ Климентъ Александрійскій (у Евсевія, церк. ист. II, 1). По Іосифу Флавію (Ant. XX, 9, 1) годъ его смерти

Св. Петръ послѣ своего чудеснаго освобожденія изъ темницы отправился, какъ и прежде, въ путешествіе, чтобы посѣтить основанныя имъ церкви и основать новыя. Онъ долгое время былъ предстоятелемъ антиохійской церкви, которая чтитъ его какъ основателя. Согласно древнему преданію, которому не противорѣчитъ книга Дѣяній апостольскихъ, онъ рано прибылъ въ Римъ, еще при императорѣ Клавдіи. Именно, книга Дѣяній умалчиваетъ о дѣятельности ап. Петра со времени крещенія Корнилія сотника до взятія его подъ стражу Иродомъ Агриппой (Дѣян. 11, 18; XII, 3), что составитъ промежутокъ времени около трехъ лѣтъ; она упоминаетъ только объ отбытіи его послѣ освобожденія въ другое мѣсто (XII, 17) и о присутствіи его на апостольскомъ соборѣ (XV, 7). Если Теофилъ, которому Лука посвятилъ свой трудъ, дѣйствительно жилъ въ Римѣ и Лука писалъ также въ Римѣ, то при личномъ пребываніи здѣсь самого Петра онъ не имѣлъ повода писать о немъ подробно. Когда ап. Павелъ писалъ въ Римъ, ап. Петръ уже здѣсь дѣйствовалъ. Подъ его вліяніемъ ап. Маркъ написалъ свое евангеліе для римской церкви, въ которомъ, при строго фактическомъ изложеніи событій изъ жизни Спасителя, главнымъ образомъ со времени выступленія на проповѣдь Іоанна Предтечи, онъ имѣлъ въ виду преимущественно обращенныхъ язычниковъ. Этотъ же Маркъ былъ въ Александріи, быть можетъ, съ самимъ ап. Петромъ; здѣсь вскорѣ возникла цвѣтущая церковь, считающая своимъ основателемъ Петра. Отъ св. Петра дошло до насъ два соборныхъ посланія. Эти посланія написаны къ церквамъ Понта, Каппадокіи, Галатіи, Асїи и Виѳиніи, которыя большею частію были основаны ап. Павломъ. Въ первомъ посланіи, полномъ возвышенныхъ мыслей, ап. Петръ увѣщаетъ къ терпѣннѣю и стойкости въ виду возникшихъ и имѣющихъ возникнуть гоненій; во второмъ предостерегаетъ ихъ отъ вновь возникшихъ лжеученій.

дастъ на 62--3 г., послѣ смерти Феста и раньше прибытія Альбина. По Евсеію (III, 11) не задолго до разрушенія Іерусалима. Большинство слѣдуютъ Іосифу Флавію.

Несомнѣнно, апостоль Петръ предпринималъ обширное апостольское путешествіе *). Что онъ проповѣдывалъ въ Коринѣ, объ этомъ во II вѣкѣ свидѣтельствуетъ Коринѣскій епископъ Діонисій; это слѣдуетъ также изъ сообщеній ап. Павла (1 Кор. 1, 12; 3, 22). Какъ въ Римѣ, такъ и въ другихъ мѣстахъ они дѣйствовали вмѣстѣ. Оба они находились въ Римѣ, когда здѣсь возникло гоненіе при императорѣ Неронѣ, когда погибло множество христіанъ. Апостолы Петръ и Павелъ были также схвачены. Ап. Петра, повѣствуетъ древнее сказаніе, вѣрующіе убѣдили бѣжать. Петръ уступилъ. Но на дорогѣ онъ встрѣтилъ Христа котораго спросилъ: «Господи, куда идешь»? Христосъ отвѣчалъ: «въ Римъ, чтобы опять быть распятымъ». Петръ понялъ, что это былъ намекъ на то, что онъ долженъ пострадать, вслѣдствіе чего воротился назадъ и пострадалъ 29 іюня. Въ 67 г. **). Ап. Петръ былъ распятъ на крестѣ внизъ головою, такъ какъ онъ по смиренію не считалъ себя достойнымъ быть распятымъ такъ, какъ былъ распятъ Спаситель.

(Продолженіе будетъ).

ОЧЕРКИ ПО ВСЕОБЩЕЙ ЦЕРКОВНОЙ ИСТОРИИ.

(Продолженіе).

b) *Дѣянія апостоловъ.*

Hergenröther, Hand. d. Kirseg.

Въ то время какъ римская церковь терпѣла гоненія, малоазіатскія церкви подверглись нападенію со стороны гностико-антиномистическихъ заблужденій. Противъ нихъ выступилъ *Іуда Таддей*, иначе называемый Леввій, братъ Іакова младшаго въ своемъ краткомъ посланіи къ малоазійскимъ церквамъ, написанномъ, вѣроятно, послѣ смерти ап. Петра и Павла, главнымъ образомъ подъ вліяніемъ втораго посланія ап. Петра. То обстоятельство, что ап. Іуда пользовался двумя апокрифическими сочиненіями (книгой Еноха и Возшествіемъ Моисея) возбудили противъ его посланія сомнѣнія въ подлинности, не смотря на вполне ясныя и опредѣленные свидѣтельства древнихъ писателей. (Свѣдѣнія о немъ у Никифора Каллиста II, 40).

Къ этому времени стали заботиться о вѣрномъ изображеніи жизни и дѣла Спасителя противъ ложныхъ представленій и изображеній ихъ. Апостолъ *Маттѳей*, прежде сборщикъ податей на Тиверіадскомъ озерѣ, иначе называемый Левій (Мрк. II, 14; Лук. V, 27), не ѣвшій мяса и жившій вообще чрезвычайно воздержно, дѣйствовавшій главнымъ образомъ среди христіанъ изъ іудеевъ, послѣ бывшихъ до него безымянныхъ и безслѣдныхъ попытокъ (Лук. I, 1—4) написалъ для палестинскихъ вѣрующихъ евангеліе на арамейскомъ языкѣ, которое въ церкви распространилось главнымъ образомъ въ греческомъ переводѣ¹⁾). Желая невѣрующихъ іудеевъ отвратить отъ ихъ ослѣпленія и оправдать отдѣ-

¹⁾ О Маттѳеѣ и его Евангеліи говорятъ: св. Иринея въ сочин. противъ ересей III, 1; Климентъ Алекс. въ сочин. Педагогъ II, 1; Папій Іерапольскій (приводится отрывокъ у Евсевія, въ его церковной исторіи, III, 39); Пантевъ (у Евсевія V, 10) Оригенъ (тамъ-же VI, 25), Евсевій III, 24, V, 8; Епифаній, противъ ересей XXX, 3; Иеронимъ, Предисловіе къ ев. Маттѳея; Амвросій Медиоланскій, бесѣда на 45 и др.

леніе отъ нихъ увѣровавшихъ, онъ особенное вниманіе обращалъ на мессіанское достоинство Спасителя, на тѣсную связь его жизни съ ветхозавѣтными пророчествами, при чемъ онъ событія излагалъ не въ хронологическомъ порядкѣ, а въ логическомъ, болѣе обращалъ вниманія не на дѣла Спасителя, а на Егъ ученіе.

Этимъ первымъ письменнымъ евангеліемъ пользовались и другіе апостолы, именно *Варфоломей* или Наѳанаилъ (Іоан. I, 45) родомъ изъ Каны Галилейской, который принесъ его въ Индію—южную Аравію¹⁾, гдѣ 100 лѣтъ спустя оно было найдено александрійскимъ ученымъ и миссіонеромъ Пантенемъ. Съ другой стороны *Лука*, вѣрный спутникъ Павла, написалъ евангеліе для одного христіанина Теофила, къ которому въ видѣ продолженія онъ присоединилъ книгу „Дѣянія апостоловъ“. Главнымъ образомъ она обращаетъ вниманіе на исполненіе Павломъ своего призванія быть апостоломъ языковъ.

Относительно большинства другихъ апостоловъ дошли до насъ только очень скудныя свѣдѣнія. Апостолъ *Филиппъ* изъ Внесаиды (отличный отъ соименнаго діакона, жившаго въ Кесаріи) кончилъ свои дни въ Іераполисѣ во Фригіи. Какъ онъ самъ, такъ и двѣ его дочери, изъ которыхъ двѣ остались дѣвами, пользовались въ малой Азіи большимъ почтеніемъ²⁾.

Братъ Петра *Андрей*, родомъ также изъ Внесаиды, былъ прежде ученикомъ Іоанна Крестителя и, вѣроятно, проповѣдывалъ въ Каппадокии, Галатіи, Вивонніи, затѣмъ чрезъ Евксинскій понтъ (Черное море) онъ переправился въ Скиѳію и былъ распятъ въ Патрасѣ въ Ахаіи. Останки его впоследствии были перенесены

¹⁾ Подъ Индіей у древнихъ разумѣлись: Ефіопія, Аравія, Абиссинія и Бѣлуджистанъ. По сообщенію историка Сократа (I. 19) Варфоломей проповѣдывалъ въ сосѣдней съ Ефіопіей „Индіи“, слѣд. въ южной Аравіи историкъ Никифоръ Каллистъ (II. 39) сообщаетъ что Варфоломей долгое время проповѣдывалъ въ Фригіи съ Филиппомъ и былъ распятъ въ Сициліи въ г. Уранополисѣ.

²⁾ О Филиппѣ сообщаютъ: Поликрать Ефесскій у Евсевія V, 24; Папій Іерапольскій, тамъ-же III, 39 сравни ш. 33; Θεодоритъ, въ объясненіяхъ на псал. 116.

въ Византию ¹⁾). *Θομα* ²⁾), именуемый близнецъ (Дидимъ), *Симонъ* ³⁾ Зилотъ и *Ματθαι* ⁴⁾) проповѣдывали въ различныхъ странахъ. Отъ послѣдняго до насъ сохранилось выраженіе о умерщвленіи плоти (у Клим. Алекс. Строматы III, 4). *Варнава* Кипрянинъ дѣйствовалъ послѣ отдѣленія отъ Павла въ своей родинѣ, гдѣ онъ умеръ и гдѣ нашли его земные останки. Вѣроятно, онъ не ограничилъ свою апостольскую дѣятельность однимъ островомъ, но дѣлалъ отсюда путешествія; вѣроятно, онъ проповѣдывалъ въ верхней Италіи ⁵⁾). Одинъ изъ семидесяти учениковъ *Θαδδαι* или *Адей* обратилъ князя Осроены Авгаря и твердо основалъ церковь въ Едессѣ ⁶⁾).

¹⁾ Свидѣнія о немъ даютъ: Оригенъ у Евсевія III, 1; Θεодоритъ (объясненіе на ис. 116) говоритъ: Божественный Андрей просвѣтилъ Елладу лучами богопознанія; Никифоръ Каллистъ въ цит. сочин. и Григорій Богословъ въ цит. сочин. называютъ Египтъ. Есть древнее сочиненіе „о мученіи Андрея“ (De patr. drio Andraee, у Migne, 2 т. 1187 и дал.), которое многіе ученые считают подлиннымъ. Есть еще сочиненіе „о дѣянїяхъ Андрея и другихъ“, которые св. Елифаній Кипрскій (о ересяхъ 63, 2) приписываетъ оригенистамъ (еретикамъ).

²⁾ *Θομα* вѣроятно проповѣдывалъ въ Парфіи (Ориг. у Евсевія III, 1; въ произведеніи Климента Римскаго сочин. Recognitiones (встрѣчи) IX, 29; Сократъ въ д. ист. I, 19); Индіи (Григорій Богосл. въ цит. сочин.) и Ефіопіи (Никифоръ Каллистъ II 40). По Никифору Каллисту онъ умеръ въ Тапробанѣ въ Индіи, будучи пронзенъ копьями. По Ефрему Сирину (Bickell, S. Ephr carmina Nisibena Lips 1866. Carm. 42 init. p. 163) онъ умеръ въ Индіи, но кости его однимъ купцомъ перенесены въ Едессу. По этому одинъ изъ некалей его останковъ въ Индіи, въ Келаминѣ, Меліадурѣ (Martyrl. Rom. XII Kar. Jan.). другіе въ Едессѣ. Къ этому слѣдуетъ прибавить неопредѣленность у древнихъ географическаго термина „Индія“.

³⁾ Симонъ Зилотъ или Канаанитъ (Мѡ. X, 4) по однимъ проповѣдывалъ въ Египтѣ, Киренѣ, Ливіи, Мавертаніи и Британскихъ островахъ, по другимъ въ Вавилоніи и Персіи (Никиф. Каллистъ II, 40).

⁴⁾ Матей вѣроятно претерпѣлъ мученическую кончину въ Ефіопіи (Никифоръ Калл. въ цит. соч.). Если Климентъ Александрійскій (Strm. IV, 9) не противорѣчилъ Гераклеону, когда тотъ утверждалъ, что *Ματθαι*, Филиппъ, Фома и Матей умерли естественною смертію, — то это еще ничего не доказываетъ.

⁵⁾ Извѣстія о жизни ап. Варнавы кромѣ книгъ св. Писанія собраны у Болландистовъ въ ихъ Acta sanct. II Jun. p. 431 и дал. Миланская церковь славитъ его какъ своего основателя. При Императорѣ Зенонѣ на о-вѣ Кипрѣ нашли его останки вмѣстѣ съ евангеліемъ Маттея, написанномъ, какъ некогда думали, его собственною рукою. Евангеліе это было перенесено въ Константинополь въ придворную церковь во имя св. Стефана. (Θеодоръ Утець II, 2).

⁶⁾ Апостоломъ Сиринъ Геронимъ (in Matth. с. 10) считать ап. *Θαδδαι*, а Евсевій (I 13) одного изъ 70, называвшагося этимъ именемъ. Никифоръ Каллистъ (II 40) говоритъ, что ап. *Θαδδαι* дѣйствовалъ въ Араціи и затѣмъ въ Едессѣ но еще прежде его дѣйствовалъ здѣсь одноименный ему изъ семидесяти.

Вообще объ апостолахъ и ихъ спутникахъ мы знаемъ очень мало, а богатая апокрифическая литература не можетъ для насъ восполнить недостатокъ достовѣрныхъ извѣстій¹⁾. Апостолы хотѣли только распространить благую вѣсть и совсѣмъ не заботились о славѣ своихъ подвиговъ. Средоточнымъ пунктомъ ихъ дѣятельности былъ Христосъ; сами они были только его орудіями. Все, что намъ извѣстно о Петрѣ и Павлѣ, мы можемъ предположить и о другихъ апостолахъ. Ихъ исторія была неустанною проповѣдью, сопровождаемой рядомъ чудесъ, подвиговъ и страданій. Мало также мы знаемъ о судьбѣ святыхъ женъ, бывшихъ около Христа, напр. о Маріи Магдалинѣ, о кончинѣ высокооблагодатствованной Дѣвы Маріи, которая по ея предсказанію (Лук. I, 48) всегда пользовалась въ церкви высокой честью. Конецъ ея земной жизни, какъ и самая ея внутренняя жизнь, были полны таинственности.

(Продолженіе будетъ).

ОЧЕРКИ ПО ВСЕОБЩЕЙ ЦЕРКОВНОЙ ИСТОРИИ.

(Продолженіе).

в) *Дѣянія апостоловъ.*

Hergenröther, Hand. d. Kirsege.

Между тѣмъ подготовлялись важныя событія. Послѣ осужденія ап. Іакова положеніе христіанъ въ Іерусалимѣ становилось все болѣе и болѣе тяжелымъ. Казалось, приближался конецъ сроку, определенному іудеямъ для обращенія; фарисейская ревность взяла верхъ надъ всѣмъ. Строгіе іудеи были убѣждены, что Моисеевъ законъ долженъ пребывать вѣчно; сами христіане изъ іудеевъ не имѣли достаточно яснаго убѣжденія въ томъ, что законъ имѣетъ только временное и подготовительное значеніе. Только великія событія, подготовленныя Провидѣніемъ, могли уничтожить эти вѣковые предрасудки и произвести полное отдѣленіе христіанъ отъ іудеевъ. Первый поводъ къ этому былъ данъ самимъ характеромъ и настроеніемъ большинства іудейскаго народа.

Подавленный и обезсиленный суровымъ господствомъ римлянъ, оскорбленный въ своей гордости и въ самыхъ святыяхъ чувствахъ, іудейскій народъ былъ склоненъ къ возмущенію при малѣйшемъ

поводѣ. Явилась партія ревнителей, руководителями которыхъ явились Іуда Галилеянинъ и первосвященникъ Садокъ. Они проповѣдывали, что надъ священнымъ народомъ можетъ царствовать только Богъ, что для возстановленія полнаго господства Моисеева закона и уничтоженія господства римлянъ должно пожертвовать и достояніемъ и жизнью и что въ такомъ дѣлѣ вполне можно рассчитывать на помощь Божию. Всякія столкновения тотчасъ получали религіозную окраску и сильно возбуждали страсти. Насмѣшки надъ іудеями со стороны языческой стражи при храмѣ и сожженіе однимъ солдатомъ свитка закона возбудили при прокураторѣ Куманѣ сильное волненіе, кончившееся кровопролитіемъ. Іудеи съ трудомъ при Пилатѣ выхлопотали, чтобы щиты, посвященные Тиверію, которые должны были быть повѣшены въ іерусалимскомъ храмѣ, были отнесены въ Кесарію въ храмъ Тиверія. Приказаніе Калигулы поставить свое изображеніе въ храмѣ привело іудеевъ въ ужасъ и смятеніе; только смерть его самого воспрепятствовала исполненію этого приказанія и возникновенію религіозной войны. Мессію все болѣе и болѣе стали считать мстителемъ за притѣсненія, побѣдителемъ возгордившихся язычниковъ, возстановителемъ престола Давида, который наградитъ свой народъ за его вѣрность закону всѣми земными благами. Строгая партія послѣдователей Шаммаи (раввинъ) господствовала надъ большею частью народа, который благодаря систематическому давленію жестокихъ правителей, грабившихъ даже сокровища храма, былъ наконецъ доведенъ до отчаянія. Всѣхъ предшественниковъ превзошелъ своей жестокостію Гессій Флоръ, любимецъ Нерона; при немъ, поэтому, открылось возстаніе (66), усиленію котораго много способствовало пораженіе императорскихъ войскъ и распространившійся слухъ о скоромъ явленіи небснаго освободителя.

Іудеи начали неравную борьбу съ сильнымъ фанатизмомъ, не обращая вниманія на свою физическую и моральную слабость. У нихъ не было правильно организованной арміи, не было союзниковъ, окрестные народы ихъ ненавидѣли. У нихъ не было оп-

редѣленнаго плана и кромѣ того они еще страдали отъ внутреннихъ раздоровъ. Неронъ назначилъ главнокомандующимъ въ Іудею Веспасіана. Въ 67 году Веспасіанъ двинулся въ Галилею съ сильнымъ войскомъ и взялъ послѣ 40-дневнаго упорнаго сопротивленія самую сильную ея крѣпость Іотопату. Было избито до 40 тысячъ іудеевъ. Бывшій въ числѣ защитниковъ іудейскій историкъ Іосифъ Флавій избѣжалъ гибели. Вся Галилея должна была подчиниться. Многіе бѣжали въ Іерусалимъ, гдѣ боролись четыре вражнія между собой партіи. Хлѣбныя запасы истощались. Римляне благоразумно ждали. Когда Веспасіанъ сталъ императоромъ и начальство надъ войскомъ сдалъ своему старшему сыну (70), въ Іерусалимѣ царствовало безграничное смятеніе. Христіане, благодаря отчасти увѣщанію и предсказанію Спасителя (Мѣ. XXV, 15), отчасти особенному откровенію, заблаговременно удалились отсюда въ Перею въ населенный греческими колонистами городъ Пеллу, гдѣ они были вполнѣ безопасны. Вслѣдствіе праздника Пасхи число іудеевъ въ Іерусалимѣ увеличилось еще болѣе; голодъ, благодаря устройству Титомъ вокругъ города вала, сталъ ужаснѣе. Римляне брали штурмомъ одну часть города за другой, между тѣмъ какъ іудеи оскверняли священное мѣсто убійствомъ. 17 іюля 70 г. прекратилась обычная ежедневная жертва. 10 августа взяты штурмомъ храмъ. Титъ хотѣлъ его пощадить, но факель, брошенный однимъ солдатомъ, превратилъ его въ пепель. 3 сентября палъ и верхній городъ. Все было сравнено съ землею; оставлено только три башни и немного домовъ. Іосифъ Флавій считаетъ число погибшихъ во время осады отъ голода, огня и меча простирающимся до милліона; до 97 тысячъ іудеевъ было отведено въ плѣнъ, большая часть которыхъ продана въ рабство, остальные отданы или въ каторжныя (горныя) работы или въ амфитеатры. Во время игръ въ Кесаріи въ одинъ день было избито въ циркѣ до 2500 іудеевъ. Во время тріумфальнаго шествія Тита въ Римѣ, были между другими трофеями несены сосуды храма, столъ, на которомъ лежали хлѣбы предложенія, семисвѣчникъ и свитокъ

закона. Триумфальная арка Тита въ Римѣ еще до сихъ поръ напоминаетъ о катастрофѣ, разразившейся надъ іудейскимъ народомъ.

Положеніе іудеевъ было ужасно. У нихъ не было жертвъ, не было алтара. Прежнюю церковную дань они теперь должны были платить язычникамъ (на Капитолій). Они разсѣялись еще болѣе, чѣмъ прежде; ненависть къ нимъ другихъ народовъ возросла также еще болѣе, чѣмъ прежде. Напрасно многіе свѣдующіе въ Писаніи ревнители старались питать въ народѣ надежду на то, что Богъ чудесно возстановитъ храмъ; многими овладѣло отчаяніе. 72 человекъ послѣ паденія крѣпости Масады кончили самоубійствомъ. Правда, толпа мятежниковъ ушла въ Египетъ и организовала здѣсь новое возстаніе іудеевъ; но слѣдствіемъ этого была выдача египетскими іудеями многихъ зачинщиковъ римскимъ властямъ, избіеніе возставшихъ и приказаніе Веспасіана закрыть храмъ въ Леонтополѣ, вслѣдствіе чего іудеи потеряли послѣдній религіозный средоточный пунктъ. Возстаніе, поднятое въ Киренаикѣ зелотомъ Іонааномъ, обѣщавшимъ совершеніе чудесъ, кончилось избіеніемъ обманутыхъ и сожженіемъ въ Римѣ обманщика. Но способность къ возмущеніямъ у іудеевъ не была подавлена; раввинизмъ развился еще болѣе, чѣмъ прежде; въ Іамніи образовался Синедріонъ съ великимъ учителемъ (раббанъ) во главѣ. Жертвы замѣнены молитвами; объяснялся, хотя съ предосторожностью, законъ, возбуждались надежды на пришествіе Мессіи. Ослѣпленные іудеи, приписывавшіе свое несчастіе не отверженію дѣйствительнаго Мессіи и пренебреженію къ своему призванію (Мѡ. XXVII, 25), но недостатку ревности къ закону, твердо держались древнихъ правъ и преимуществъ, наслѣдованныхъ отъ Авраама, и ненавидѣли всѣхъ необрѣзанныхъ.

Для христіанъ разрушеніе храма имѣло очень большое значеніе. Исполненіе обрядоваго закона въ его существенныхъ частяхъ стало не возможнымъ. Ветхій завѣтъ, жертвы и аароново первосвященство были уничтожены не юридически только, но и фактически. Это хорошо сознавали не только христіане изъ языч-

никовъ, но и христiане изъ iудсеvъ, которые совершенно не вѣрили въ возможность чудеснаго возобновленiя храма. Они видѣли, что угрозы пророковъ объ отверженiи избраннаго народа и предсказанiе Христа о паденiи Иерусалима исполнилось. Давно уже съ ненавистью отвергнутые не обратившимися iудеями, они пришли въ близкое соприкосновенiе въ Пеллѣ съ христiанами изъ язычниковъ и, чувствуя себя оторванными отъ національно-политическаго единства съ iудейскимъ народомъ, которое было уничтожено, стали все болѣе и болѣе сливаться съ христiанами изъ язычниковъ. Такъ христiанская церковь все болѣе и болѣе освобождалась отъ узъ синагоги, чему много способствовало значительное превышенiе обратившихся ко Христу язычниковъ надъ iудеями.

За восемь мѣсяцевъ до разрушенiя iудейскаго храма (13 дек. 69 г.) во время междоусобной войны между приверженцами Вителлиа и Веспасiана сгорѣлъ, зажженный римскою рукою, Капитолiй съ высокочтимыми святилищами Юпитера, Юноны и Минервы, что Тацитъ (историкъ) считаетъ самымъ постыднымъ дѣяниемъ со времени основанiя Рима, слѣдствiемъ гнѣва боговъ за человѣческiя преступленiя. Такъ погибли отъ огня самыя славныя мѣста культа язычества и iудейства, — знакъ, что то и другое должны были уступить мѣсто болѣе чистому богопочтенiю. Новое богопочтенiе уже восторжествовало надъ многими своими гонителями, кончившими очень печально. Иродъ «Великiй» умеръ мучительною смертiю, Пилать былъ сосланъ и кончилъ жизнь самоубiйствомъ, Иродъ Антипа былъ свергнутъ и сосланъ, Иродъ Агриппа умеръ внезапно въ Кесарiи, гдѣ ему оказывали божескiя почести. Императоръ Тиверiй былъ удавленъ, Неронъ, о которомъ христiане думали, что онъ возвратится въ качествѣ антихриста, былъ осужденъ сенатомъ и кончилъ самоубiйствомъ, чтобы избѣжать болѣе постыдной смерти.

Въ продолженiи 30 лѣтъ, слѣдовавшихъ за разрушенiемъ Иерусалима, на первый планъ выступаетъ самый младшiй, пережившiй всѣхъ другихъ апостоловъ, *Иоаннъ*, сынъ Заведей и братъ

давно мученически скончавшагося Іакова старшаго, съ которымъ онъ назывался однимъ прозваніемъ «сына Громова» (Воанергесъ Мрк. III, 17). Послѣ смерти Спасителя на его попеченіи была Св. Дѣва; онъ былъ въ самой тѣсной связи съ Петромъ и вмѣстѣ съ нимъ былъ схваченъ въ Іерусалимѣ. Впослѣдствіи (около 58 г.) онъ жилъ большей частію въ малой Азіи, гдѣ мѣстопробываніемъ ему служилъ Ефесъ. Здѣсь онъ образовалъ учениковъ, каковы: Папій (еп. Іерапольскій), Игнатій (еп. Антіохійскій), Поликарпъ (еп. Смирнскій). Существуетъ преданіе, что при императорѣ Домиціанѣ (81 - 86) онъ былъ погруженъ въ кипящее масло и послѣ того, какъ остался невредимымъ, былъ сосланъ на островъ Патмосъ (95 г.).

Здѣсь, на Патмосѣ, Іоаннъ написалъ свой Апокалипсисъ (около 96 г.). Онъ писалъ его подъ впечатлѣніемъ настоящихъ и въ виду будущихъ гоненій. Здѣсь онъ говоритъ о силѣ закланнаго Агнца, о страданіяхъ вѣрующихъ въ него, о судѣ надъ гонителями, о торжествѣ церкви.

Послѣ смерти Домиціана при императорѣ Нервѣ (96—98) Іоаннъ возвратился въ Ефесъ, уже въ глубокой старости. Онъ умеръ при Траянѣ 100 или 101 г. Въ Ефесѣ онъ боролся съ еретикомъ Керинеемъ. Чтобы дополнить сказанное въ первыхъ трехъ евангеліяхъ, а также съ цѣлію опровергнуть ересь Керинеа, онъ написалъ (около 97 г.) евангеліе. Кромѣ евангелія ему принадлежатъ три посланія *).

ОЧЕРКИ ПО ВСЕОБЩЕЙ ЦЕРКОВНОЙ ИСТОРИИ.

(Продолжение).

с) Борьба съ язычествомъ.

Крѣпавыя гоненія на христіанъ со стороны языческой власти.

Причины гоненій.

Real-encycl 1 3 Aufl. (Christenverføgungen).

Неизвѣстно съ точностію, когда римское государство обратило вниманіе на христіанство, вышедшее изъ среды іудейства, религіи вполнѣ дозволенной (*certe licita*, Tert. Apol. 21) въ его предѣлахъ. По Тертуллиану (Apol. 5) уже Тиберій отличалъ христіанство отъ іудейства и предлагалъ сенату признать его религіей дозволенной, что совершенно невѣроятно. Но гоненіе при Неронѣ въ 64 г. уже предполагаетъ существованіе отличія христіанъ отъ іудеевъ. По свидѣтельству Тацита (Апп. XV, 4), заслуживающему вѣры, «христіане (*Chvistianos*) были осуждены не столько за поджигательство Рима, сколько за «ненависть къ человѣческому роду» (*odium heneris humani*), въ чемъ обвиняли ихъ и впоследствии, когда вполнѣ опредѣлилось, что такое христіане (Tertull. Apol. с. 37). Впрочемъ, неизвѣстно, какое слѣдствіе имѣло это гоненіе. Весьма вѣроятно, что христіане еще въ продолженіе

цѣлаго поколѣнія считались чиновниками за іудеевъ. Измѣненіе этого взгляда произошло съ того времени, какъ іудеи принуждены были платить дань въ пользу Юпитера капитолійскаго (при Домиціанѣ). Христіане естественно отказались платить эту іудейскую дань. Кромѣ того отъ чиновниковъ не могло ускользнуть то обстоятельство, что христіане относились къ іудейской катастрофѣ—разрушенію Іерусалима—совершенно иначе, чѣмъ сами іудеи, что іудеи постоянно преслѣдовали христіанъ, что нравы и религіозные обычаи христіанъ были совершенно отличны отъ нравовъ и обычаевъ іудеевъ. Такимъ образомъ можно предположить, что христіанство въ послѣдніе годы царствованія Домиціана стало всюду извѣстно какъ «новая религія *»). Но какъ скоро христіанство стало извѣстно какъ религія новая, и при томъ главнымъ образомъ,—какъ новое и тайное общество, то оно должно было встать во всѣ тѣ условія, которыя давно уже созданы были государствомъ для такого рода обществъ и которыя особенно должны быть тягостны для христіанства по самому его свойству. Это произошло при Траянѣ (98—117). Но только во второй половинѣ его царствованія дѣло стало ясно. Въ противномъ случаѣ Плиній въ письмѣ къ Траяну (писанномъ во второй половинѣ его царствованія) не могъ бы сказать, что онъ *не знаетъ* (*nescio*), какъ и за что слѣдуетъ наказывать христіанъ, такъ какъ никогда не присутствовалъ при разборательствахъ ихъ дѣлъ. Но съ другой стороны, изъ этихъ же словъ Плинія ясно, что судебные процессы противъ христіанъ уже были въ ходу, и поведеніе Плинія, которымъ онъ руководился до своего донесенія императору, показываетъ, что для возбужденія процессовъ противъ христіанъ не требовалось какого либо особеннаго указація со стороны высшей власти. Такимъ образомъ процессы противъ христіанъ были въ провинціяхъ раньше 112 года,—когда Плиній писалъ Траяну, и происходили они такъ, какъ и въ послѣдующее время.

*) Однако Климентъ и Домитила, которые несомнѣнно были христіанами, по свидѣтельству Діона Кассія (67, 14) были осуждены при Домиціанѣ за „безбожіе“ и соблюденіе *іудейскихъ* обычаевъ.

Но насколько ясно и просто изъ источниковъ видно положеніе христіанъ со времени Траяна до Декія, настолько трудно точно уяснить тѣ основанія, на которыхъ оно покоилось. Мы предварительно изложимъ факты, затѣмъ сдѣлаемъ опытъ выяснить эти основанія.

1. 1) До половины III в. число мучениковъ было незначительно; ихъ легко было сосчитать (такъ по крайней мѣрѣ утверждаетъ Оригенъ *C. Cels.* III, 8); однако не проходило ни одного десятилѣтія, можетъ быть даже ни одного года, чтобы совсѣмъ не было случаевъ мученичества. Число христіанъ всѣхъ классовъ общества, которыхъ никто не тревожилъ не смотря на то, что всѣмъ было извѣстно, что они христіане, постоянно возрастало (*Tert. Apol.* I. 42); но рядомъ съ этимъ по временамъ въ нѣкоторыхъ провинціяхъ (по распоряженію проконсуловъ), а также при нѣкоторыхъ государяхъ они сильно страдали.

2) Въ процессахъ христіане осуждались какъ христіане; наказывалось «имя» (*nomen*), судья обыкновенно не пытался узнать о «преступленіи». (*flagitium*)^{*}). Что собственно въ имени христіанъ считалось преступнымъ, объ этомъ ясно говоритъ Цельсусъ (у Оригена I, 1) въ предисловіи къ своему извѣстному «Истинному слову» противъ христіанъ: «христіане образуютъ противозаконныя тайныя общества». О томъ же говорятъ выраженія письма Плинія къ Траяну и язычника въ «Октавіи» Минуціи Феликса: «недозволенная и отчаянная шайка; преступные злоумышленники; безчестное сборище» и проч. Такъ какъ подлежало наказанію «самое имя» (*nomen ipsum*, какъ *titulus fationis illicitae*), то христіане слѣдовательно не могли съ увѣренностью пользоваться покровительствомъ законовъ.

3) Съ другой стороны, по свидѣтельству Тертуліана (*Apol.* 2), христіанъ обыкновенно обвиняли въ убійствѣ, святотатствѣ, раз-

^{*}) См. письмо Плинія къ Траяну, „Пастырь“ Ерма, *Mart. Polyc.* 12; *Euseb. h. e.* V, 1, 44. объ этомъ говорятъ почти всѣ апологеты, особенно у Тертуліана, напримѣръ въ *A pol.*, выставляется причиною осужденія христіанъ *confessio nominis, non examinatio criminis*.

вратъ; ихъ считали врагами общественнаго спокойствія. Весь «Апологетикъ» Тертуллиана (до гл. 46) есть ни что иное, какъ опроверженіе такого рода обвиненій христіанъ. Такъ поступаютъ и другіе апологеты. Такимъ образомъ кромѣ обвиненія въ участіи и составленіи недозволенныхъ обществъ судья могъ принять во вниманіе и эти обвиненія.

4) Всякій разъ какъ апологеты касаются «законовъ» (*leges*), которые препятствуютъ признанію законности христіанства и оправдываютъ настоящее угнетенное его положеніе, то они всегда разумѣютъ такіе законы, изъ которыхъ можно вывести *только наказуемость* «имени» (напр. *Apol. 4*) и не цитируютъ ни одного закона спеціально изданнаго противъ христіанъ. Траянъ также не упоминаетъ никакого подобнаго закона, напротивъ онъ даже говоритъ: «вообще (относительно христіанъ) нельзя постановить ничего опредѣленнаго» (*neque enim in universum aliquid, quod quasi certam formam habeat, constitui potest*). На этомъ дѣло и остановилось. Вообще противъ христіанъ (отъ Траяна до Декія): а) были законы, которыми, какъ утверждаетъ Тертуллианъ, противъ христіанъ «пользовались одни только нечестивые, неправедные, дурные, грубые, глухие безумные» (*Apol. 5*), и изъ которыхъ, слѣдовательно, нельзя было съ положительностью вывести того, что христіане должны подлежать наказанію; б) рескрипты, изданные начиная съ Траяна до Декія разными императорами и по разнымъ случаямъ. Эти рескрипты, имѣвшіе силу только въ томъ случаѣ, если этого желали преемники издавшихъ ихъ государей, были около царствованія Каракаллы собраны Домиціемъ Ульпіаномъ (*Leet. Div. Inst. V, II. 19*). Но этотъ сборникъ никогда не былъ оффиціальнымъ и для всѣхъ обязательнымъ. Изъ всего этого выходитъ, что яснаго и положительнаго закона, запрещающаго христіанство, не было вплоть до царствованія Декія.

5. Христіанъ вообще не розыскивали во все время до Декія; розыскивать ихъ не имѣли права (см. письма Траяна къ Плинію). Но это естественно не отнимало права и не нару-

шало обязанности проконсуловъ привлекать ихъ къ своему суду, когда это имъ казалось нужнымъ. Но были ли случаи этого рода, доказать едва ли можно; противъ христіанъ обыкновенно они дѣйствовали, кажется, только по доносамъ частныхъ лицъ. Но доносы частныхъ лицъ съ теченіемъ времени (до Декія) все болѣе болѣе ограничивались, за нихъ угрожалось наказаніями, рабамъ они совершенно были запрещены; ябедники все болѣе и болѣе стали считаться ненавистными, запрещено было доносить о цѣлыхъ категоріяхъ преступленій (анонимные доносы запретилъ уже Траянъ). «Хорошо и полезно,—могъ сказать Кипріанъ своимъ судьямъ,—вы запретили своими законами доносы». (Выраженіе относящееся къ IV в.). Справедливому человѣку нѣтъ надобности обвинять кого нибудь».

6) Коль скоро христіане отрицали предъ судьей свою принадлежность къ христіанству, они оставались безъ наказанія съ оставленіемъ въ подозрѣніи на будущее время (*quamvis suspecti in praeteritum*); если же судья признавалъ ихъ достойными наказанія, то, конечно, они подвергались ему.

7) Доказательства невинности (*re ipsa manifestum facere*) были или отрицательныя—злословіе Христа (*maledicere Christo*), или положительныя (принесеніе жертвы богамъ, особенно изображенію императора, клятва гениемъ императора). Послѣдняго рода доказательства принадлежали къ обыкновеннымъ; отказъ отъ поклоненія богамъ римскаго государства, непочтеніе къ нимъ, непочтеніе къ императору, какъ главѣ государства, обыкновенно разсматривались какъ доказательства существованія у нихъ темныхъ дурныхъ намѣреній (*latebrosa et lucifugaх natio*), доказательства ихъ упорства (*obstinatio*) въ нихъ.

8) Съ другой стороны—за немногими исключеніями—судьи постоянно старались убѣжденіями, нерѣдко и пытками побудить христіанъ представить доказательства своей невинности и прежде всего доказать предъ глазами судьи, что они не виновны въ оскорбленіи величества (*majestas*).

9. Уже то обстоятельство, что судья во время процесса употреблялъ иногда самыя изысканныя пытки, показываетъ, что подсудимый христiанинъ большею частью подозрѣвался въ оскорбленіи величества. Еще яснѣе это показываютъ налагаемыя наказанія: римскіе граждане обезглавливались, матроны ссылались на острова, остальныхъ сожигали, распинали на крестахъ, бросали на растерзаніе звѣрямъ. Юныхъ дѣвъ, которыхъ нельзя было осуждать на казнь, продавали какъ безчестныхъ и иногда отдавали въ публичныя дома. Нерѣдко практиковалась ссылка на рудники (*ad metalla*), что почти равнялось предыдущимъ наказаніямъ. Въ исключительныхъ случаяхъ употреблялась ссылка. Что судья могъ отпустить уже осужденнаго христiанина или осудить его на болѣе продолжительное чѣмъ слѣдуетъ заключеніе это несомнѣнно; намъ извѣстны и примѣры этого (Лукіанъ Перегринъ, Александръ Александрійскій, Асклепиадъ Антіохійскій). То обстоятельство, что въ сборникѣ Ульпіана рескрипты императоровъ «о наказаніяхъ христiанъ» были различны, и способъ наказанія былъ неодинаковъ, также показываетъ, что усмотрѣнію судьи было дано широкое поприще. (Весь Апологетикъ Тертуліана остался бы непонятнымъ, если бы судьи не могли существенно вліять на ходъ дѣла).

II. Заключеніе изъ всего вышеописаннаго состоянія дѣлъ очевидно: быть христiаниномъ не было точно опредѣленнымъ и подведеннымъ подъ извѣстную рубрику преступленіемъ. Христiане, какъ христiане, не подлежали обыкновенному судебному процессу за исключеніемъ тѣхъ случаевъ, когда судья былъ увѣренъ въ ихъ другихъ преступленіяхъ (какъ въ Ліонѣ); они подлежали только полицейскому вмѣшательству. Рядъ вышеизложенныхъ фактовъ никакъ не подходитъ къ обыкновенному порядку судопроизводства. Тѣ факты, что большая часть христiанъ всегда оставалась не тронутой, что многіе изъ нихъ (напр. Тертуліанъ) могли безпрепятственно и открыто заниматься литературной дѣятельностью, что ихъ богослуженіе обыкновенно совершалось спокойно, ихъ кругъ все болѣе и болѣе расширялся, ихъ общество все бо-

лѣе и болѣе укрѣплялось,—показываютъ только, что противъ христіанъ не было какого либо спеціального закона, что за ними только наблюдали, какъ за подозрительными. Христіане не всегда подвергались наказаніямъ и по законамъ противъ убійства, разврата и оскорбленія величества. На нихъ чаще всего смотрѣли какъ на общество, которое, какъ религіозное, предъявляло право на терпимость (общій законъ Digest. 47, 22, 1, 1), между тѣмъ оно не могло быть признано терпимымъ (такъ какъ его религіозный характеръ былъ спорнымъ и даже подозрительнымъ) и какъ «недозволенное» (*collegium illicitum*) подлежало правительственной репрессіи. Если эта репрессія относительно рѣдко примѣнялась къ христіанамъ, то это показываетъ только, что чиновники очень не высоко ставили опасность со стороны христіанъ и потому не прибѣгали къ притѣсненіямъ ихъ.

(Продолженіе будетъ).

ПРИВЪВЛЕНІЯ

къ Иркутскимъ Епархіальнымъ
Вѣдомостямъ.

Апрѣль 15. № 8. 1898 г.

ОЧЕРКИ ПО ВСЕОБЩЕЙ ЦЕРКОВНОЙ ИСТОРИИ.

с) борьба съ язычествомъ.

Кровавыя гоненія на христіанъ со стороны языческой власти.

Причины гоненій.

Real-encycl 3 Aufl. (Christenverfolgungen).

(Продолженіе).

III. Но коль скоро по частной жалобѣ или правительственной инициативѣ всегда возможное гоненіе произошло, то главными причинами этого обыкновенно были «безбожіе» (*sacrilegium*, ἀθεότης) и «оскорбленіе величества» (*majestas*), — рѣдко подозрѣніе въ кровосмѣшеніи и дѣтоубійствѣ. Исповѣданіе христіанства въ этомъ случаѣ было равносильно отпаденію отъ государственной религіи и оскорбленію величества. Тертуліанъ очень ясно показываетъ намъ постепенное развитіе этихъ обвиненій. Въ своей Апологети-кѣ онъ то разграничиваетъ ихъ, то соединяетъ въ одно (въ 10 гл. разграничиваетъ; въ 28 — и то и другое называетъ *majestas*; въ гл. 35 — и то и другое — *sacrilegium*). Въ латинскомъ языкѣ никогда не было слова равнозначущаго греческому ἀθεότης (безбожіе); римляне всегда думали, что «обида боговъ — ихъ дѣло» (*deorum injuriae diis curas*); поэтому не было никакого преступленія въ рѣчахъ и сочиненіяхъ противъ религіи, а также въ насмѣшкахъ и глумленіяхъ надъ ней (насколько это касалось отвлеченнаго ея содержанія). Тертуліанъ могъ сказать: «не хочу, чтобы мнѣ покровительствовалъ Юпитерь.., пусть разгнѣванный Янусъ пово-

рачивается ко мнѣ какой угодно стороной!» Но дѣло имѣло свои границы; онѣ находились тамъ, гдѣ начиналась дѣйствительная римская религія и кончались философскія разсужденія. Поэтому и границы для различныхъ классовъ были различныя. Римская религія, сдѣлавшаяся мало по малу государственной, была апотеозой, обоготвореніемъ римскаго государства; она была обязательной для всѣхъ классовъ общества. Благодаря культу цезарей (которые были олицетвореніемъ государства), она тѣсно соединялась съ *majestas populi Romani* (величіемъ римскаго народа). Уклоненія отъ воздаянія должнаго почтенія богамъ, гдѣ это почтеніе считалось обязательнымъ, были преступленіемъ; и чѣмъ кто выше занималъ общественное положеніе, тѣмъ больше была возможность подвергнуться обвиненію въ немъ, хотя, смотря по обстоятельствамъ, это могло случиться и съ лицами, занимающими самое низшее мѣсто въ общественной лѣстницѣ, такъ какъ и они должны были исполнять обязанности гражданина. Положеніе, находящееся въ подлинныхъ актахъ о мученіи Кипріана Карфагенскаго (III в. *): «Императоры повелѣли, чтобы тѣ, которые не чтутъ римскую религію, исполняли римскія церемоніи»,—было закономъ уже во II вѣкѣ. Во время цезарей безъ сомнѣнія *sacrilegium* (безбожіе, оскорбленіе святыни) и *majestas* (оскорбленіе величества) стали все болѣе и болѣе совпадать. Если Тертуллианъ говоритъ о *majestas deorum populi Romani* (о величіи боговъ римскаго народа) отдѣльно отъ государства и цезаря, то онъ позволяетъ себѣ употребить шуточный тонъ въ полной увѣренности, что въ этомъ нѣтъ для него никакой опасности; если же онъ начинаетъ говорить о *sacrilegium* (безбожіе оскорбленіе святыни), насколько оно соединено съ *majestas* (оскорбленіемъ величества) и, слѣдовательно, имѣетъ политическую сторону,—онъ становится серьезнымъ, даже очень серьезнымъ. Онъ старается всѣми силами показать, что христіанъ неправильно обвиняютъ въ оскорбленіи

*) *Imperatores praeeperunt eos, qui Romanam religionem non colunt, debere Romanas caeremonias recognoscere.*

величества, что ихъ отношеніе къ императору совершенно безукоризненно. Такимъ образомъ вина, лежащая въ самомъ «имени» христіанина, все болѣе и болѣе отождествлялась въ majestas (оскорбленіемъ величества).

IV. Такое состояніе дѣлъ объясняетъ намъ многіе факты изъ исторіи гоненій, которые со всякой другой точки зрѣнія трудно объяснимы. 1) Оно объясняетъ намъ, что вопросъ о христіанахъ рѣдко доходилъ до сената. Если бы это былъ религіозный вопросъ—признаніе новой религіи—то это долженъ былъ рѣшить сенатъ; но мы имѣемъ только темные и ненадежные слѣды того, чтобы это когда нибудь могло имѣть мѣсто. 2) Оно объясняетъ относительную рѣдкость и неповсемѣстность гоненій до Декія. Если вопросъ о христіанахъ былъ чисто политическаго свойства, то мнѣніе, будто самое «имя» христіанъ заключаетъ въ себѣ уголовное преступленіе, легко было опровергнуть фактомъ, что христіане—спокойные граждане и никакой опасностью государству не угрожаютъ. 3) Оно объясняетъ періодическое повтореніе гоненій. Обвиненныхъ требуютъ, чтобы они освободили себя отъ подозрѣнія въ оскорбленіи величества самымъ дѣломъ, т. е. чтобы они оказали божеское почтеніе статуѣ императора и государственнымъ богамъ. Дѣлаютъ они это, — ихъ въ силу этого одного освобождаютъ; не дѣлаютъ, — ихъ отказъ считается равносильнымъ сознанию въ отпаденіи отъ государственной религіи, въ возмущеніи противъ государства и главы его—императора. Что дѣло идетъ здѣсь относительно официальной государственной религіи, а не національной каждаго, это ясно изъ почти постояннаго требованія клятвы предъ геніемъ императора и другими богами. Почти повсюду у судей проявляется стремленіе не наказывать христіанъ, а возвращать къ старой государственной религіи. 4) Оно объясняетъ, что на христіанство смотрѣли не какъ на новую религію, а какъ на общество, имѣющее разные тайные замыслы противъ государства. Христіанскій монотеизмъ (вѣра въ единого Бога) тогдашнимъ политикамъ казался не религіей, но

атеизмомъ (безбожіемъ), «гнуемымъ и безмѣрнымъ суевѣріемъ». Только съ половины II вѣка, когда государственная религія стала разлагаться, когда пробудилось стремленіе къ монотеизму, только тогда, кажется, религіозный характеръ христіанства мало по-малу былъ признанъ. Тогда стали имѣть мѣсто предложенія, вродѣ того, какое въ концѣ своего «Истиннаго слова» сдѣлалъ Цельсъ, или судья въ Церковной исторіи Евсевія (въ царствованіе Валеріана): «Что вамъ препятствуетъ почитать и его (т. е. Христа), если онъ Богъ, послѣ всѣхъ природныхъ боговъ? (Н. Е. VII, 11, 9)»? Если бы въ христіанствѣ былъ признанъ его религіозный характеръ, то традиціонная терпимость, которая всегда практиковалась государствомъ въ случаяхъ отпаденія къ чужимъ религіямъ, была бы, конечно, примѣнена и къ христіанству. Государство немогло ничего имѣть противъ него, разъ стояло на почвѣ принципіального политеизма. Оно терпѣло іудейскій монотеизмъ, и это терпѣніе было почти равносильно привилегіи; но здѣсь примѣшивался національный элементъ и кромѣ того опредѣленный культъ, прекратившійся только послѣ разрушенія Іерусалима. 5) Наконецъ отсюда объясняются тѣ мѣры, которыя предписывали Адрианъ Минуцію Фундану (проконсулу Малой Азіи), Пій во многихъ предписаніяхъ къ разнымъ городскимъ общинамъ. Греческія общины были постоянно склонны отыскивать религіозныя преступленія. Они требовали отъ правителей провинцій притѣсненій христіанъ и въ случаѣ отказа правителей исполнить ихъ требованія подавали петиціи императорамъ. Императоры въ отвѣтъ на эти требованія предписывали правителямъ отклонять всякіе религіозные процессы и входить въ разсмотрѣніе только такихъ жалобъ, гдѣ будутъ представлены доказательства какого-либо преступленія. Разумѣется, этимъ не отнималось и не ограничивалось у нихъ право притѣснять христіанъ, когда они считали это нужнымъ; но осужденіе на казнь цѣлыхъ массъ христіанъ, чего добивались общины, государствомъ до царствованія Декія не практиковалось; за кляузы и ябедничество угрожалось наказаніемъ.

V. До Декія не было спеціального закона противъ христіанъ; какъ таковыя они не подвергались наказаніямъ, установленнымъ противъ убійства, магіи и т. д. (хотя народъ иногда кричалъ противъ «маговъ», т. е. христіанъ); къ нимъ не прилагался и законъ относительно «недозволенныхъ обществъ» (*collegia illicita*); но ихъ всегда подозрѣвали въ оскорбленіи святыни (*sacrilegium*) и величества (*majestas*). Поэтому, когда ихъ обвиняли, ихъ судили тѣмъ порядкомъ судопроизводства, который былъ установленъ для обнаруженія этихъ преступленій, т. е. ихъ заставляли принести жертвы предъ богами и императорами или поклясться геніемъ императора; если христіане отказывались, то это считалось доказательствомъ преступленія и они подвергались положеннымъ за это наказаніямъ. Само собой разумѣется, что христіанскія «коллегіи» (церкви) были «недозволенными»; но фактически ихъ терпѣли. Правъ юридической личности они не могли приобрѣсти; но не имѣя этихъ правъ они всетаки имѣли въ своемъ распоряженіи зданія и другую собственность; полиція не могла этого не знать, но она смотрѣла на это снисходительно. Гоненій въ строгомъ смыслѣ этого слова не было; но всякій разъ, какъ усиливалась ревность къ государственной религіи, это выражалось возрастаніемъ числа процессовъ противъ христіанъ (такъ напр. при Маркѣ Авреліи); впрочемъ нѣкоторые проконсулы съ ожесточеніемъ преслѣдовали христіанъ, но такихъ было меньшинство. Особенный рескриптъ (202 г.) Септимія Севера, стѣсняющій обращеніе въ христіанство (*Christianos fieri sub gravi poena vetuit*), показываетъ, что христіанъ хотѣли только ограничить, а не уничтожить. Законъ Максимина Фракіянина былъ первымъ, имѣющимъ цѣлю уничтожить организацію церкви и чрезъ нее самую церковь (лишеніемъ ея предстоятелей); но онъ не былъ приведенъ въ исполненіе. Только съ Декія начинается принципиальная борьба. Въ это время въ первый разъ потребовали, чтобы каждый гражданинъ публично — въ опредѣленный день — исполнилъ свои религіозныя обязанности. Насколько ужасны были ближайшія слѣдствія этого

кроваваго закона, настолько быстро онъ потерялъ всякую силу. Мѣры предпринятыя послѣ этого государствомъ противъ христіанъ до закона Галерія, объявившаго терпимость въ отношеніи къ нимъ, не были новыми; всѣ онѣ были уже испробованы предъидущими императорами. Всѣ эти мѣры были направлены къ исполненію предъидущихъ законовъ, изъ которыхъ ни одинъ не достигъ цѣли. Христіанство побѣдило оффиціальныи и неоффиціальныи политеизмъ своей внутренней силой, а не оружіемъ и насиліемъ, и государству ничего не оставалось, какъ только высказаться въ его пользу.

(Продолженіе будетъ.)

ОЧЕРКИ ПО ВСЕОБЩЕЙ ЦЕРКОВНОЙ ИСТОРИИ.

(Продолженіе).

ГОНЕНІЯ НА ХРИСТІАНЪ ДО ВСТУПЛЕНІЯ НА ПРЕСТОЛЪ МАРКА АВРЕЛІА.

Chastel, Histoire du christianisme. Paris 1885

Въ гоненіяхъ на христіанъ можно различать три фазы. До Марка Аврелія (160—180) онѣ были не повсемѣстны и не такъ жестоки; со времени Марка Аврелія онѣ становятся болѣе обширными и сильными, чѣмъ прежде; съ Декія и Траяна до 313 г. онѣ становятся жестокими и повсемѣстными.

Мы уже знаемъ, что римское правительство долгое время смѣшивало христіанство съ іудействомъ. И «подъ покровомъ дозволенной іудейской религіи» (слова Тертуліана) христіане въ продолженіе перваго вѣка рѣдко были тревожимы властями и даже на-

ходили у проконсуловъ защиту противъ іудеевъ, которые на нихъ доносили. Доказательствомъ этого служить покровительство ап. Павлу съ стороны Галліона, проконсула Ахаіи и Феста, прокуратора Іудеи, а также отставка первосвященника Анана проконсуломъ Альбиномъ за то, что онъ созвалъ безъ его разрѣшенія си недріонъ, осудившій на смерть ап. Іакова. По свидѣтельству Тертулліана (намъ уже отчасти извѣстному) императоръ *Тиверій* (14—41), получивъ донесеніе Пилата о чудесахъ Іисуса Христа, потребовалъ отъ сената принятія его въ число боговъ, но сенатъ отказалъ. Но Тиверій и послѣ этого отказа продолжалъ покровительствовать христіанамъ и грозилъ наказаніемъ ихъ обвинителямъ. Мы уже сказали, что этотъ рассказъ невѣроятенъ. Все, что можно вывести изъ него, — это то, что Тиверій не тревожилъ христіанъ. Въ царствованіе *Клавдія* (41—54) нѣкоторые изъ нихъ должны были оставить Римъ; но это опять было вслѣдствіе того, что ихъ смѣшивали съ іудеями, которые вѣроятно были изгнаны за какое нибудь возмущеніе. Правда, Светоній какъ будто приписываетъ его христіанамъ. Онъ говоритъ: «(Клавдій) изгналъ изъ Рима постоянно волнующихся іудеевъ, подстрекаемыхъ Христомъ» (*Iudeos impulsore Chriesto assidue tumultantes Roma expulit*). Но не хочеть-ли Светоній (какъ предполагаетъ Неандеръ, извѣстный нѣмецкій церковный историкъ) сказать этими словами только то, что іудеи очень часто были подстрекаемы къ возмущенію ложными мессіями, христами (*Χριστός*)?

Неронъ (68—54) былъ первымъ императоромъ, который преслѣдовалъ именно христіанъ; поводомъ къ этому послужило не пренебреженіе ихъ къ римскому культу, а совершенно другая причина. Они были жертвами, предоставленными народной ярости, на которыхъ была свалена вина въ поджогъ Рима. Но предоставимъ говорить Тациту (*Ann. XV, 38—40*). Пожаръ начался съ садовъ одного любимца Нерона. Общій говоръ обвинялъ императора въ желаніи разрушить городъ, чтобы соединить съ своимъ именемъ славу его возстановленія. Не смотря на устройство публичнаго по-

каянiя, на совѣщанiя съ книгами сивиллъ, на молитвы Вулкану, Церерѣ, Прозерпинѣ, на процессiи матронъ въ честь Юноны, не смотря на его щедрость къ пострадавшимъ, все упорно смотрѣли на него какъ на виновника пожара. Это заставило Нерона свалить вину на христiанъ, постыдныя дѣла которыхъ, по словамъ Тацита были предметами народной ненависти (*per flagitia invisos*). Онъ приказалъ нѣкоторыхъ изъ нихъ схватить; схваченные (безъ сомнѣнiя подъ влiянiемъ пытокъ) признались въ приписываемомъ имъ преступленiи. По ихъ показанiямъ схватили многихъ другихъ не потому, чтобы они были виновны въ пожарѣ, а потому, что ихъ ненавидѣлъ народъ (*haud perinde in crimine incendii, quam odio humani generis convicti sunt.*). Къ насмѣшкамъ и оскорбленiямъ присоединили мученiя. Ихъ зашивали въ шкуры дикихъ звѣрей и отдавали на растерзанiе собакамъ, распинали на крестахъ, обливали смолой и употребляли ночью вмѣсто факеловъ. Неронъ предоставилъ свои сады для этого ужаснаго зрѣлища; одновременно онъ далъ въ циркѣ игры, участвовалъ въ нихъ самъ и, одѣвшись кучеромъ, то смѣшивался съ толпой, то садился въ колесницу. «Такимъ образомъ, заключаетъ Тацитъ, каковы-бы ни были вины христiанъ, какъ бы ихъ ни считали достойными наказанiя, все таки ихъ начинали жалѣть (*miseratio oriebatur*), такъ какъ все видѣли, что они принесены въ жертву жестокости одного лица, а не общему благу».

Неизвѣстно, какъ далеко простиралось гоненiе Нерона, свирѣпствовало-ли оно—какъ утверждаетъ Тертуллианъ—во всей Италiи и даже въ Азiи; но въ Римѣ по всей вѣроятности оно продолжалось до его смерти. Во время этого гоненiя, какъ намъ уже извѣстно пострадали св. апостолы Петръ и Павелъ (см. выше «Дѣянiя апостоловъ»). Во время Каия (римскiй пресвитеръ III в.) показывали могилы апостоловъ на Ватиканскомъ холмѣ (Петра) и на дорогѣ въ Остiю (Павла) (Евсевiй II, 25).

Есть извѣстiе (Sueton. Nero c. 40. 57), что послѣ смерти Нерона прошелъ въ народѣ слухъ, будто онъ не умеръ, а уда-

лся на востокъ, за Евфратъ, откуда со временемъ опять возвратится, что дало поводъ къ появленію многихъ ложныхъ Нероновъ (Tacit. Hist. II, 8) и относящихся сюда мнимыхъ пророчествъ Сивиллъ. Христіане, охваченные этой всеобщей народной молвой, видѣли въ Неронѣ Антихриста, который будетъ царствовать въ Иерусалимѣ и воздвигнетъ противъ нихъ послѣднее гоненіе. Сульпицій Северъ (историкъ V в.) именно въ этомъ смыслѣ объясняетъ слова Апокалипсиса находящіяся въ XVII гл. 8—16 ст.

Если христіане терпѣли гоненія при первыхъ преемникахъ Нерона, то не за свою вѣру, а вслѣдствіе того, что ихъ смѣшивали съ іудеями и подозрѣвали въ іудейскихъ политическихъ замыслахъ. Вѣроятно, вслѣдствіе этого смѣшенія *Tum* заставилъ ихъ вмѣстѣ съ іудеями платить на капитолій дидрахму, (которую іудеи до этого времени платили на Иерусалимскій храмъ) и наказывалъ за отказъ отъ этой платы.

Это продолжалось и при *Домиціанъ* (81—96), который сильно притѣснялъ іудеевъ изъ за этой платы. Діонъ Кассій говоритъ, что онъ осудилъ на смерть (*κατέσφαξεν*) своего родственника двоюроднаго брата (*ἀνεψιόν*) консула Флавія Климента, мужа также его родственницы Флавіи Домитиллы. Ихъ обвинили въ «безбожїи» (*ἀθεότητος*), т. е. въ непочтеніи къ богамъ римскаго государства. Кромѣ нихъ за это же, а также за соблюденіе іудейскихъ обычаевъ, много было обвинено римскихъ гражданъ; одни изъ нихъ были осуждены на смерть, другіе лишены имущества. Домитилла была сослана на о. Пандатерію. Евсевій (III, 18) прибавляетъ, что сослана была, какъ христіанка на о. Понтію еще племянница Домиціана, сестра Климента, также по имени Домитилла. Подозрительность императора въ отношеніи къ членамъ своей фамиліи, жадность, заставлявшая его отдѣлываться отъ тѣхъ, чье имущество онъ присвоивалъ, безъ сомнѣнія немало способствовали осужденію Климента *).

*) Обѣ Домитиллы послѣ ихъ смерти были перенесены въ Римъ и положены въ особой подземной усыпальницѣ (катакомбѣ), предназначенной для чле-

Эта же подозрительность и жадность заставила его, по свидѣтельству Гегезиппа, (у Евсевія III, 19—20), отыскивать потомковъ Іуды, брата Господня, о которыхъ ему сказали, что они происходятъ изъ рода Давидова. Ихъ вызвали въ Римъ и представили Домиціану. Они не отрицали предъ нимъ своего происхожденія. На вопросы о томъ, какъ они живутъ, они показали, что они имѣютъ 39 десятинъ земли, едва достаточной для ихъ пропитанія, показали и на свои руки, огрубѣвшія отъ тяжелой работы. Наконецъ, на вопросы о Христѣ и Его царствѣ они, рассказываетъ Евсевій (1. с.), отвѣтили, что это царство не отъ міра сего, что оно начнется тогда, когда Христосъ придетъ на облакахъ судить живыхъ и мертвыхъ. Жалкій видъ обвиненныхъ и такіе отвѣты ихъ смягчили опасенія Домиціана и онъ отослалъ ихъ цѣлыми и невредимыми.

При Домиціанѣ, какъ намъ уже извѣстно (см. выше «Дѣянія апостоловъ»), Іоаннъ Богословъ былъ сосланъ на о. Патмосъ.

(Продолженіе будетъ).

ОЧЕРКИ ПО ВСЕОБЩЕЙ ЦЕРКОВНОЙ ИСТОРИИ.

Гоненія на христіанъ до вступленія на престолъ Марка Аврелія.

Chastel, Histoire du christianisme. Paris 1885.

(Продолженіе).

Преемникъ Домиціана *Нерва* (96—98) по свидѣтельству Діона Кассія (68, 1) «освободилъ обвиненныхъ въ безбожіи, возвратилъ сосланныхъ; никому не позволялъ обвинять кого-либо въ безбожіи или въ іудейской жизни». Но при преемникѣ его *Траянѣ* (98—117) дѣла измѣнились къ худшему.

Этотъ императоръ, справедливый, нисколько не склонный къ жестокости, но подозрительный, со втораго года своего царствованія (99) возобновилъ древній законъ противъ гетерій, т. е. недозволенныхъ закономъ обществъ. Доносы на христіанъ были до возобновленія этого закона; возобновленіе его усилило ихъ еще болѣе. Но христіанскія общества этого времени были въ глазахъ администраторовъ, обязанныхъ приводить въ исполненіе этотъ законъ, настолько исключительнаго характера, что они не знали, насколько и какъ приложимъ къ нимъ этотъ законъ. Одинъ изъ нихъ, правитель Виаенніи Плиній младшій, рѣшилъ за рѣшеніемъ недоумѣній обратиться съ письмомъ къ самому Траяну.

Вотъ это письмо: «Обычно мнѣ, государь, обращаться къ тебѣ во всѣхъ сомнительныхъ случаяхъ. Ибо кто лучше тебя можетъ разрѣшить мое недоумѣніе или вразумить мое неразуміе. Я никогда не бывалъ при производствѣ дѣлъ о христіанахъ; поэтому я и не знаю, что и въ какой мѣрѣ подлежитъ розыску или наказанію. Я не мало раздумывалъ, нужно ли обращать вниманіе на различіе возраста, или слѣдуетъ одинаково относиться къ юнымъ и взрослымъ; слѣдуетъ ли давать снисхожденіе въ случаѣ раскаянія, или того, кто былъ христіаниномъ, не нужно щадить, хотя бы онъ и отсталъ отъ христіанства; нужно ли наказывать за одно имя, помимо преступленій, или за преступленія, соединенныя съ именемъ. Между тѣмъ доселѣ относительно обвиняе-

моихъ въ христіанствѣ я поступалъ такимъ образомъ. Я спрашивалъ ихъ христіане ли они; признающихся въ христіанствѣ спрашивалъ другой и третій разъ, угрожая казнію; упорныхъ приказывалъ вести на казнь. Я не сомнѣвался, что каково бы ни было ихъ исповѣданіе, во всякомъ случаѣ упорная и непреклонная закоснѣлость заслуживаетъ казни. Были иные, въ такой мѣрѣ безумные люди, которыхъ я и назначалъ къ отсылкѣ въ столицу, такъ какъ они были римскіе граждане. Съ производствомъ дѣла, какъ часто бываетъ при разслѣдованіи преступленій, тотчасъ же выступали многія усложненія. Представленъ былъ безымянный доносъ, содержащій имена многихъ лицъ, которые заявили, что они не христіане и не были христіанами. Я разсудилъ, что ихъ слѣдуетъ отпустить, послѣ того какъ въ моемъ присутствіи они призывали боговъ и предъ твоимъ изображеніемъ, которое я на сей случай велѣлъ поставить на ряду съ изваяніями боговъ, совершали возліянія и куренія и кромѣ того хулили Христа (ибо ни къ тому, ни къ другому, ни къ третьему нельзя принудить дѣйствительныхъ христіанъ). Другіе изъ лицъ, поименованныхъ въ доносѣ, признали себя христіанами, но тотчасъ же отреклись, заявивъ, что они были христіанами, но отстали, иные за три года, иные за большее число лѣтъ, а иные даже лѣтъ за двадцать. Всѣ они почтили твое изображеніе и изваянія боговъ, а равно хулили Христа. Они утверждали, что все ихъ преступленіе или заблужденіе состояло въ томъ, что въ положенный день они собирались предъ разсвѣтомъ и воспѣвали пѣснь Христу, какъ Богу, а равно и обязывались тайнствомъ не на какое нибудь преступленіе, но чтобы не совершать воровства, разбоя, прелюбодѣянія, лжесвидѣтельства, утайки заклада; послѣ сего они обыкновенно расходились и опять собирались для принятія пищи, впрочемъ простой и безвредной; они прибавляли, что они отстали отъ участія въ христіанскихъ собраніяхъ послѣ моего едикта, которымъ я согласно твоему повелѣнію запрещалъ *гетери*. Тѣмъ болѣе я счелъ необходимымъ пытками вывѣдать правду отъ двухъ

служанокъ, которыя назывались діаконисами. Но я ничего не открылъ кромѣ грубаго и неумѣреннаго суевѣрія и потому, отложивъ на время разслѣдованіе, рѣшился повергнуть дѣло на твое воззрѣніе. Дѣло показалось мнѣ достойнымъ вниманія особенно по причинѣ количества заблуждающихся. Многіе люди всякаго возраста, всякаго состоянія и обоого пола заблуждаются и стоятъ на дорогѣ къ заблужденію. Не только въ города но и въ села и въ деревни проникла зараза этого заблужденія. Но кажется можно задержать и поправить бѣду. По крайней мѣрѣ достовѣрно извѣстно, что почти опустѣвшіе храмы бжговъ опять начинаютъ наполняться, священныя церемоніи, давно прекращенныя, опять совершаются, и откармливаются жертвы, для которыхъ доселѣ весьма рѣдко находился покупатель. Отсюда легко заключить, какъ много народу можетъ исправиться, если оказывать снисхожденіе кающимся въ заблужденіи».

На это письмо Плинія, представляющее изъ себя замѣчательнѣйшій документъ изъ исторіи христіанской церкви, послѣдовалъ такой отвѣтъ императора Траяна: «Ты поступалъ какъ слѣдуетъ, мой любезный, при разбирательствѣ дѣла о тѣхъ, которые были предъявлены тебѣ въ качествѣ христіанъ. Вообще нельзя сдѣлать постановленія, которое имѣло бы окончательно твердую форму. Розыскивать христіанъ не слѣдуетъ; но если они будутъ предъявлены и изобличены, то ихъ слѣдуетъ наказывать, впрочемъ такъ, что отрекшійся отъ христіанства и подтвердившій это самымъ дѣломъ, т. е. преклоненіемъ предъ нашими богами, получаетъ прощеніе за раскаяніе, хотя бы прошлое его и было подозрительно. Безыменные же доносы не должны быть принимаемы во вниманіе ни въ какомъ судебномъ дѣлѣ; это скверныя примѣры и не въ духѣ нашего времени» *). Такимъ образомъ римское правительство въ первый разъ объявило гоненіе на христіанство и наказаніе за исповѣданіе его.

*) Переводъ Терновскаго. Грековосточная церковь въ періодъ вселенскихъ соборовъ.

Не смотря на нѣкоторыя, повидимому, льготы, находящіяся въ декретѣ, положеніе христіанъ не могло не ухудшиться. Судейскіе трибуналы огласились приговорами, стойвшими жизни, между прочимъ, двумъ славнымъ епископамъ Симеону, сыну Клеопы, второму епископу Іерусалимскому, который какъ христіанинъ и потомокъ Давида, по свидѣтельству Гегезиппа (у Евсевія III, 32), былъ распятъ 120 лѣтъ отъ роду и св. Игнатію Богоносцу, епископу Антиохійскому, который послѣ исповѣданія вѣры въ 116 году (по другимъ въ 107) предъ императоромъ Траяномъ былъ отосланъ въ Римъ на растерзаніе дикимъ звѣрямъ въ Колизеѣ (циркъ въ Римѣ)*).

(Продолженіе будетъ.)

ОЧЕРКИ ПО ВСЕОБЩЕЙ ЦЕРКОВНОЙ ИСТОРИИ.

(Продолженіе)

Chastel, Histoire du christianisme. Paris. 1885.

Преслѣдованія по закону, изданному Траяномъ, начатыя при немъ самомъ, продолжались и при его преемникѣ *Адрианъ* (117—138). Казалось, что то было время всеобщаго религіознаго одушевленія. Адрианъ проявлялъ большое усердіе въ соблюденіи національныхъ религіозныхъ обрядовъ; онъ презиралъ «чужія святыни» (*sacra peregrina*). Онъ лично исполнялъ на глазахъ у всѣхъ обязанности понтифекса. Во время путешествія по Греціи (124) онъ посвятилъ себя во всѣ мистеріи. Онъ имѣлъ свѣдѣнія и о христіанствѣ, хотя совершенно ложныя. «Тѣ, которые почитаютъ Сераписа, — писалъ онъ консулу Сервіану, — христіане, и тѣ, которые называютъ себя епископами Христа, почитаютъ Сераписа. Нѣтъ здѣсь (рѣчь идетъ о Египтѣ) ни одного іудейскаго архисинагога, ни одного самарита (*Samarites*), ни одного христіанскаго пресвитера (*Christinorum presbyter*), который бы не былъ математикомъ, гаруснекомъ, учителемъ. Самого патріарха, когда онъ приходитъ въ Египеть, одни принуждаютъ почитать Христа, другіе Сераписа..... У нихъ (Египтянъ) одинъ богъ — деньги. Его почитаютъ христіане, іудеи и народы». Разумѣется, такое пониманіе христіанства не могло Адриана располагать къ нему. Видя его расположеніе къ язычеству, всѣ думали, что настало время гоненія на христіанъ. Это было причиной появленія защитниковъ христіанства (апологетовъ). Таковымъ защитникомъ былъ Код-

ратъ. Отъ его сочиненія (апологіи) дошелъ до насъ незначительный отрывокъ (у Евсевія IV, 3 *). Не все проконсулы сочувствовали гоненіямъ. По крайней мѣрѣ Серенній Граніанъ, человѣкъ, повидимому, справедливый и гуманный сожалѣлъ о томъ, что онъ былъ принужденъ иногда уступать крикамъ толпы, требовавшей наказанія невинныхъ, и написалъ объ этомъ Адріану. Адріанъ, едва ли въ это время сочувствовавшій гоненіямъ, отвѣтилъ его преемнику Минуцію Фундану (Евс. IV, 8—9). Отвѣтъ этотъ слѣдующій: «Я получилъ докладъ отъ знаменитаго предшественника твоего Сереннія. Я разсудилъ, что этого доношенія нельзя оставить безъ отвѣта, чтобы люди невинные не подвергались напрасной тревогѣ и чтобы не подать повода къ совершенію зла доносчикамъ. Итакъ, если областные жители могутъ открыто доказывать свои доносы на христіанъ, такъ чтобы отвѣчать за нихъ предъ судомъ, то пусть обращаются только къ суду, а извѣты и вопли оставляютъ. Въ случаѣ обвиненія точное разслѣдованіе пусть будетъ залогомъ справедливости. Посему, если кто основательно обвиняетъ христіанъ въ противозаконныхъ поступкахъ, то опредѣляй наказаніе по мѣрѣ преступленія. Но если кто вздумаетъ только клеветать на христіанъ, того ради Бога постарайся постороже наказать, какъ мошенника **). Само собой разумѣется, что мало могло найтись правителей провинцій, которые бы стали точно исполнять это предписаніе и пошли противъ толпы; послѣ смерти Адріана, послѣдовавшей въ 138 году, онъ вѣроятно потерялъ свою силу. Впрочемъ и самъ Адріанъ подъ конецъ своего царствованія измѣнилъ свою политику въ отношеніи къ христіанамъ, доказательствомъ чего служатъ мученическіе акты (Евстахія, Симфорозы и ея семи сыновей). Причиной этого, вѣроятно, было возмущеніе іудеевъ подъ предводительствомъ *Баръ-Кохбы* (сынъ звѣзды—Числѣ XXIV, 17—19). Римляне взяли Іерусалимъ и превратили

*) Евсевій (IV, 3] сообщаетъ, что Адріану писалъ апологію еще Аристидъ. Но эту апологію, недавно найденную (1891), относятъ къ времени Антонина Пія (138—161).

***) Переводъ Терновскаго.

Палестину въ пустыню; было разрушено до 1000 селеній и до 50 городовъ съ 480 синагогами. Іерусалимъ переименованъ въ Елію Капитолину. Іудеямъ запрещено было приближаться къ нему подѣ страхомъ смертной казни. Въ немъ явился языческій храмъ, театръ. Но іудеи не потеряли своей національности. Раввинизмъ удержался въ Сепфорисѣ въ Галилеи и особенно въ Кесаріи (Палестинской), гдѣ впоследствии была резиденція патріарха.

Христіанскія священныя мѣста также были осквернены. Около гроба Господня была поставлена статуя Юпитера, на лобномъ мѣстѣ—Венеры. Здѣшніе христіане изъ іудеевъ имѣли маленькую церковь на Сіонѣ, которая была ихъ средоточнымъ пунктомъ. Послѣ Симеона, скончавшагося мученически при Траянѣ, было 13 быстро другъ за другомъ скончавшихся епископовъ; всѣ они были «изъ обрѣзанныхъ» и держались старыхъ обрядовъ. Но такъ какъ въ Іерусалимѣ, который былъ выстроенъ совершенно вновь, нельзя уже было жить іудеямъ, то вскорѣ возникла христіанская церковь изъ язычниковъ и новый епископъ Маркъ, а равно и слѣдующіе за нимъ были изъ язычниковъ. Съ этихъ поръ они были подчинены митрополиту Кесаріи Палестинской (Іустинъ, *Apol.* I, 31; Евс. IV, 12; Епифаній, *De pond. et mens.* 14. 15; Сульп. Сев.). Стѣна, отдѣлявшая іудеевъ отъ христіанъ, стала еще болѣе; они проклинали ихъ въ своихъ синагогахъ, старались возстановить противъ нихъ язычниковъ. Принципіальное отдѣленіе крещеныхъ іудеевъ отъ некрещеныхъ выступало сильнѣе и сильнѣе. Въ Палестины іудео—христіане, конечно, легче сливались съ христіанами изъ язычниковъ; но Гегезиппу (христіанскій писатель ок. 150 г.) іудеи тогда не имѣли ни одного болѣе или менѣе значительнаго человѣка, и на развитіе христіанской литературы вліянія не оказывали. Оо. и учителя церкви старались ихъ обратить къ церкви и уничтожить ихъ предрасудки *).

*) Hergenröther, Kirchg.

Въ царствованіе *Антонина Пія* (138 - 161) имперія наслаждалась, за немногими исключеніями, покоемъ *). Въ христіанскоѣ церкви его времени совершались замѣчательныя событія. Во время «благочестиваго императора» процвѣталъ «нечестивый» (Sub Pio impius) Маркіонъ и гностицизмъ вообще; Антонину Пію подалъ свою апологію Аристидъ; на его царствованіе падаетъ литературная дѣятельность Іустина и Таціана (Oratio ad Graecos). Тогда еще живы были старѣйшіе предстоятели въ Малой Азіи, между которыми первое мѣсто занималъ св. Поликарпъ Смирнскій. На царствованіе Пія падаетъ начало споровъ о праздникѣ Пасхи, посѣщеніе Рима св. Поликарпомъ Смирнскимъ и Гегезиппомъ.

Магистраты (чиновники) при Антонинѣ Піѣ въ общемъ руководились тѣми-же законами, которые были при Траянѣ и Адрианѣ, какъ показываютъ апологіи Аристида и Іустина (особенно II, I и дал.), а также процессъ Перегринна Протея у Лукіана (языческій писатель). Но такъ какъ Піѣ запретилъ или по крайней мѣрѣ ослабилъ доносы на христіанъ, запретилъ обычные въ Малой Азіи процессы противъ «безбожія», въ цѣломъ рядѣ эдиктовъ къ жителямъ Лариссы, Фессалоники, Аѳинъ, ко всѣмъ грекамъ (Мелитонъ у Евсевія IV, 26. 10) выступилъ противъ беспорядочнаго, враждебнаго христіанамъ фанатизма массы, — то этимъ онъ фактически значительно ограничилъ процессы противъ христіанъ, гоненія на нихъ, и въ его время «въ церквахъ былъ миръ» (Сулп. Сев. II, 46). Сообщенный Евсевіемъ (IV, 13) «эдиктъ ко всей Азіи» **), который онъ приписываетъ Пію, хотя онъ дошелъ до него подъ именемъ его преемника Марка Аврелія, — въ общемъ подлинный, но съ позднѣйшими вставками, которые легко выдѣлить. Эдиктъ представляетъ изъ себя отвѣтъ на просьбу малоазійскихъ общинъ, недовольныхъ дѣйствіями проконсула относительно христіанъ. Напуганные повторившимся землетрясеніемъ, они просили императора возбудить противъ нихъ всеобщее гоне-

*) Real enc 3 Aufl.

**) Этотъ эдиктъ еще дошелъ до насъ въ видѣ приложенія къ апологій Іустина.

ніе, отыскивать ихъ и обвинять какъ «безбожниковъ». Императоръ отклоняетъ это и, слѣдую политикѣ Адріана (его письму къ Минуцію Фундану), опредѣляетъ, что противъ христіанъ не слѣдуетъ поднимать процессовъ, какъ противъ безбожниковъ, доносы не должны быть терпимы, и только тогда слѣдуетъ привлекать ихъ къ отвѣтственности, когда будетъ доказано, что они «предпринимаютъ что-либо противъ римской власти» (περὶ τῆν ἡγεμοίαν Ρωμαίων ἐγχειροῦντες). Впрочемъ ограниченіе способовъ обвиненія христіанъ частными людьми естественно не значило, что ихъ нельзя было наказывать; компетенція и обязанности чиновниковъ этимъ эдиктомъ не нарушались.

(Продолженіе будетъ).

П Р И В А В Л Е Н І Я

къ Иркутскимъ Епархіальнымъ
Вѣдомостямъ.

Іюнь 15. № 12. 1898 г.

ОЧЕРКИ ПО ВСЕОБЩЕЙ ЦЕРКОВНОЙ ИСТОРИИ.

(Продолженіе).

Chastel, Histoire du christianisme. Paris. 1885.

Гоненія на христіанъ со вступленія на престоль Марка Аврелія
до Декія Траяна.

Маркъ Аврелій (161—180) не измѣнилъ положенія христіанъ, даннаго его предшественниками. Независимо отъ неблагопріятнаго взгляда на религіозное одушевленіе христіанъ, заставлявшее ихъ съ радостію принимать мученической вѣнецъ, онъ, сверхъ того, какъ императоръ и верховный понтифексъ (жрецъ), считалъ своею обязанностію поддерживать религію государства; онъ надѣялся, что философія мало-по-малу просвѣтитъ его народъ и не хотѣлъ, чтобы новая и чужая религія подорвала древній національный культъ. Во время моровой язвы, опустошавшей Италію, онъ со всѣхъ сторонъ призвалъ въ Римъ жрецовъ для участія въ церемоніяхъ, имѣющихъ цѣлію очищеніе города, а предъ войной съ Маркоманами, по древнему обычаю, впродолженіи семи дней устраивалъ угощеніе боговъ (lectisternia).

Таково настроеніе, руководившее Маркомъ Авреліемъ въ отношеніи къ христіанамъ. Если они и не названы прямо, то по крайней мѣрѣ на нихъ есть очень ясныя намеки въ двухъ эдиктахъ этого государя, изъ которыхъ одинъ осуждаетъ въ ссылку на острова тѣхъ, которые возмущаютъ слабыя души суевѣрными страхами; другой, положительный, осуждалъ въ ссылку или на

смерть, смотря по ихъ положенію, тѣхъ, которые вводятъ въ имперію новыя религіи. Безъ сомнѣнія, какъ Траянъ или Адріанъ, онъ не могъ терпѣть произвольныхъ и незаконныхъ преслѣдованій христіанъ. Это было предметомъ особаго эдикта, который дошелъ до насъ подъ именемъ императора Авреліана (270—5), но который большинство изслѣдователей приписываетъ Марку Аврелію *). Здѣсь говорится, что преслѣдованіе тотчасъ должно прекратить, коль скоро достигнута цѣль, т. е. коль скоро исполненъ законъ, требующій принесенія жертвъ. вмѣстѣ съ этимъ онъ утверждаетъ предыдущіе эдикты и тѣ наказанія, которыя они налагаютъ за отказъ отъ христіанства. Но не трудно видѣть, что мѣры, предпріятыя Маркомъ Авреліемъ противъ возможныхъ злоупотребленій были слишкомъ слабы. Это доказываютъ слова апологіи (защитительная рѣчь) Мелитона Сардійскаго, сохраненныя для насъ Евсевіемъ (IV, 26): «Безстыдные доносчики и любители чужаго добра, говоритъ Мелитонъ, имѣя законное основаніе, открыто разбойничаютъ, днемъ и ночью грабятъ ни въ чемъ неповинныхъ. Если это твое приказаніе, то пусть это будетъ такъ—справедливый государь не можетъ дать несправедливаго приказанія—мы охотно понесемъ награду такой смертию. Мы просимъ только чтобы ты узналъ причинившихъ такіе споры и разсудилъ, чего они заслуживаютъ—смерти, отмщенія или спокойствія и счастья. Если же пустое распоряженіе, которое не прилично даже враждебнымъ намъ варварамъ, исходитъ не отъ тебя, то тѣмъ болѣе мы просимъ тебя, не подвергать насъ такому грабежу». Эти слова очень хорошо рисуютъ намъ характеръ гоненій при Маркѣ Авреліи: императоръ хотѣлъ только одного,—чтобы религію никто не могъ трогать безнаказанно. Ненависть и жадность сдѣлали изъ императорскаго эдикта орудіе противъ тѣхъ, кого они желали замучить или обобрать, при чемъ въ своемъ насиліи онъ часто переходили границы, намѣченныя императоромъ.

*) Эдиктъ дошелъ до насъ въ мученическихъ актахъ Симфоріана, пострадавшаго при Маркѣ Авреліи.

Гоненіе, начавшись въ Римѣ въ 166 году, гдѣ Іустинъ мученикъ, по доносу Кресцента, сдѣлался одной изъ первыхъ его жертвъ (Евс. IV, 16—17), достигло до малоазійскихъ церквей, и прежде всего Смирнской въ 167 году *). Въ посланіи, написанномъ къ Понтійскимъ церквамъ, Смирнская церковь излагаетъ намъ подробности страданій, ею перенесенныхъ, говоритъ о героизмѣ своихъ мучениковъ. Въ этомъ посланіи говорится, что все присутствующіе, были поражены ужасомъ, когда увидали однихъ несчастныхъ раздираемыхъ ударами бича, обнажавшими ихъ тѣла до жилъ и внутренностей; другихъ положенныхъ на раздавленные раковины или гвозди, предаваемыхъ тысячамъ пытокъ, пока, наконецъ, ихъ не отдавали на растерзаніе дикимъ звѣрямъ. Между ними особенно выдавался юноша, по имени Германикъ. Поддерживаемый сверхъестественною силою, онъ выказалъ сверхъчеловѣческую твердость: убѣждаемый проконсуломъ пожалѣть свою молодость, онъ, напротивъ, пошелъ на встрѣчу звѣрямъ, чтобы скорѣе уйти изъ этого міра. Толпа скорѣе возбужденная, чѣмъ уснокоенная его мученичествомъ закричала: «Долой нечестивыхъ! Ищите Поликарпа!» Этотъ уважаемый епископъ хотѣлъ сначала остаться въ Смирнѣ, но по убѣжденію близкихъ друзей удалился въ сосѣднее помѣстье. Когда онъ былъ найденъ, онъ спокойно отдалъ себя въ ихъ распоряженіе со словами: «Да будетъ воля Божія!» Когда его привели въ амфитеатръ и поставили на костръ (мученикъ, не желалъ чтобы его привязали къ столбу),—онъ воздалъ благодареніе Богу за то, что Онъ сподобилъ его быть участникомъ въ страданіяхъ Его Сына.

Мученичество Поликарпа и 12 другихъ христіанъ, имѣвшихъ подобную участь, нѣсколько утишили ярость толпы; проконсулъ, лично не имѣвшій вражды къ христіанамъ, остановилъ преслѣдованіе ихъ. Но въ другихъ мѣстахъ Малой Азіи оно продолжалось. Такъ напр. Паргамская церковь имѣла многихъ мучениковъ.

*) Waddington, Lipsius, Hilgenfeld полагають, что оно было около 155—6 г.

Тѣже причины, которыя произвели гоненія въ Азій, произвели его и на западѣ. Въ 177 году церкви Галліи, основанныя малоазійскими христіанами (почти все мученики Галліи носятъ греческія имена), были жертвами подобныхъ жестокостей. Подробный рассказъ объ ихъ страданіяхъ, посланный ихъ малоазійскимъ братьямъ, намъ сохранилъ Евсевій. Это одинъ изъ драгоцѣнныхъ памятниковъ для исторіи этого времени. Ярость язычниковъ была возбуждена бѣдствіями опустошавшими тогда имперію; въ Галліи, впрочемъ, она была возбуждена еще мнимыми религіозными оргіями, въ которыхъ подозрѣвали христіанъ. Гоненіе здѣсь было тѣмъ ужаснѣе, что съ народными массами здѣсь были солидарны и власти. Особенно ужасны гоненія были въ Ліонѣ и Віеннѣ. Христіанъ при ихъ появленіи ругали, оскорбляли, дома ихъ разрушали. Самые почтенные изъ нихъ были схвачены и приведены къ городскимъ властямъ. Такъ какъ проконсула не было въ городѣ, то они были подвергнуты мучительному заключенію. По прибытіи его начались пытки, съ цѣлю вывѣдать о мнимыхъ неестественныхъ порокахъ. Когда одинъ юноша (Веттій Епагатъ) выступилъ съ цѣлю защиты своихъ братьевъ и просилъ, чтобы его выслушали, ему этого не позволили и какъ защитника христіанъ заключили въ тюрьму. Язычники рабы на пыткахъ говорили, какъ хотѣли, о мнимыхъ преступленіяхъ своихъ господъ христіанъ. Все средства были употреблены, чтобы христіане отреклись отъ своей вѣры. Девяностолѣтній *Новацій*, епископъ Ліонскій, умеръ среди безчисленныхъ оскорбленій; *Санктъ*, діаконъ Віенскій, новообращенный *Матуръ*, *Анталъ* изъ Пергама, рабыня *Бландина*, мальчикъ *Понтикъ* показали свое мужество; даже тѣ, которые сначала по слабости отказались отъ христіанства, впослѣдствіи желая искупить свой грѣхъ открыто исповѣдывали себя христіанами. Многихъ христіанъ бросили дикимъ звѣрямъ; тѣхъ, которые были римскими гражданами, обезглавливали. Шесть дней христіанскіе трупы оставались непогребенными; затѣмъ ихъ сожгли и пепелъ бросили въ рѣку Рону. Вообще число мучениковъ въ Галліи было очень

значительно. Думали, что христіанство здѣсь совершенно уничтожено. Консуль Гераклій удивлялся, что жившій въ Отенѣ, молодой христіанинъ Симфоріанъ, благороднаго происхожденія, не воздавши никакого почтенія статуѣ Цибелы и явившійся такимъ образомъ виновнымъ въ непочтеніи къ богамъ, ускользнулъ отъ вниманія начальства во время бывшаго гоненія. Послѣ твердаго съ его стороны исповѣданія, къ которому поощряла его мать, онъ былъ обезглавленъ*).

Согласно преданію, получившему начало въ началѣ III в., записанному Блавдіемъ Аполлинаріемъ (христ. апологетъ) Тертуллианомъ, внесенному Евсевіемъ въ свою исторію, Маркъ Аврелій ослабилъ суровость преслѣдованій христіанъ благодаря одному чудесному обстоятельству. Въ 174 году во время войны съ Квадами и Маркоманами, тѣснимый непріятелями, онъ съ 12 легіонами терпѣлъ страшную жажду. Христіане, составлявшіе значительную часть легіона, упали на колѣна прося Божіей помощи. Тотчасъ выпавшій дождь утолил жажду всѣхъ и, падая на непріятеля въ видѣ града съ громомъ и молніей, обратилъ его въ бѣгство. Вслѣдствіе чуда, совершившагося по молитвѣ этого легіона, получившаго наименованіе «молніеноснаго» (fulminea), Маркъ Аврелій и прекратилъ гоненія на христіанъ. Этотъ разсказъ подтверждается языческимъ писателемъ Діономъ Кассіемъ Капитолійскимъ. Но только неожиданная помощь, которую христіане приписывали своимъ молитвамъ, язычники приписывали или египетскому божеству Арнуфису, или Меркурію, или Юпитеру, представленному на колоннѣ Антонина съ бородой, источающей дождь. Во всякомъ случаѣ намѣренія Марка Аврелія относительно христіанъ послѣ этого случая измѣнились мало, и три года спустя послѣ него мы видимъ гоненіе въ Ліонѣ и Віеннѣ, при чемъ онъ самъ давалъ проконсулу приказаніе осуждать на смерть тѣхъ христіанъ, которые будутъ твердо стоять въ своей вѣрѣ. Что касается названія «мол-

*) Hergenröther, Kirchg.

ніеносной» то оно было усвоено двѣнадцатому легіону со времени Августа.

Такимъ образомъ лучшіе императоры II вѣка Траянъ, Антонинъ Пій, Маркъ Аврелій, благодаря своей слишкомъ большой привязанности къ древнимъ римскимъ законамъ, оказались гонителями христіанства. Запрещая въ отношеніи къ послѣдователямъ его незаконныя обвиненія, не нужныя жестокости, они въ тоже время сурово запрещали исповѣданіе религіи, грозившей опасностью національному культу.

(Продолженіе будетъ).

П Р И В А В Л Е Н І Я

къ Иркутскимъ Епархіальнымъ Вѣдомостямъ.

Іюль 15. № 14. 1898 г.

ОЧЕРКИ ПО ВСЕОБЩЕЙ ЦЕРКОВНОЙ ИСТОРИИ.

(Продолженіе).

Chastel, Histoire du christianisme. Paris. 1885.

Преемники Марка Аврелія, менѣе, чѣмъ онъ, склонные исполнять свои обязанности, предалися удовлетворенію своихъ личныхъ склонностей, которыя иногда были благопріятны христіанству. Такъ *Коммодъ*, (180—192) въ угоду своей наложницѣ (*concupina*) Марціи, вѣроятно христіанкѣ, желавшей, по свидѣтельству Ипполита (*Adv. haer.* IX, 12), сдѣлать какое-либо доброе дѣло въ своей жизни, отпустилъ на свободу многихъ христіанъ, работавшихъ въ рудникахъ на о. Сардиніи.

Разумѣется, это не препятствовало христіанамъ въ нѣкоторыхъ провинціяхъ быть жертвами народной ненависти, жестокости проконсуловъ, а въ самомъ Римѣ жертвами суровости существующихъ законовъ. Такой жертвой былъ Аполлоній, исповѣдавшій себя христіаниномъ и осужденный на смерть сенатомъ (*Евс.* V, 21). Но вмѣстѣ съ нимъ былъ осужденъ и рабъ, который донесъ на него. Въ малой Азіи хотѣлъ возбудить гоненіе проконсулъ Аррій Антонинъ, но предъ нимъ тотчасъ явилась толпа христіанъ, чтобы поразить его числомъ жертвъ, которые должны быть результатомъ его намѣренія. Дѣйствительно, онъ удовольствовался производствомъ слѣдствія относительно нѣкоторыхъ, а остальныхъ отпустилъ со словами: «Несчастные! если вы хотите непремѣнно умереть, то неужели у васъ нѣтъ веревокъ, чтобы повѣситься, или

скаль, чтобы сброситься оттуда»? Но это были исключительные случаи. Св. Ириней, жившій во времена Коммода, а за нимъ Евсевій (V, 21), единогласно свидѣтельствуютъ, что въ его царствованіе церковь наслаждалась настолько продолжительнымъ миромъ, что имѣла возможность распространяться и имѣть послѣдователей среди самыхъ богатыхъ и вліятельныхъ фамилій Рима.

Пятый преемникъ Коммода *Септимій Северъ* (193—211), родомъ Карфагенянинъ и мужъ свирѣянки, сначала также снисходительно относился къ христіанству, какъ и тотъ. Одинъ рабъ, христіанинъ, по имени Прокулъ, исцѣлилъ его отъ болѣзни и получилъ съ этого времени доступъ ко двору. Вслѣдствіе этого обстоятельства (рассказываетъ Тертуліанъ—*ad Scap.* 4) Северъ оказывалъ терпимость къ христіанству. Онъ зналъ, что среди его приверженцевъ есть сенаторы и другіе вліятельные и значные люди и защищалъ ихъ отъ народной ненависти. Въ 202 году, раздраженный тѣмъ, что многіе христіане, главнымъ образомъ монтанисты (секта), отказались принять участіе въ празднествахъ по поводу десятилѣтія его царствованія, онъ издалъ эдиктъ, запрещавшій подъ угрозой большихъ наказаній принимать впредь христіанство или іудейство. (*Iudeos fieri sub gravi poena vetuit, idem etiam de Christianis hasnit. Spart. in Sev.* 17). Этотъ эдиктъ, въ извѣстномъ смыслѣ, можно разсматривать какъ смягченіе законовъ, изданныхъ предъидущими императорами; такъ, онъ запрещаетъ принимать христіанство только на *будущее* время. Но, съ другой стороны, этотъ же эдиктъ далъ поводъ къ жестокимъ гоненіямъ главнымъ образомъ въ Египтъ, въ Фивадѣ (Евс. VI, 1) и проконсульской Африкѣ. Никогда такъ не были распространены среди народа самыя гнусныя обвиненія, какъ именно въ это время. Проконсулы старались увеличить число мучениковъ, чтобы воспользоваться ихъ имуществомъ. Тертуліанъ говоритъ (*De iuga in persec.* 12—13), что христіане, даже цѣлыя христіанскія церкви, покупали миръ за годовую плату правителямъ провинцій, не подозрѣвая, что такъ покупать миръ значитъ поку-

пять его цѣною крови своихъ братьевъ, потому что правители зѣцѣлю паживы часто поднимали преслѣдованія, чтобы утратить богатыхъ казнями бѣдныхъ. Въ это время пострадали: въ Египтѣ *Леонидъ*, отецъ Оригена, въ Каррагенѣ—*Перпетуя* и *Филицитата*, мужественныя женщины, брошенныя на растерзаніе дикимъ звѣрямъ. Въ это время Тертуліанъ обнародовалъ свой извѣстный «Апологетикъ». Къ счастію смерть Септимія Севера послѣдовала вскорѣ послѣ начала гоненія. Его преемникъ *Каракалла* (211—217), котораго кормилица и воспитатель были христіане, относился къ церкви довольно гуманно, что у него вообще не было обычнымъ.

Послѣ смерти Каракаллы обстоятельства сложились очень благопріятно для церкви и неблагопріятно для имперіи. Послѣ убійства Пертинакса, непосредственнаго преемника Коммода, императорскій тронъ часто продавался съ аукціона, то преторіанцами, то легіонами, которые обыкновенно избирали иностранцевъ, платившихъ имъ съ необыкновенной щедростію. Мы видимъ, что послѣ каррагенянина Септимія Севера и его сыновей занимали престолъ сирійцы Геліогабалъ и Александръ Северъ, арабъ Филиппъ, которые не проявляли усердія къ національному культу, мало интересному для нихъ; всѣ они, напротивъ, склонялись къ модному тогда на Востокѣ религіозному синкретизму, при чемъ иногда они кое-что заимствовали и отъ христіанства, къ которому, поэтому, проявляли необычную доселѣ терпимость. *Геліогабалъ* (218—222) намѣренъ былъ къ своему странному сирійскому культу присоединить не только христіанскій, но даже іудейскій и самарійскій; «чтобы быть жрецомъ всѣхъ культовъ». (Lampr Heliog. 3). *Александръ Северъ* (222—235), одинъ изъ выдающихся электиковъ, относившійся съ уваженіемъ ко всему, касающемуся религіи, имѣлъ въ своемъ дворцѣ моленную (lararium), въ которой у него на ряду съ «божественными императорами» (divos principes), знаменитыми мужами, въ родѣ Орфея, Аполлонія Тианскаго, были Иисусъ Христосъ и Авраамъ. Когда

позволяло время, онъ воздавалъ имъ божескія почести. Говорятъ, что онъ имѣлъ намѣреніе построить Христу храмъ и отклоненъ былъ отъ этого представленіемъ, что тогда всѣ откажутся отъ почитанія боговъ имперіи и станутъ христіанами (*omnes christianos futuros.*) Проникнутый уваженіемъ къ христіанскому нравственному ученію, онъ повелѣлъ изобразить на стѣнахъ своего дворца и на многихъ общественныхъ зданіяхъ слова Спасителя, которыя онъ часто повторялъ: «не дѣлай другимъ того, чего себѣ не желаешь» (*quod tibi fieri non vis, alteri ne feceris*—перифразъ словъ, находящихся у Матѳ. VII, 12). Его мать Юлія Маммея вполнѣ раздѣляла его мысли относительно христіанства и пожелала видѣть Оригена, о мудрости и благочестіи котораго тогда говорили вездѣ. Она вызвала его въ Антиохію, гдѣ тогда она жила, и съ интересомъ слушала его проповѣдь евангелія. Можетъ быть не безъ ея вліянія Александръ Северъ сохранилъ іудеямъ всѣ ихъ привилегіи и оказывалъ терпимость къ исповѣданію христіанства въ самомъ Римѣ. Однажды содержатели харчевенъ (*porinari*) хотѣли завладѣть мѣстомъ, которымъ еще прежде завладѣли христіане съ цѣлію построить на немъ церковь. Северъ, до котораго дошло это дѣло, написалъ, что «лучше пусть на этомъ мѣстѣ почитаютъ какого угодно Бога, чѣмъ отдать его содержателямъ харчевенъ (*porinarius*)». Но при всемъ этомъ онъ не уничтожилъ указы своихъ предшественниковъ. (Евсевій VI, 21; Lampr. с 22—49).

Достаточно того, чтобы Александръ Северъ показалъ нѣкоторое благоволеніе къ христіанамъ, чтобы его преемникъ и убійца суровый *Максимианъ Фракіанинъ* (235—238) ихъ преслѣдовалъ. При немъ погибли многіе епископы, пользовавшіеся дружбой Александра Севера. Кромѣ того въ нѣкоторыхъ провинціяхъ, особенно въ Каппадокіи и Понтѣ, поднялись противъ христіанъ народныя волненія, возбужденныя частыми землетрясеніями. Это гоненіе, продолжавшееся очень недолго, было тѣмъ не менѣе довольно жестоко: многіе вѣрующіе поколебались, и чтобы укрѣ-

пить ихъ, Оригенъ написалъ свое сочиненіе о мученичествѣ (Евс. VI, 28).

Царствованіе *Гордіана* (238—244) было для христіанъ временемъ мира. Что касается до *Филиппа Араба*, его преемника (244—249), то онъ, не довольствуясь поддержаніемъ мира, оказалъ столько вниманія къ христіанамъ, что его самого считали христіаниномъ. Евсевій утверждаетъ это въ своей «Хроникѣ» и сомнѣвается въ своей «Исторіи» (VI, 28). Онъ рассказываетъ, что въ навечеріе пасхи Филиппъ пожелалъ принять участіе въ христіанскомъ богослуженіи, но епископъ (Вавила Антіохійскій—Chr. pasch.) остановилъ его при входѣ и запретилъ ему входить въ церковь до тѣхъ поръ, пока онъ покаяніемъ не очистится отъ преступленія (можетъ быть убійства своего предшественника Гордіана), что Филиппъ исполнилъ. Но этотъ случай во всякомъ случаѣ мало вѣроятенъ. Оригенъ, состоявшій съ императоромъ и его супругой Северой въ перепискѣ (Евс. VI, 36), ничего не говоритъ въ своемъ сочиненіи «противъ Цельса», которое онъ писалъ въ это время, такого, на основаніи чего можно было-бы заключить о христіанствѣ Филиппа.

Гоненія на христіанъ съ царствованія Декія Траяна до эдикта 323 года.

За вышеозначенными государями, большею частію иностранцами, мало заботящимися о своихъ обязанностяхъ въ отношеніи къ національному культу, взомель на престолъ Декій Траянъ (249—251), римлянинъ по происхожденію, сильно привязанный къ древнимъ обычаямъ имперіи, поставившій себѣ непремѣнною цѣлю возобновить ихъ. Такъ, онъ возстановилъ должность цензора; безъ труда онъ позволилъ себѣ убѣдиться и въ томъ, что одна изъ самыхъ существенныхъ обязанностей его царствованія заключается въ сохраненіи неприкосновенности древней религіи имперіи. Онъ говорилъ, что скорѣе потерпитъ въ Римѣ соперника себѣ, чѣмъ главнаго священника Бога христіанъ. Къ этимъ мотивамъ ненависти къ христіанамъ Декій присоединилъ еще, по свидѣтельству

Евсевія (Евс. VI, 39), свои личныя враждебныя отношенія къ своему предшественнику Филиппу. Какъ бы то ни было, но въ 250 году онъ издалъ эдиктъ, имѣвшій цѣлю *совершенное истребленіе христіанства* въ Римской имперіи. До сихъ поръ самыя жестокія гоненія имѣли мѣстный характеръ; они свирѣпствовали то въ Смирнѣ, то въ Лионѣ и Віеннѣ, то въ Римѣ; большею частію они возбуждались по требованію разъяренной черни, рѣже по иниціативѣ правителей провинцій. Гоненіе Декія было первымъ, имѣвшимъ *всеобщій характеръ*. Отъ всѣхъ христіанъ потребовали исполненія обрядовъ національной религіи. Въ случаѣ отказа употреблялись угрозы и пытки. Упорствующіе, если были епископами, — подвергались смертной казни, если міряне, — заключенію въ тюрьмѣ, гдѣ старались поколебать ихъ упорство голодомъ, жаждой, продолжительнымъ заключеніемъ, а иногда и смертною казнію. (Кипріанъ, письмо 21).

(Продолженіе будетъ).

ОЧЕРКИ ПО ВСЕОБЩЕЙ ЦЕРКОВНОЙ ИСТОРИИ.

Гонения на христіанъ съ царствованія Декія Траяна до эдикта
313 года.

(Продолженіе).

Chastel, Histoire du christianisme. Paris. 1885.

Эдиктъ Декія, говоритъ Діонисій Александрійскій, цитируемый Евсевіемъ (VI, 41), повергъ въ смущеніе и печаль всѣхъ христіанъ. Въ это время было много падшихъ. Наиболѣе знатные должны были первые отказаться отъ своей вѣры; паходящіеся въ военной службѣ должны были участвовать въ идолопоклонствѣ по обязанностямъ своего званія; изъ остальныхъ, привлеченныхъ со-сѣдями, родственниками или самими властями, одни приближались къ жертвеннику съ боязнію, блѣдные, трясущіеся, болѣе похожіе на жертвы, чѣмъ на жрецовъ, осмѣиваемые собравшейся толпой; другіе—съ готовностію, показывая этимъ что они и прежде не были христіанами. Нѣкоторые бѣжали, а нѣкоторые рѣшились остаться твердыми и были отводимы въ тюрьмы; но твердость скоро остав-ляла ихъ при видѣ судейскихъ трибуналовъ или пытокъ. Не желая подвергнуться позору публичнаго отреченія отъ вѣры, многіе покупали себѣ свидѣтельства (libelli)*, удостовѣряющія, что они удовлетворили требованіямъ императорскаго эдикта, и избавлявшія ихъ отъ преслѣдованій. Но рядомъ съ этими робкими церковь на-считываетъ не мало мужественныхъ исповѣдниковъ и мучениковъ. Въ Александріи, гдѣ гоненіе началось годомъ раньше император-скаго указа по подстрекательству какого-то поэта и прорицателя,

*) Отсюда названіе ихъ libellatici (получившіе свидѣтельство)

былъ побить камнями пресвитеръ Метра и убита христіанка Квинта, послѣ того какъ они отказались «произнести богохульство», т. е. порицаніе на Иисуса Христа. Послѣ этого толпа бросилась въ дома христіанъ и стала грабить. Одна старица-дѣва Аполлонія послѣ всевозможныхъ мученій сама бросилась въ горящій костеръ, которымъ ей угрожали; а одинъ христіанинъ Серапіонъ также послѣ всякихъ мученій былъ сброшенъ съ кровли дома внизъ головою.

Когда эдиктъ Декія былъ объявленъ, Діонисій Александрійскій, рассказавшій намъ всѣ вышеупомянутыя подробности, попалъ въ руки гонителей и избавился отъ нихъ только послѣ большихъ опасностей. Знаменитый *Оригенъ*, не смотря на свой преклонный возрастъ, былъ закованъ въ цѣпи и подвергнутъ истязаніямъ; онъ стойко выдержалъ ихъ, но спустя немного умеръ. (Евс. VI, 39). Многихъ вѣрующихъ сѣкли розгами, бичами, многихъ возили по городу на верблюдахъ, многихъ обезглавливали, сожгли на кострахъ или въ негашеной извести, терзали острымъ желѣзомъ. Не были пощажены ни полъ, ни возрастъ; утомленные палачи, побѣжденные твердостью слабыхъ женщинъ, не охотно наносили послѣдній ударъ, предварительно употребивъ всѣ усилія, всевозможныя пытки, чтобы поколебать ихъ твердость. Во всей имперіи гоненіе главнымъ образомъ обрушилось на епископовъ и духовенство. Задумавъ совершенно уничтожить христіанство, Декій считалъ самымъ лучшимъ средствомъ для достиженія своей цѣли отнятіе у него предстоятелей. Первымъ мученикомъ въ Римѣ былъ епископъ Фабіанъ, и вѣрующіе въ продолженіи 16 мѣсяцевъ не смѣли избрать ему преемника. Достопочтенный *Александръ* Іерусалимскій, уже бывшій исповѣдникомъ при Септиміи Северѣ, а также *Вавила* Антіохійскій умерли въ оковахъ. *Кипріанъ* Карфагенскій и *Григорій Чудотворецъ* Неокесарійскій (въ Понтѣ) съ цѣлію спасенія должны были удалиться отъ своихъ паствъ.

Гоненіе принимало все большіе и большіе размѣры; отпаденія, бывшія слѣдствіемъ ихъ, увеличивались; но съ начала 251 года вслѣдствіе разныхъ обстоятельствъ, главнымъ образомъ войнъ, въ которыхъ императоръ принималъ участіе лично и во время которыхъ умеръ, оно стало стихать.

Эта тишина продолжалась нѣкоторое время въ правленіе *Галла и Волузiana* (251—253), пока моровая изва, засуха и голодь, опустошавшія многія провинціи имперіи, не воспламенили противъ христіанъ народной ненависти. Галлъ уступилъ суевѣрнымъ крикамъ толпы: онъ издалъ эдиктъ призывающій всѣхъ подданныхъ имперіи принести жертву богамъ для отвращенія бѣдствія; христіане отказались, вслѣдствіе чего многіе изъ нихъ были казнены, въ томъ числѣ Римскій епископъ *Корнелій* и его преемникъ *Луцій*.

Впрочемъ царствованіе Галла слишкомъ часто было тревожимо возмущеніями подданныхъ, чтобы изъ-за этого преслѣдовать христіанъ. Его второй преемникъ *Валеріанъ* (253—260) сначала благоволилъ христіанамъ. «Ни одинъ изъ предшествовавшихъ государей, говоритъ Евсевій (VII, 10), не исключая и тѣхъ, которые явно назывались христіанами, не былъ къ нимъ такъ благоклоненъ и снисходителенъ, ни одинъ такъ ласково и милостиво не принималъ ихъ въ началѣ, какъ Валеріанъ. Весь домъ наполнился людьми благочестивыми и былъ церковію Божіею». Но за три года предъ смертію Валеріанъ, бывшій цензоромъ при Декіи, (что вѣроятно не осталось безъ вліянія на него), измѣнилъ свою политику въ отношеніи къ христіанамъ. Причиною этого было вліяніе на него одного египетскаго жреца, подъ руководствомъ котораго онъ занимался магіей, который жаловался на христіанскихъ экзорцистовъ (особые люди, изгонявшіе злыхъ духовъ), что они мѣшаютъ его магическимъ дѣйствіямъ. Онъ уступилъ также навітамъ своего любимца Макріана, бывшаго тогда самымъ значительнымъ лицомъ въ государствѣ, у котораго вышеупомянутый

жрецъ поддерживалъ самыя тщеславныя и смѣлыя виды *). Сначала императоръ издалъ эдиктъ (257), въ которомъ ограничился запрещеніемъ христіанамъ богослужебныхъ собраній, отдѣленіемъ епископовъ отъ ихъ паствъ; онъ надѣялся, что многихъ христіанъ, когда у нихъ въ лицѣ епископовъ не будетъ ни связующаго начала, ни пастырскаго попеченія, легко будетъ отвлечь отъ христіанства къ язычеству. Видя, что эта мѣра не достаточна, что епископы, удаленные отъ ихъ паствъ, продолжаютъ управлять ими посредствомъ пастырскихъ посланій и собирать вокругъ себя и въ изгнаніи наиболѣе отважныхъ вѣрующіхъ, онъ издалъ въ 258 году новый эдиктъ. Этимъ эдиктомъ, согласно политикѣ Декія, епископы, пресвитеры и діаконы осуждались на казнь; сенаторы, всадники, патриціи лишались своего достоинства и имущества, а если они и послѣ этого оставались христіанами, лишались жизни; знатныя женщины осуждались по лишеніи имущества на изгнаніе; христіане, находящіеся на службѣ, при дворѣ (Caesarieni), лишались имущества и ссылались рабами въ императорскія помѣстья (Cyr. Ep. 82). Первой жертвой эдикта Валеріана былъ римскій епископъ св. Сикстъ II. Онъ былъ замученъ съ своими четырьмя діаконами, изъ которыхъ одинъ, св. Лаврентій, былъ сожженъ на желѣзной рѣшеткѣ медленнымъ огнемъ за отказъ открыть, гдѣ скрыты церковныя сокровища, которыя онъ предварительно роздалъ бѣднымъ. Св. Діонисій Александрійскій, осужденный на суровое изгнаніе въ Ливію, обратилъ его въ проповѣдь евангелія въ этой странѣ (Евс. VII, 11). Св. Кипріанъ, послѣ продолжительнаго изгнанія въ Мавританіи, былъ обезглавленъ въ Каррагенѣ. Въ Утикѣ 153 христіанина были отпущены въ яму, гдѣ была разведена негашеная известь.

Къ счастью для христіанъ въ моментъ, когда эдиктъ Валеріана приводился въ исполненіе наиболѣе сурово, онъ былъ взятъ въ плѣнъ Персами, гдѣ и умеръ послѣ десятилѣтняго плѣна. Его

*) Магіе, впрочемъ, этого египетскаго жреца считаютъ однимъ лицомъ съ Макріаномъ.

преемники были слишком заняты и внутренними и внешними войнами, чтобы продолжать преслѣдованіе христіанъ,—и церковь около 20 лѣтъ послѣ этого гоненія пользовалась покоемъ.

Сынъ Валеріана *Галліенъ* (260—268), склонный къ сластолюбію и пышности, равнодушный къ государственной религіи, остановилъ преслѣдованіе христіанъ и возвратилъ имъ конфискованныя мѣста, предназначенныя для богослуженій и погребенія; христіанство опять заняло тоже положеніе, что и прежде. Возвращеніе конфискованныхъ мѣстъ богослужебныхъ собраній показываетъ, что христіане могли имѣть общественныя недвижимыя имущества и извѣстныя права «общества» (гетерій). Запрещеніе Траяномъ гетерій не касалось союзовъ въ пользу бѣдныхъ (*collegia tenuiorum*), которые имѣли цѣлю заботиться о погребеніи рабовъ и бѣдныхъ и состояли подъ покровительствомъ императора. Члены такихъ союзовъ могли, въ особенности для обсужденія своихъ издержекъ, регулярно собираться, дѣлать обѣды, при чемъ они обязаны были объ этомъ извѣщать властей и сообщать имъ имя предсѣдателя союза. По примѣру языческихъ союзовъ (почитателей Юпитера, Геркулеса, Антиноя и др.) и христіане образовывали такія-же общества, собирались въ катакомбахъ и совершали здѣсь, гдѣ были погребены ихъ братія, богослуженіе и вечерю любви. Право образовывать такіе союзы Септимій Северъ распространилъ на всю Италію и провинціи, и въ своихъ кимитеріяхъ (усыпальницахъ, обыкновенно катакомбахъ) христіане были въ общемъ безопасны, такъ что языческая чернь иногда требовала закрытія и уничтоженія ихъ. Валеріанъ своимъ запрещеніемъ христіанамъ дѣлать богослужебныя собранія (257) касался и кимитерій, по скольку они служили мѣстами для такихъ собраній. Съ этихъ поръ возможны стали нападенія на нихъ, христіане должны были пользоваться ими съ большей осторожностію, должны были такъ или иначе преградить доступъ къ нимъ и не рѣдко искать новыхъ мѣстъ. Такъ какъ предсѣдатели союзовъ были извѣстны языческой власти, то главная опасность всегда грозила

епископамъ *), и мѣста упокоенія умершихъ и убѣжища живыхъ легко могли быть запрещены, осквернены и разрушены.

Во все время царствованія Галліена, государя расточительнаго, находившагося въ подчиненіи у своихъ любимцевъ, ничего не сдѣлавшаго для освобожденія своего несчастнаго отца, даже радовавшагося его несчастію,—христіане наслаждались покоемъ. Въ провинціяхъ были всевозможныя, безграничныя нестроенія: власть стали захватывать отдѣльные предводители войскъ (такъ называемые тридцать тирановъ). Одинъ изъ нихъ Макринъ (Макрианъ) продолжалъ въ Египтѣ и на Востокѣ гоненіе, начатое при Валеріанѣ, до 261 года. Но гоненіе это не было серьезнымъ. Такъ, въ Палестинѣ одинъ солдатъ христіанинъ былъ обезглавленъ; но сенаторъ Астирій съ честію похоронилъ его (Евс. VII, 16). Избранный сенатомъ вмѣсто Галліена *Клавдій II*, побѣдитель Готовъ при Наиссѣ (Нишѣ), въ верхней Мизіи (прозванный по-этому Готическимъ), умеръ отъ заразы среди приготовленій къ войнѣ съ Зиновіей, вдовой Одената (одного изъ 30 тирановъ) царицей Пальмирской. (Евс. VIII, 15. 23. 30; Лакт. въ цит. соч. гл. 6). Въ его кратковременное правленіе были случаи мученичества. Послѣ краткаго правленія брата Клавдія, *Клавдія Ювентилла* власть перешла къ воинственному Луцію Домицію *Аврелиану* (270—275), побѣдителю Зиновіи. Онъ рѣшилъ возобновить противъ христіанъ гоненіе, но вскорѣ былъ убитъ солдатами по наущенію своего секретаря Мнестея, и гоненіе не было приведено въ исполненіе**).

(Продолженіе будетъ).

*) Евс. VII, 13 Росси, извѣстный изслѣдователь катакомбъ (Roma sott I, 104), доказалъ, что христіане *дѣйствительно* могли составлять союзы и на самомъ дѣлѣ составляли. Имъ благопріятствовали нѣкоторые законы (напр. Dig. XLVII, 22. 1. 4. De colleg et corp.). Можно думать, что ими руководился Александръ Северъ, когда присудилъ спорную землю христіанамъ. Аврелианъ при рѣшеніи спора объ епископскомъ домѣ въ Антиохіи (Евс. VII, 30); Максентій при возвращеніи римской церкви конфискованныхъ имуществъ, которые Константинъ считалъ принадлежащими имъ по праву (ad jus corporis eorum (christianorum) i. e. ecclesiarum, non hominum singulorum pertinentes. Евс. X, V Жизнь Конст. IV, 39; Лакт. „о смерти гонителей“ 48). Крикъ толпы „уничтожить кладбища“ (Araeae non sint—Tert. adscap 3); выраженія египетскаго проконсула Эмилиана (Евс. VII, 11): вамъ (христіанамъ) *не будетъ* дозволено посѣщать усыпальницы“ (слѣдовательно прежде это дозволялось); конфискація въ 303 году римскихъ книгъ и слѣдствія ея,—все это очень знаменательные факты, выясняющія намъ положеніе церкви въ тогдaшнее время.

***) Hergenröth. Kirchg.

ОЧЕРКИ ПО ВСЕОБЩЕЙ ЦЕРКОВНОЙ ИСТОРИИ.

ГОНЕНИЯ НА ХРИСТИАНЪ СЪ ЦАРСТВОВАНІЯ ДЕКІЯ ТРАЯНА ДО ЭДИКТА
313 ГОДА.

(Продолженіе).

Chastel, Histoire du christianisme. Paris. 1885.

Послѣ мимолетнаго царствованія *Тацита*, его брата *Флоріана*; послѣ замѣчательнаго полководца и государственнаго человека *Проба* (276—282), все царствованіе котораго прошло въ преобразованіяхъ и войнахъ и, наконецъ, *Кара*, которые всѣ пали жертвами заговоровъ: власть перешла къ *Діоклетіану* (285—305), одному изъ замѣчательныхъ государей имперіи. Впродолженіи первыхъ 19 лѣтъ царствованія *Діоклетіана*, именно до 303 года, гоненій на христіанъ не было. Кромѣ того, мы видѣли, что церковь до *Діоклетіана* со времени вступленія на престоль *Галліена* (260), т. е. около 20 лѣтъ, также наслаждалась покоемъ. Впродолженіи другихъ 40 лѣтъ мира, предшествовавшихъ гоненію Де-

кія, церковь значительно окрѣпла и возросла. Что касается до Діоклетіана и его соправителей, то Евсевій (VIII, 1) говоритъ, что благосклонность ихъ къ христіанамъ простиралась до того, что они иногда «поручали имъ управление народомъ и, по великому расположенію къ ихъ вѣрѣ, избавляли ихъ совѣсть отъ жертвоприношеній». Христіанство находило послѣдователей и свободно исповѣдывалось даже въ императорскихъ дворцахъ и членами императорскаго семейства (Жена Діоклетіана Приска и его дочь Валерія, жена Галерія, одного изъ соправителей Діоклетіана, были христіанками). Христіане, не скрывавшіе своей вѣры, пользовались полнымъ благоволеніемъ императора, доказательствомъ чего служитъ письмо Феоны, епископа Александрійскаго, къ (одному изъ придворныхъ при Діоклетіанѣ (Gallandi, Bibl. patr. t. III) «Правители церкви говорятъ Евсевій, пользовались великимъ благоволеніемъ, вниманіемъ и дружескимъ обращеніемъ у всѣхъ префектовъ и консуловъ. «Кто и какъ опишетъ, прибавляетъ онъ, эти многочисленныя обращенія ко Христу, эти многолюдныя собранія во всякомъ городѣ и стеченія въ молитвенныхъ домахъ, — отъ чего не довольствуясь уже зданіями старыми, христіане по всѣмъ городамъ начали строить съ самаго основанія обширныя церкви?»

Такое цвѣтущее состояніе церкви наводило представителей языческой власти на тяжелый вопросъ: какой политики держаться въ отношеніи къ христіанамъ? Слѣдуетъ ли относиться къ нимъ безусловно терпимо, или, напротивъ, попытаться совершенно уничтожить? Ясно, что для умѣренной политики не оставалось мѣста. Если гоненіе Декія, распространявшееся на всю имперію, бывшее всеобщимъ, не принесло христіанству ощутительнаго вреда, напротивъ, вслѣдствіе заступъ, оно стало сильнѣе, чѣмъ прежде, то, очевидно, для искорененія его требовалось гоненіе такое же всеобщее, но только еще болѣе продолжительное и жестокое чѣмъ то, какое было при Декіи. Сдѣлать меньше — ограничиться частичными гоненіями, это безъ сомнѣнія было бы бесполезнымъ дѣломъ; это значило бы удалить отъ себя многочисленную, ревностную и

могущественную партію, которая имѣла приверженцевъ среди самыхъ вліятельныхъ классахъ общества.

Таковы были соображенія Діоклетіана. Если онѣ не пригодились въ теченіи цѣлыхъ десятилѣтій въ исполненіе, то это только потому, что ему связывали руки внутренніе беспорядки въ имперіи и постоянныя войны съ варварами. Діоклетіанъ, подобно многимъ изъ его предшественниковъ, придавалъ большое значеніе возстановленію римскихъ нравовъ; онѣ желалъ, конечно, чтобы и древняя религія была въ прежнемъ блескѣ. Зосимъ (языческій историкъ) описываетъ его какъ человѣка чрезвычайно мелочнаго относительно религіи. Въ одной надписи онѣ представилъ христіанъ людьми, стремящимися ниспровергнуть общественный строй. Въ своемъ эдиктѣ противъ манихеевъ 296 года онѣ говоритъ, что боги по своему провидѣнію установили то, что истинно и справедливо. Это установленное богами слѣдуетъ почитать и поддерживать безъ всякаго измѣненія. Не слѣдуетъ также распространять новой религіи и ниспровергать старую; это большее преступленіе, чѣмъ потрясеніе основъ, положенныхъ предками. Но Діоклетіанъ, все еще не имѣлъ желанія возбуждать гоненіе на церковь. Послѣ долголѣтняго мира, спокойствія и возрастанія новое гоненіе, какъ уже было сказано выше, было-бы бесполезнымъ пролитіемъ крови; и Діоклетіанъ вслѣдствіе гуманности или благоразумія все еще не могъ рѣшиться на приведеніе въ исполненіе мѣръ къ истребленію христіанъ не смотря на постоянно выражаемыя желанія жрецовъ, государственныхъ людей и философовъ, вродѣ Герокла. Но нашелся человѣкъ, который, наконецъ, достигъ того, что Діоклетіанъ рѣшился воздвигнуть гоненіе на христіанъ. Это былъ Галерій.

Галерій въ одно и тоже время и воинственный и суевѣрный, придававшій большое значеніе тому, чтобы въ его лагерѣ всегда и аккуратно совершались гаданія и жертвы, наблюдалъ, что христіане съ цѣлію предохранить себя отъ злыхъ духовъ, управляющихъ языческими обрядами, ограждали се-

бя крестнымъ знаменіемъ. Спрошенные относительно этого жрецы убѣдили его, что это знаменіе дѣлаеть бесполезными всѣ ихъ жертвы и навлекаеть гнѣвъ боговъ. Вообще вліяніе христіанства Галерію казались гибельнымъ для военной дисциплины. Онъ видѣлъ, какъ одинъ молодой солдатъ, который долженъ былъ служить въ его арміи, отказался надѣть воинскую одежду по той причинѣ, что ему не дозволяетъ это сдѣлать его вѣра; другой во время праздника, справляемаго легиономъ въ честь императора, отказался принимать участіе въ жертвоприношеніяхъ и играхъ даже въ качествѣ простаго зрителя. (Евс. VIII, 4).

Эти факты нарушенія военной дисциплины Галерій не замедлилъ представить Діоклетіану и убѣдилъ его начать гоненіе на христіанъ, которое и было открыто во время терминалій (языческой праздникъ). Утромъ этого дня (праздникъ отпразднана 23 февраля 303) въ Никомидіи, резиденціи императора, язычники силой вломились въ главный христіанскій храмъ, разграбили его и сожгли всѣ найденныя экземпляры св. писанія и другихъ книгъ. На слѣдующій день вышелъ первый эдиктъ, разосланный всюду, въ которомъ предписывалось церкви разрушать до основанія, а книги сожигать огнемъ; лица, занимавшія почетныя должности, въ немъ объявлены были бездолжностными, а находящіеся въ рабствѣ—навсегда лишенными свободы, если останутся исповѣдниками христіанства; всѣ остальные лишились покровительства законовъ, подвергались пыткамъ, не имѣли права жаловаться ни на какую несправедливость, и слѣдовательно всякій могъ безнаказанно сдѣлать имъ какой угодно вредъ, какую угодно несправедливость. (Евс. VIII, II; Лакт. О смерти гонит. 12. 13).

Но лишь только этотъ эдиктъ былъ объявленъ въ Никомидіи, какъ одинъ христіанинъ изъ благородной семьи разорвалъ его съ саркастическимъ замѣчаніемъ: «Видно опять объявленіе о побѣдахъ надъ Готѣами и Сарматами!» Онъ былъ тотчасъ обвиненъ въ оскорбленіи величества и сожженъ на медленномъ огнѣ. При этомъ онъ выказалъ столько мужества и твердости, что возбудилъ

всеобщее удивленіе, что, конечно, еще болѣе раздражило императора. Въ это же время въ теченіи двухъ недѣль было два пожара въ императорскомъ дворцѣ въ Никомидіи. Подозрѣніе тотчасъ пало на христіанъ. Правда, самыя изысканныя муки не могли вынудить никакого признанія на этотъ счетъ и потому не безъ основанія можно видѣть здѣсь происки Галерія; но Діоклетіанъ, убѣжденный въ виновности находившихся у него на службѣ христіанъ, удвоилъ свою суровость къ нимъ. Возмущенія, происшедшія въ Сиріи и на границахъ Арменіи дали новые поводы къ кровопролитію и жестокости. Рядъ эдиктовъ, изданныхъ въ разное время послѣ перваго, ясно открылъ его намѣренія совершенно уничтожить христіанство. Такъ, *второй* эдиктъ заключалъ приказаніе взять и посадить въ тюрьму всѣхъ духовныхъ лицъ. «Тотчасъ, говоритъ Евсевій (VIII, 6), темницы вездѣ наполнились въ то время епископами, пресвитерами, діаконами, чтецами, заклинателями, такъ что осужденнымъ за злодѣянія не оставалось въ нихъ мѣста». *Третій* эдиктъ предписывалъ узниковъ, принесшихъ жертву, отпускать на свободу, а противящихся мучить всякими пытками. *Четвертый* эдиктъ (опубликованный въ 304 году) распространялъ всѣ эти мѣры на всѣхъ христіанъ безъ исключенія. Были назначены суровыя наказанія тѣмъ, кто хотя одного скроетъ отъ мщенія закона; но это не воспрепятствовало подданнымъ Діоклетіана оказать свое мужество и самоотверженіе. Такъ, въ Александріи язычники скрывали въ своихъ домахъ преслѣдуемыхъ христіанъ, при чемъ многіе изъ нихъ согласны были скорѣе пожертвовать свободой, чѣмъ лишиться розыскиваемыхъ даннаго убѣжища. Въ послѣднемъ эдиктѣ, какъ и въ первыхъ, собственно не было прямого предписанія предавать христіанъ смертной казни. Но она подразумѣвалась сама собой. Если въ послѣднемъ, самомъ жестокомъ эдиктѣ, о ней не говорится, то это потому, что онъ имѣеть главную цѣль не предать христіанъ смертной казни, а принудить къ отреченію отъ христіанства и принесенію жертвъ богамъ.

Не всё, конечно встрѣчали мученія съ одинаковымъ мужествомъ; многіе отрекались отъ своей вѣры, другіе выдавали властямъ священныя книги и покупали этимъ жизнь. (Такіе назывались презрительнымъ именемъ *traditores* — предатели). Но были и мужественные. Евсевій рассказываетъ намъ (VIII, 1—13) много примѣровъ мужества и твердости среди самыхъ ужасныхъ мученій. Первыми пострадали императорскіе придворные и епископы Никомидійскіе. Придворные: *Дорогей* и *Горгоній* были повѣшаны, *Петръ* подвергнутъ бичеванію и сожженъ на медленномъ огнѣ, епископъ *Аноимъ* былъ обезглавленъ. Громадное число другихъ было предано самымъ разнообразнымъ мученіямъ: ихъ сжигали на кострахъ, при чемъ мученики иногда сами бросались на нихъ; привязывали къ лодкамъ безъ весель и руля и пускали въ море; заключали (преимущественно духовныхъ по второму эдикту) въ тюрьмы и, когда онѣ совершенно наполнялись, подвергали цѣлыми массами казни, если они не соглашались принести жертвъ идоламъ; бичевали, пытали щипцами, терзали, подвѣшивали, мучили по цѣлымъ днямъ, напрасно стараясь принудить къ жертвоприношенію; привязывали къ двумъ согнутымъ деревьямъ, которые потомъ заставляли принимать прежнее положеніе; привязывали къ лошадямъ, которыя на всемъ скаку волочили ихъ по землѣ, распинали или вѣшали внизъ головой; бросали въ раскаленныя печи; жарили на медленномъ огнѣ, поливая уксусомъ и посыпая солью; бросали въ амфитеатръ на растерзаніе дикимъ звѣрямъ; отсылали въ рудники, подрѣзавъ напередъ поджилки и выколотивъ правый глазъ. «Смертоносное желѣзо, говоритъ Евсевій, притуплялось, ослабѣвало и ломалось, и сами убійцы, утомившись, поочередно смѣняли другъ друга... Едва произносимъ былъ приговоръ надъ однимъ, тотчасъ съ разныхъ сторонъ прибѣгали предъ лице судій другіе и исповѣдывали себя христіанами, вовсе не беспокоясь объ ужасахъ и многообразныхъ видахъ пытокъ. Непоклебимо сохраняя дерзновеніе вѣры въ Бога всеческихъ и съ радостію, съ улыбкою и благодушіемъ принимая окончательный при

говоръ смертный, они до послѣдняго издыханія возносили къ Богу всяческихъ пѣснопѣнія и благодареніе» (Евс. УІІІ, 9). Евсевій въ 8-й книгѣ своей исторіи, гдѣ описаны вышеупомянутыя казни, прибавилъ цѣлую книгу «О палестинскихъ мученикахъ», гдѣ подробно говоритъ о лицахъ, пострадавшихъ въ это время.

Гоненія, не смотря на свою непопулярность, продолжались около 10 лѣтъ, хотя и не вездѣ съ одинаковой силой. Два года спустя послѣ обнародованія своихъ эдиктовъ; Діоклетіанъ давно уже чувствовавшій усталость, можетъ быть сожалѣвшій, хотя и поздно о невозможности поправить результаты своей суровой попытки въ отношеніи къ христіанству, но во всякомъ случаѣ совершенно разочарованный и разбитый, неожиданно отрекся отъ императорскаго достоинства (305), оставивъ обязанность приводить въ исполненіе свои эдикты своимъ коллегамъ и преемникамъ двумъ августамъ Галерію и Констанцію Хлору и подчиненнымъ имъ двумъ Кесарямъ (Максиминомъ и Северу), которымъ и раздѣлилъ имперію. Съ этихъ поръ въ каждой провинціи судьба христіанъ находилась въ рукахъ правителей провинцій, на которыя была раздѣлена имперія. Въ странахъ смежныхъ съ Дунаемъ Галерій привелъ въ исполненіе указы своего тестя съ буквальною точностію и прежней жестокостію. Максиминъ, его креатура, возведенный имъ въ достоинство кесаря и управлявшій подъ его начальствомъ востокомъ, старался показать себя не менѣе жестокимъ. Въ Сиріи, Финикіи, Египтѣ, Фивандѣ всѣмъ безъ различія положенія, пола и возраста было приказано принести жертву идоламъ, при чемъ языческій фанатизмъ дошелъ до смѣшнаго: приказано было окроплять жертвенной водой и виномъ всѣ съѣстные припасы, которые продавались на рынкахъ, чтобы христіане помимо своей воли принимали участіе въ идолослуженіи. Въ Италіи и Африкѣ, находившихся подъ властію Севера, христіане также жестоко преслѣдовались до переворота, произведеннаго Максенціемъ, который далъ имъ миръ съ цѣлію опереться на нихъ противъ своихъ противниковъ.

Въ Испаніи, Британіи и Галліи правилъ тогда Констанцій Хлоръ. Этотъ правитель, гуманный и мягкій, былъ благосклоненъ къ христіанамъ. Можетъ быть онъ, былъ человѣкомъ, который не раздѣляя пока вѣрованій христіанства въ тоже время убѣдился въ ложности язычества, а можетъ быть, что вѣроятнѣе, онъ былъ эклектикомъ въ родѣ Александра Севера. Какъ бы то ни было онъ оказывалъ довѣріе и уваженіе къ окружавшимъ его христіанамъ, цѣнилъ ихъ религіозное одушевленіе. Онъ говорилъ, что тотъ кто не вѣренъ своему Богу, тотъ не можетъ быть вѣренъ своему государю. Евсевій рассказываетъ, что, пожелавъ испытать вѣрность къ себѣ тѣхъ придворныхъ христіанъ, о которыхъ онъ былъ лучшаго мнѣнія, чѣмъ они заслуживали, онъ сдѣлалъ видъ, что хочетъ ихъ всѣхъ принудить принести жертвы идоламъ и удалилъ изъ двора тѣхъ, которые показали себя склонными исполнить его требованіе. Словомъ, христіане, за нѣкоторыми исключеніями въ Испаніи, были въ его правленіе спокойны отъ преслѣдованій, которыя въ его владѣніяхъ благодаря его мирному характеру прекратились тотчасъ послѣ отказа Діоклетіана отъ престола. «Чтобы не казаться отступившимъ отъ завѣта предковъ, говорится въ одномъ сочиненіи, приписываемомъ Лагганцію, онъ позволилъ разрушить мѣста для собраній (Conventicula), т. е. стѣны, которыя можно возстановить, но онъ сохранилъ невредимымъ истинный храмъ Божій, находящійся въ людяхъ» (De mort. pers. 15). Его сынъ Константинъ, наслѣдовавшій ему въ 306 году, слѣдовалъ его примѣру. Въ его владѣніяхъ была полная свобода богослуженія.

Коллеги Константина по управленію имперіей постоянно враждовали то съ нимъ, то между собой. Возможно, что они понимали всю невыгоду для себя становиться во враждебныя отношенія къ такому сильному и сплоченному обществу, какимъ было христіанство. Возможно также, что Галерій, какъ рассказываетъ Евсевій (VIII, 16), страдая ужасной болѣзнію, чувствовалъ угрызения совѣсти за свою тираннію. Какъ бы то ни было, не задол-

го предъ смертію, въ 311 году, оны опубликовалъ въ союзѣ съ Константиномъ и другими правителями эдиктъ о вѣротерпимости, гдѣ тѣмъ не менѣе выразительно оправдывалось право на гоненіе. Что касается до Максимиана, то этотъ жестокой и сластолюбивый правитель, про котораго рассказываются самыя постыдныя похождения, хотя и согласился на эдиктъ, однако чрезъ шесть мѣсяцевъ послѣ его обнародованія, когда умеръ Галерій, онъ потребовалъ отъ своихъ подчиненныхъ, которымъ онъ сообщилъ этотъ эдиктъ только на словахъ, чтобы они испросили у него возобновленія гоненій, которое, конечно, и было дано. Впрочемъ, впослѣдствіи это не мѣшало ему говорить, что онъ яко-бы не могъ отказать ихъ усиленнымъ просьбамъ. (Евс. IX, 2).

Для возбужденія языческаго благочестія онъ въ каждомъ городѣ установилъ должность жреца. Онъ всѣми силами старался распространить во всѣхъ провинціяхъ и школахъ подложные «акты Пилата», наполненные хулами на Спасителя; опубликовалъ показанія какихъ-то непотребныхъ женщинъ, у которыхъ страхомъ пытокъ вынуждено было признаніе, будто они когда-то были христіанками и знаютъ незаконныя дѣла христіанъ и будто они въ самыхъ храмахъ своихъ совершаютъ непотребства; выражалъ эдиктами свое благоволеніе и обѣщалъ милости всѣмъ городамъ, которые постановляли изгнать изъ своей среды христіанъ. Въ это время пострадало много христіанъ, въ томъ числѣ *Дукіанъ*, ученый пресвитеръ, основатель Антиохійской школы. Гоненіе возобновлено также въ Италіи Максенціемъ, который, почувствовавъ подъ собой почву, сбросилъ маску покровителя христіанъ, которую онъ сначала надѣлъ, и сталъ соперничать съ Максимомъ въ безчеловѣчии и жестокости.

Наконецъ побѣды Константина и Ликинія, кончившіяся смертію ихъ противниковъ, — Максимиана и Максенція положили конецъ гоненіямъ на христіанъ. Константинъ выступилъ противъ Максенція въ походъ, разбилъ его и Максенцій погибъ въ Тибрѣ. Максимианъ въ свою очередь былъ побѣжденъ на Востокѣ Ликиніемъ

и умеръ отъ немного поспустя отъ постыдною смертію жалуюсь на свою судьбу и издавъ эдиктъ въ пользу христіанъ. Всю вину жестокихъ гоненій на христіанъ онъ сваливалъ на своихъ подчиненныхъ, которые якобы не поняли его намѣреній. Сдѣлавшись властелинами имперіи, Константинъ и Ликий опубликовали съ общаго согласія при первомъ своемъ свиданіи въ Миланѣ въ 313 году знаменитый Миланскій эдиктъ, которымъ христіанамъ предоставлялась свобода совѣсти и возвращались прежде конфискованныя недвижимыя имущества.

(Продолженіе будетъ).

ОЧЕРКИ ПО ВСЕОБЩЕЙ ЦЕРКОВНОЙ ИСТОРИИ.

ЛИТЕРАТУРНАЯ БОРЬБА ЯЗЫЧЕСТВА СЪ ХРИСТИАНСТВОМЪ.

Hase, Kirchg. auf Grundlage akad. Vorlesungen. Leipz. 1891.

Язычество боролось съ христіанствомъ не только при помощи чиновниковъ, черни и палачей; рядомъ съ этой борьбой возникла еще борьба литературная.

Изъ образованнаго общества конца II в. никто уже болѣе не воспѣвалъ прелестей земнаго бытія; всюду было чувство недовольства, потребность въ утѣшеніи, сознаніе виновности. Поводомъ къ этому служило: истощеніе провинцій, деспотизмъ и произволь императоровъ надъ аристократіей, истощившей провинціи, и сверхъ этого разнаго рода несчастія въ родѣ моровой язвы. На мѣсто веселаго жертвеннаго пира явилась искупительная жертва (taurobolium). Грѣшника спускали въ яму, надъ нимъ на доскахъ закалали жертвенное животное, такъ что кровь проливалась на него. Найденная статуя такого жертвоприносителя носить названіе «возрожденный въ вѣчность» (in aeternum renatus). Всѣ эти чувства заставляли обратить свои взоры на пирамиды, вообще на востокъ. Распространилось мнѣніе, будто Платонъ и Аристотель оттуда взяли свою мудрость, почему это стремленіе на востокъ примкнуло къ ихъ именамъ. Возобновились мистеріи, ставшія во враждебныя отношенія къ христіанству. Въ Элевзисѣ предъ началомъ ихъ герольдъ возглашалъ: «если здѣсь есть безбожникъ, эпикуреецъ или *христіанинъ* пусть удалится». Разные волшебники и астрологи наполняли пустоту жизни; «такъ называемые математики» (mathematici) дурачили легковѣрныхъ своими вычислениями будущаго, волшебными фонарями, наркотическими куреніями и прочимъ вздоромъ. Ихъ нѣсколько разъ прогоняли изъ Ита-

ли, но они возвращались опять: безъ нихъ не знали, какъ обойтись. Императоры боялись ихъ и пользовались ихъ услугами. Валеріанъ (253—60) дозволилъ одному магу принести въ жертву мальчика и гадать по внутренностямъ одного новорожденного. Они возбуждали народъ къ гоненіямъ на христіанъ, отвергавшихъ волшебство. Благодаря тому что благочестіе и быть благочестивымъ было въ модѣ, въ сознаніе людей проникла вѣра въ Единого Бога. Этому помогло также смѣшеніе религій, распаденіе національностей, вліяніе лучшей части интеллигенціи. Тертуллианъ замѣчаетъ, что народъ часто давалъ безсознательное свидѣтельство вѣры въ Единого Бога произвольными восклицаніями: «если Богъ этого хочетъ! Благослови Богъ! Богъ все видитъ! Богъ воздастъ за это!» Риторъ Максимъ говоритъ: «при всемъ различіи мнѣвій, мы всѣ согласны въ признаніи Единого Бога, Царя и Творца всѣхъ и многихъ боговъ, которые царствуютъ съ Нимъ, какъ Его сыновья». Такъ первоначальное господство Зевса только надъ богами превратилось во всемогущество Отца всѣхъ. Въ новомъ положеніи Аполлона въ отношеніи къ Зевсу видятъ откликъ христіанскаго ученія о Божественномъ Логосѣ. Онъ представитель и отображеніе своего отца Зевса, посредникъ между Богомъ и людьми, пророкъ, возвѣщающій смертнымъ чрезъ оракулы божественную волю, искупитель, обладающій средствомъ очищать людей отъ грѣха и оскверненія.

Со времени Сенеки показывается новая сила *стоическая философія*, которая въ лицѣ Марка Аврелія вступаетъ на тронъ. Въ ней было нѣчто напоминавшее древній римскій духъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ вполне выразилось современное настроеніе общества съ его стремленіемъ къ самоотреченію, терпѣнію и покаянію. Однимъ изъ замѣчательныхъ представителей ея въ это время былъ Эпиктетъ. Это былъ рабъ, потомъ отпущенный на свободу и жившій въ Римѣ. Его именно ученіе и принялъ въ руководство для себя Маркъ Аврелій. Суть нравственнаго ученія стоической философіи этого времени состояла въ терпѣнн и покорности: «будь

твердь и воздержень!»! Цѣль его стоическая нечувствительность ко всякимъ переменамъ судьбы, ко всякимъ страданіямъ, какъ говорилъ Сенека: «нужно жить на такой высотѣ, которая была бы безопасна отъ стрѣль судьбы». Маркъ Аврелій такъ и поступалъ: въ его дѣлахъ ничего нѣтъ геройскаго, въ своемъ сочиненіи: «къ самому себѣ» (πρὸς ἑαυτὸν) онъ всегда господствуетъ надъ собою, всегда готовъ перенести то, что налагаетъ на него міровой духъ.

Литература—искусственный отпрыскъ погибающаго прошлаго—носила на себѣ отпечатокъ вѣры и суевѣрія. Странно, даже *Плутархъ* (50—120) есть литературный представитель вѣрующаго и суевѣрнаго. Онъ намъ извѣстенъ главнымъ образомъ по своимъ біографіямъ, гдѣ прославляются герои классической древности. Вмѣсто простой дѣйствительной исторіи у него нѣсколько театральное освѣщеніе. Древность его любимая сфера, почему при изображеніи ея онъ ненамѣренно впадаетъ въ идеализацію ея героевъ. Въ своихъ философскихъ сочиненіяхъ онъ является благочестивымъ и мечтательнымъ, питающимъ нравственное отвращеніе къ безнравственнымъ мѣтамъ; но различныя религіи, по его мнѣнію, только различныя цвѣта радуги.

Изъ «Различныхъ исторій» *Элиана* (ок. 222 мы узнаемъ, что слоны преклоняютъ колѣна предъ восходящимъ солнцемъ. Вообще у него много назидательныхъ въ языческомъ смыслѣ рассказовъ о проявленіи Божества въ природѣ и человеческой жизни. Въ «Золотомъ ослѣ» *Апулея* и въ его «Демонѣ Сократа» описывается и осмѣивается знакомство съ духами почти въ томъ видѣ, какъ его измыслила современная фантазія. Глубокомысленъ новый видъ мѣта о Психеѣ. Потерявъ первоначальное единеніе съ Богомъ, она ходитъ повсюду безпокойная и безутѣшная; одушевляемая скрытымъ въ ней Божествомъ, она ищетъ его среди разныхъ испытаній и страданій въ храмахъ, мистеріяхъ, даже въ подземномъ царствѣ, пока не сжалилась надъ ней вѣчная любовь, и не приблизилась къ ней, чтобы соединиться свя-

ценнымъ союзомъ. Психея есть душа человѣчества, въ особенно-сти того вѣка, съ его страстнымъ желаніемъ спасенія. Такъ въ этомъ мѣстѣ само язычество становится религіей со взоромъ, обращеннымъ въ невѣдомое «туда». Доказательство, что эти перемѣны въ язычествѣ не были слѣдствіемъ вліянія христіанства, находится не въ томъ, что они впервые встрѣчаются у противниковъ христіанства, а въ томъ, что ихъ можно найти у людей равнодушныхъ къ нему, даже почти незнакомыхъ съ нимъ. Но столкнувшись съ христіанствомъ язычество этого направленія восприняло нѣкоторые его элементы, чтобы встать къ нему въ бѣдшую оппозицію. *Аполлоній Тіанскій* (въ Каппадокіи), измышленный на основаніи историческихъ данныхъ риторомъ *Филостратомъ* (ок. 230), былъ образцомъ религіознаго идеала того времени въ *противовѣсъ христіанству*. По Филострату Аполлоній, почти современникъ Христа (ок. 3 — 90), учитель премудрости у браминовъ въ Индіи и у гимнософистовъ въ Египтѣ. Это былъ одушевленный богами реформаторъ язычества во всѣхъ странахъ съ греческой культурой, не ограничивавшійся только какой нибудь одной изъ нихъ. Онъ окруженъ былъ учениками, изъ которыхъ самый дѣвѣреннейшій Домисъ оставилъ сочиненія въ поэтической формѣ. Будучи откровеніемъ Божества, одинаково проникая въ настоящее и будущее, онъ вездѣ насаждалъ достойное богопочтеніе, чтобы сдѣлать людей лучшими и болѣе счастливыми. Онъ порицалъ безнравственность греческихъ мѣстовъ и обожаніе животныхъ Египтянами, училъ Веспасіана и Тита правильному употребленію верховной власти, не боясь смерти, выступилъ противъ тиранніи Домиціана. Онъ не хотѣлъ приносить Богу никакой жертвы, такъ какъ все Ему принадлежитъ и въ сравненіи съ нимъ нечисто; ему прилично только слово слово, — не ртомъ произнесенное, но тихое внутреннее слово духа. Кровавыя жертвы онъ вообще отвергалъ. Боги у него являются то индивидуализаціей Единого Бога, самое чистое подобіе котораго есть солнце, то подчиненными ему, имѣющими свои особенныя свойства и подобающее

имъ почитаніе. На вопросъ эеіопскаго мудреца, о чемъ онъ молится, Аполлоній отвѣтилъ: «о томъ, чтобы на землѣ была правда, чтобы законъ оставался невредимымъ, чтобы мудрецъ былъ бѣденъ, а остальные богаты и безгрѣшны. Приближаясь къ алтарямъ, я все обнимаю въ молитвѣ: воздай мнѣ, Боже, то, чего я заслуживаю!» Онъ любилъ ночевать въ храмѣ, гдѣ это было возможно. Онъ носилъ льняную одежду, тростниковую обувь: чловѣкъ не имѣетъ права снимать кожи съ быка, снимать шерсть съ овцы, онъ долженъ жить на счетъ растений, не уничтожая того, что одушевлено подобно ему. Онъ никогда не касался женщины. Онъ былъ богатъ, потому что ни въ чемъ не нуждался. Онъ понималъ языки не только всѣхъ народовъ, но даже животныхъ. Про него рассказывается много чудеснаго. Такъ во время одной прогулки въ Ефесѣ, онъ вдругъ остановился и сказалъ, что онъ сейчасъ видѣлъ убіеніе Домиціана въ Римѣ, что будто и было вскорѣ подтверждено.

Въ жизнеописаніи Аполлонія Христосъ нигдѣ не упоминается. Но это молчаніе умышленное, съ злою цѣлію; авторъ знаетъ Христа и иногда выдаетъ себя въ этомъ. Такъ матери возвѣщается о рожденіи ея чудеснаго дитяти. Аполлоній изгоняетъ демона, который, подобно демону въ евангеліи отъ Луки (8, 28), обращается къ высшей силѣ съ просьбой: «прошу тебя, не мучь меня!» Въ Римѣ попадаетъ ему на встрѣчу похоронная процессія, онъ останавливаетъ ее, говоритъ что-то тихо мнимоумершей дѣвушкѣ, невѣстѣ, и посылаетъ ее домой къ родителямъ какъ Геракль Алцесту или — мы можемъ сказать — какъ Іисусъ напскаго юношу. Филостратъ, принадлежавшій къ литературному кружку императрицы Юліи, давшей поводъ къ написанію этого сочиненія, могъ пожелать поставить въ божницу ея внука (Александра Севера) только такого языческаго Христа, который бы былъ полноправнымъ по рожденію и выдавался чѣмъ нибудь особеннымъ. Уже Баракалла построилъ ему храмъ, какъ герою. Поли-

теизму не трудно было сдѣлать изъ выдающагося человѣка бога; но изъ историческаго романа трудно сдѣлать Евангеліе.

Разложеніе язычества и въ связи съ нимъ паденіе гражданскихъ добродѣтелей нравственное вырожденіе, исканіе чего-то твердаго, вѣчнаго въ соединеніи съ наклонностію ко всему фантастическому, чудесному, нашло свое выраженіе и научное обоснованіе въ *Неоплатонизмѣ*. Воспоминанія учениковъ о лицахъ бывшихъ главами этой школы достаточно показываютъ идеалы ея. Возьмемъ напр. *Плотина*, «Данеады» котораго стали священной книгой неоплатонизма. По свидѣтельству своего біографа Порфирія, онъ былъ родомъ изъ Сикополиса, въ верхнемъ Египтѣ. Впрочемъ о его происхожденіи даже приближенные знали очень мало: какъ бы стыдился того, что онъ былъ заключенъ въ тѣло. Плотинъ никогда не говорилъ о своемъ происхожденіи не позволялъ дѣлать съ себя никакаго изображенія. Онъ полагалъ, что довольно уже того, что онъ носитъ тѣлесный образъ, что бы дѣлать еще съ этого ничтожества изображенія. Плотинъ былъ ученикомъ Аммонія Сакска, участвовалъ въ персидскомъ походѣ императора Гордіана, съ 40 года своей жизни жилъ въ Римѣ имѣя связи при императорскомъ дворѣ. Онъ не ѣлъ мяса, рѣдко хлѣбъ; на свои сочиненія онъ смотрѣлъ какъ на вдохновеніе свыше, почему не осмѣливался исправлять ихъ въ чемъ нибудь. Умирая онъ сказалъ: «теперь я хочу привести Бога живущаго во мнѣ къ Богу вселившей».

(Продолженіе будетъ).

ОЧЕРКИ ПО ВСЕОБЩЕЙ ЦЕРКОВНОЙ ИСТОРИИ.

Гностицизмъ.

(Продолженіе*).

Валентинъ умеръ, но идеи его продолжали жить среди его многочисленныхъ учениковъ, изъ которыхъ многіе пользовались большою извѣстностію. *Гераклеонъ* и *Птоломей* признавали значеніе только за добрыми дѣлами, которые, по ихъ мнѣнію, только одни могутъ показать степень нашего единенія со Христомъ. Первый извѣстенъ своими трудами по истолкованію св. Писанія (евангелія отъ Іоанна), въ которыхъ онъ старался держаться буквального смысла. У Птолемея эоны Валентина, понимаемые этимъ послѣднимъ главнымъ образомъ какъ формы развитія Божества, превратились въ болѣе или менѣе опредѣленные личности. Въ сохраненномъ св. Епифаніемъ письмѣ Птолемея къ Флорѣ система Валентина является въ смягченномъ видѣ, такъ какъ цѣль письма была—убѣдить Флору въ согласіи этой системы съ христіанствомъ. Поэтому здѣсь монотеизмъ выдвигается на первый планъ, деміургъ находится въ сознательномъ подчиненіи Божеству. Въ Ветхомъ завѣтѣ различаются три составныя части: 1) десять заповѣдей, какъ вѣчный, общечеловѣческій нравственный законъ, данный Богомъ, которому Христосъ только придавъ

*) См. № 20 Ирк. Епарх. Вѣд. за 1899 г.

еще больше значенія; 2) остальные религіозно-нравственныя предписанія, данныя Моисеемъ, возвышенныя Христомъ; 3) внѣшняя, церемоніальная и гражданская часть, данная Моисеемъ и уничтоженная Христомъ. Существо Божіе, открытое впервые Сотиромъ, есть совершеннѣйшее благо; существо Диміурга—только праведность, какъ среднее между добромъ и зломъ.

Маркъ, жившій во 2-й половинѣ II вѣка, низвелъ религіозную спекуляцію школы Валентина до простой выкладки цифръ, которымъ онъ придавалъ таинственный смыслъ. Онъ ввелъ пышный культъ съ двойнымъ крещеніемъ,—изъ которыхъ одно было въ психическаго Мессію во оставленіе грѣховъ, другое—пневматическое, въ небсапаго Христа въ знакъ единенія съ нимъ и Плиромой—въ украшенномъ какъ для брака покоѣ. Онъ пророчествовалъ и позволялъ тоже дѣлать и другимъ, если считалъ ихъ достойными. Кажется онъ былъ обыкновеннымъ математикомъ и магомъ, о которомъ говорили, что молодыя женщины горько оплакивали свою связь съ нимъ.

Карпократъ, одновременно жившій съ Валентиномъ въ Александріи въ своемъ смѣшеніи Платонизма и эпикурейства пришедшій къ гностицизму, очень мало касается христіанства. Онъ мыслилъ перво-бытіе какъ единство, къ которому стремится все конечное, все получившее бытіе чрезъ отпаденіе отъ него. Но міровые духи отпавшіе отъ единства препятствуютъ этому стремленію религіозными постановленіями, во главѣ которыхъ находится іудейскій законъ. Нѣкоторые мудрецы какъ напр. Платонъ, Пивагоръ, опять вошли въ божественное единство чрезъ воспоминаніе потеряннаго блаженнаго состоянія. Такъ и сынъ Іосифа прошелъ чистымъ чрезъ все земное, уничтожилъ законъ міровыхъ духовъ благодаря воспоминанію однажды имъ видѣннаго. Всякая другая подобная душа можетъ также презирать міровыхъ духовъ и также быть великой. Вся добродѣтель по нему состоитъ въ единеніи съ Богомъ; все препятствующее этому единенію грѣхъ; такъ напр. собственность, замужня женщина,—все это отдѣленіе отъ

единства— по чему Карпократъ требоваль общенія женъ и имущества. Онъ смотрѣль на порокъ какъ на нѣчто безразличное, неизбѣжное, вслѣдствіе перевѣса чувственности надъ духомъ, и касающееся духа только внѣшнимъ образомъ, почему старыя упреки о вечерахъ любви съ потушенными факелами теперь съ церкви перенесены были и на эту секту.

Судя по тому презрѣнію, съ какимъ Епифаній, рано умершій сынъ Карпократа, относился ко всякимъ обычаямъ и законамъ, трудно представить, какъ какой-то греческій городъ на островѣ Кафалоніи построилъ ему храмъ, св. Ириней не знаетъ ничего о безнравственности этой секты; онъ вспоминаетъ только о слѣдующемъ нравственномъ требованіи ея: одаренный свободой духа долженъ помнить и знать объ этомъ въ какомъ-бы онъ положеніи ни находился. Спасеніе пріобрѣтается чрезъ любовь и вѣру, остальное безразлично, какъ-бы оно ни называлось по человѣческому мнѣнію—добрымъ или злымъ. Отсюда апотеоза геніальности, не всегда подходящей подъ нравственные законы; отсюда Христось представляется религіознымъ геніемъ отмѣнившимъ іудейскій законъ. Т. о. въ ученіи Карпократа и Епифанія слышатся идеи коммунизма и свободы удовлетворенія естественныхъ человѣческихъ потребностей, эманципаціи плоти. Не эти-ли идеи, приписанныя Епифанію, были причиной его обоготворенія его почитателями?

Ставшая недавно благодаря св. Ипполиту извѣстной гностическая фантазія *Иустина* представляетъ изъ себя смѣшеніе ветхозавѣтныхъ откликовъ съ именами греческихъ мифовъ: Геракла, Омфалы, Афродиты. Бракъ между пневматическимъ Елогимомъ и психической Эденъ былъ причиною происхожденія 24 ангеловъ, изъ которыхъ 12 были носителями духа отца и 12 носителями страстей матери. Вмѣстѣ съ ними Елогимъ и Эденъ сотворили міръ, особенно человѣческую пару, одаривъ ихъ душею и духомъ, данными отъ своего существа, какъ памятникъ своего счастья любви. Елогимъ, желая видѣть не достаесть-ли чего человѣку,

возносится и узнает Высшее существо, добраго Бога, который приглашает его съѣсть одесную себя. Едень, разсержанная тѣмъ, что Елогимъ оставилъ ее послать ангела Бабала, названнаго Афродитой и ангела Нааса, змѣйнаго духа,—сворачивать людей. Елогимъ посылаетъ своего ангела Варуха къ Моисею и пророкамъ, чтобы возвѣстить имъ о благомъ Богѣ; но они всѣ были свращены ангелами Едень. Тогда Елогимъ избираетъ пророка отъ своей плоти въ лицѣ Геракла, онъ совершаетъ 12 подвиговъ, но Афродита въ видѣ Омфалы лишаетъ его силы. Наконецъ Варухъ посылается къ мальчику пастуха, сыну Іосифа и Маріи, который открываетъ божественную истину, преодолеваетъ искушенія, почему приговорається ко кресту и съ оставленіемъ тѣла восходитъ къ благому Богу.

III. *Христіанскіе гностики въ полномъ смыслѣ.*

Отъ *Маркіона*, проникнутаго болѣе всѣхъ древнихъ гностиковъ христіанскими идеями, мы имѣемъ отрывки изъ его сочиненій, евангеліе и антитезы. Тертуллианъ (пис. II—III в.) въ 5 книгахъ «противъ Маркіона» представилъ намъ краснорѣчивое, обширное и страстное обвиненіе. Діалогъ неизвѣстнаго изъ IV в. «о правой вѣрѣ въ Бога» выводитъ Оригена въ видѣ противника Маркіона, этого гиганта низверженнаго съ неба. Есть еще изложеніе этой системы Есникомъ (Esnig) писателемъ армянскимъ (V в.). Были даже попытки приписать Маркіону «посланіе къ Діогнету», хотя и безъ достаточныхъ основаній.

Значеніе Маркіона обусловливается тѣмъ вліяніемъ, какое имѣли въ первыхъ десятилѣтіяхъ остатки іудео-христіанства въ малой Азіи и даже Римѣ. Маркіонъ былъ сынъ епископа въ Синоцѣ на Евксинскомъ понтѣ (на Черномъ морѣ). Когда онъ пришелъ въ Римъ, ему уже предшествовало извѣщеніе объ отлученіи его отъ церкви, которому онъ былъ подвергнутъ своимъ отцомъ. По св. Епифанію онъ, уже будучи аскетомъ, полюбилъ посвятившую себя Богу дѣвицу, впалъ съ нею въ грѣхъ, что и было причи-

ною его отлученія отцемъ отъ церкви, при чемъ этотъ послѣдній не давалъ разрѣшенія не смотря ни на какія просьбы. Это заставило его покинуть родину и удалиться въ Римъ, гдѣ онъ послѣ напрасныхъ просьбъ о принятіи въ общеніе присоединился къ гностику Кердону. Если дѣло дѣйствительно было такъ — мы узнаемъ о немъ въ такомъ видѣ только уже спустя 2 вѣка — то его послѣдующая строгость жизни есть откликъ его юношескаго счастья и горя. Положеніе Маркіона, которое онъ занялъ въ исторіи, не было, впрочемъ, результатомъ случайнаго, имѣющаго только личное значеніе, происшествія; оно было результатомъ давнихъ идей, за которыя онъ ратовалъ, о томъ, что ветхій За-вѣтъ и іудейство должны потерять свою силу и уступить мѣсто За-вѣту Новому. Маркіонъ ссылался на ап. Павла противъ іудейства и виѣшняго, законническаго направленія тогдашняго христіанства; въ противоположность Валентину онъ хотѣлъ разорвать всякую связь христіанства съ тѣмъ, что было до него. Въ своихъ «Антитезахъ» онъ противопоставляетъ Ветхій За-вѣтъ Новому. Онъ находитъ іудейскаго Бога простымъ и ограниченнымъ: Іегова спрашиваетъ: «гдѣ Адамъ», сходитъ въ Содомъ, чтобы видѣть что тамъ происходитъ. Онъ повелѣваетъ Израильтянамъ обокрасть Египтянъ, перебить хананеянъ. Змѣй лучше разсуждаетъ съ людьми, чѣмъ ветхозавѣтный Богъ. Іегова, воинственъ, упоренъ, неукротимъ, мстителенъ, жестокъ; напротивъ любвеобильный Іисусъ принимавшій покаяніе отъ мытарей и грѣшниковъ, благословлявшій дѣтей, своимъ ученикамъ запретилъ мстить за обиды. Вообще хаарактеръ іудейства Маркіонъ отождествилъ съ характеромъ (совершенно другимъ) іудейскаго Бога. Въ іудействѣ суровое ученіе о возмездіи, въ христіанствѣ — милосердіе и любовь ко врагамъ. То, что ставитъ іудейство выше язычества, — это именно праведность, эта праведность но не совершенная добродѣтель — она скорѣе подходитъ къ законности, праведности отъ дѣлъ, соединимымъ съ злобой ненавистью и жестокой тираніей. Поэтому и Мессія, возвѣщенный пророками, совершенно отличенъ отъ Того, къмъ

желалъ быть и дѣствительно былъ Христосъ; тотъ воинственный вооруженный полководецъ, долженствующій вести іудейскій народъ къ земному могуществу и счастію,—Христосъ — царь мира, желающій вести человѣчество къ вѣчному блаженству. Къ этому нужно прибавить презрѣніе, доведенное до высшей степени, къ міру, послѣ разсмотрѣнія котораго Маркіонъ съ ироніей заключаетъ: «по истинѣ этотъ міръ великое дѣло и достойное Божества!» Для него имѣетъ значеніе только высшій этого міръ.

Маркіонъ объясняетъ эти противоположности тѣмъ, что онѣ исходили отъ *различныхъ* верховныхъ существъ. Онъ признаетъ *два* верховныхъ существа: Бога праведности и Бога любви. Къ этимъ двумъ можно прибавить еще *третьяго*, Бога міра, язычества, если только, что весьма возможно, Маркіонъ не разумѣетъ подъ этимъ библейскаго сатану. Но всѣ эти три существа не образуютъ трезоя, такъ какъ они, по его мнѣнію, не равны; Верховный Богъ только одинъ добрый Богъ. Ясно, что здѣсь проглядываетъ, хотя и сильно подавленный, политеизмъ. Такъ какъ Маркіонъ не признавалъ исторической связи между іудействомъ и христіанствомъ, то явленіе Христа у него является внезапнымъ, ничѣмъ необъясимымъ. Тертуліанъ пишетъ: «внезапно является Христосъ, внезапно Іоаннъ; у Маркіона является такъ все, что у Бога имѣетъ свой порядокъ». Маркіонъ считаетъ Христа добрымъ Богомъ явившимся на землю: Презирая матерію онъ мыслилъ о Христѣ докетически, хотя и въ высшемъ значеніи этого слова. Только духъ имѣетъ истинное бытіе; таковымъ въ своемъ земномъ странствованіи долженъ былъ являться и Христосъ, какъ носитель Бога—Духа. Но Христосъ не былъ рожденъ только видимо; евангеліе Маркіона, насколько мы знаемъ, рассказъ о пришествіи Бога въ міръ начинается слѣдующими словами: «Въ 15 году царствованія Тиверія пришелъ Господь въ Капернаумъ и училъ по субботамъ». Онъ не былъ рожденъ обыкновеннымъ образомъ, отъ обыкновенной человѣческой матери; въ доказательство этого онъ ссылается на слѣдующія слова своего евангелія (Лук.

VIII, 15); «мои братья и сестры суть тѣ, которые слушаютъ слово Божіе и исполняютъ его» Маркіонъ не считаетъ Христа безтѣлеснымъ; но тѣло Христа не составлено при посредствѣ дѣвы, изъ мірскихъ элементовъ; оно создано самимъ Богомъ, чтобы обнаружить свою любовь къ міру. По Маркіону значеніе Христа состояло въ томъ, что онъ былъ учителемъ истинной, свободной любви, откровеніемъ самого Благого Бога; Его жизнь была образцомъ освобожденія отъ узъ матеріи.

Армянскій епископъ Еснигъ считаетъ Маркіона однимъ изъ первыхъ христіанскихъ мыслителей, придавшихъ смерти Спасителя особенное значеніе. Деміургъ, іудейскій Богъ, убивая (или только имѣя намѣреніе убить) Его, тѣмъ самымъ явился преступившамъ свой собственный законъ и проигралъ свое дѣло. Впослѣдствіи это мнѣніе высказывалось многими церковными писателями. Маркіонъ придавалъ мало значенія св. преданію сравнительно съ св. Писаніемъ. Онъ составилъ свое евангеліе, о которомъ Тертуліанъ говоритъ: «то, что противорѣчило ея системѣ, онъ вычеркнулъ, что согласовалось, сохранилъ». Въ 10 посланіяхъ ап. Павла онъ не много могъ вычеркнуть въ пользу своей системы; это же нужно сказать о евангеліи, которое онъ избралъ, и въ которомъ въ общемъ можно узнать евангеліе отъ Луки *).

Маркіонъ помышлялъ и о церковной реформѣ: по его намѣренію церковь должна состоять изъ святыхъ и въ ней должно господствовать суровое самоотреченіе. Онъ не одобрялъ брака, видя въ немъ подчиненіе матеріи, средство вводить въ міръ, къ ихъ несчастью, другихъ людей, и тѣмъ давать новую пищу смерти.

Маркіонъ былъ ненавидимъ болѣе всѣхъ гностиковъ. Тертуліанъ называетъ его «Антониновымъ» (т. е. жившимъ при Анто-

*) Бауръ основатель Тюбингенской школы, нѣкоторое время считалъ текстъ евангелія Маркіона за первоначальный, а текстъ евангелія отъ Луки за произшедшій отъ него съ прибавками въ пользу общецерковнаго ученія. Но сама школа Баура впоследствии разубѣдилась въ этомъ и увидѣла порчу тамъ, гдѣ слѣдуетъ, т. е. не въ евангеліи отъ Луки, а въ евангеліи отъ Маркіона.

нинъ Пій) еретикомъ, нечестивымъ при благочестивомъ (название Пія-Haraeticus Antonianus sub Pio impius)». Когда св. св. Поликарпъ посѣщалъ Римъ Маркіонъ встрѣтивъ его на улицѣ обратился къ нему съ рѣчью вспоминая встрѣчу съ нимъ въ домѣ своего отца въ Синопѣ и спросилъ его «узнаешь ли онъ его?» Поликарпъ отвѣтилъ: «узнаю тебя, первенца сатаны!» Маркіонъ любилъ обращаться къ общинѣ, собиравшейся около него, со словами: «Соненавидимые и сопредѣлуемые!» и утѣшеніемъ: «блаженны несущіе сейчасъ скорби!» Тертуллианъ свидѣтельствуетъ, что подь конецъ жизни Маркіонъ желалъ мира съ церковію. Но ему поручили прежде позаботиться о возвращеніи въ церковь его послѣдователей, чего онъ за своей смертью не успѣлъ исполнить. Его община — Маркіониты — значительно пережила его. Маркіониты, раздѣлившись на нѣсколько партій, существовали до VI вѣка.

Гермогенъ живописецъ, жившій въ Карфагенѣ, извѣстенъ намъ благодаря сочиненію Тертуллиана, которое онъ написалъ противъ него и въ которомъ упрекаетъ его въ томъ, что онъ «рисуетъ непозволительныя вещи, постоянно женится, защищаетъ законъ Божій, для оправданія своей похотливости и презираетъ его для своего искусства». (pingit illicite, nubit assidue, legem Dei in libidinem Defendit, in artem contemnit). Воззрѣнія Гермогена носятъ болѣе своеобразно художественный, чѣмъ гностическій характеръ. Въ своихъ вымыслахъ о происхожденіи міра онъ отвергъ языческое ученіе о происхожденіи боговъ и гностическую эманацию изъ неизвѣстнаго первоначала; онъ отвергъ также обще церковное ученіе о твореніи изъ ничего, такъ какъ, по его мнѣнію, когда міръ былъ бы совершеннымъ. Согласно съ греческой философіей онъ признавалъ Бога и рядомъ съ нимъ вѣчную матерію. Эта вѣчная матерія представляетъ изъ себя хаотическую массу, полную дикихъ порывовъ, подобно кипѣнію воды въ котлѣ. Богъ, какъ организующее начало, носится надъ ней, дѣйствуетъ на нее своимъ существомъ, подобно тому, какъ магнитъ на желѣзо, красота на того, кто къ ней приближается. Такъ яв-

ляется міръ. Стоящая вдали мысль видит конецъ этого творческаго акта, когда способная къ образованію міра матерія чрезъ развитіе станетъ міромъ, а остальная, соединенная со зломъ, будетъ представлять изъ себя отбросъ, въ видѣ одной громадной глыбы.

(Продолженіе будетъ.)

ОЧЕРКИ ПО ВСЕОБЩЕЙ ЦЕРКОВНОЙ ИСТОРИИ.

(Продолженіе).

Татианъ, другъ св. Іустина мученика, во время написанія своей апологіи не такъ далеко удалился отъ христіанства, какъ передають объ этомъ многіе церковные писатели. Въ своей апологіи онъ противопоставляетъ христіанство (болѣе или менѣе правильно понимаемое) язычеству.—Мрачный взглядъ на жизнь, свойственный ему, привелъ его къ признанію матеріи, какъ начала враждебнаго, злаго. Гностицизмъ для него сталъ теоріей, оправдывающей его презрѣніе къ міру и отреченіе отъ него. Онъ не считалъ Іегову, Творца міра, за Высочайшее существо, такъ какъ онъ былъ слишкомъ низкаго мнѣнія о его мірѣ. Онъ считаетъ творческое слово «да будетъ свѣтъ!» дыханіемъ столцаго во тьмѣ гностическаго Деміурга. Его отрицаніе блаженства Адама казалось многимъ нечестивымъ. Татианъ отвѣчалъ: «неужели тотъ, кто столькихъ людей привелъ къ погибели, не долженъ на вѣки погибнуть?» Его сочиненіе о воздержаніи по примѣру Спасителя представляетъ Спасителя, какъ идеаль освобожденія отъ духа міра. Его послѣдователи вслѣдствіе строгости и суровости своихъ нравовъ назывались *енкратитами* (воздержниками); они не допускали вина для въ св. Евхаристіи, довольствуясь только водой, почему и назывались также акваріями (αquaarii), т. е. употребляющими только воду.

Бардезанъ или Вардисанъ (Bar Daizan; βαρδισάνης), занимавшій при царскомъ дворѣ въ Едессѣ во второй половинѣ II вѣка блестящее положеніе по своему рожденію и образованію,

былъ сирійскимъ гностикомъ, «къ кафтану котораго сатана пришилъ драгоцѣнные камни, а въ сердце вложилъ ложное ученіе». По его ученію изъ Сокровеннаго Отца исходятъ по-парно эоны; Софія его подруга упала въ хаосъ, слѣдствіемъ чего былъ Деміургъ. Власть Сатаны самостоятельна. Бардезанъ въ противоположность гностикамъ училъ, что Истинный Богъ открывался до Христа и что человекъ, хотя рождается съ зависимостью отъ общаго хода вселенной, однако движенія свѣтилъ не препятствуютъ ему сознать и пользоваться своей нравственной свободой.*) Но заслуга Бардезана заключается не въ томъ, что онъ исправилъ отдѣльныя шероховатости гностицизма, а въ томъ, что онъ былъ первымъ лирическимъ поэтомъ сирской церкви, первымъ ораторомъ.

IV. *Евіониты-гностики*. Евіонизмъ въ своей борьбѣ противъ гностицизма былъ охваченъ его мыслями, вслѣдствіе чего возникъ философскій евіонизмъ, ученіе котораго нашло себѣ мѣсто въ Климентинахъ**), и у св. Епифанія Кипрскаго, который представителей его характеризуетъ какъ христіанъ, хотѣвшихъ вмѣстѣ съ тѣмъ остаться іудеями.

Ученіе гомилій (Nomiliae-бесѣды) о Богѣ есть чистый монотеизмъ (слѣдовательно не гностическое). Отъ Бога произошли равныя силы: Сатана и Христосъ. Первородный Сатана есть существо злое по своей природѣ, а не по Божественному хотѣнію; собственно зло не есть цѣль его стремленій, таковой является скорѣе неумолимая законность въ соединеніи съ гнѣвомъ, наказаніемъ. Христосъ — есть Божественная доброта, спасающая любовь. Богъ раздѣлилъ между ними обоими теченія міровой жизни, при чемъ Сатана получилъ настоящій грядущій вѣкъ, почему ап. Павелъ и называетъ его Богомъ этого міра, Христосъ же получилъ вѣкъ будущій.

*) Греческое сочиненіе „о судьбѣ“, сохранившееся въ полномъ видѣ на сирскомъ языкѣ подъ заглавіемъ „книга законовъ странъ“, не принадлежитъ Бардезану.

**) Главнымъ образомъ въ двухъ сочиненіяхъ, носящихъ это названіе Nomiliae и Recognitiones.

Этотъ законъ противоположностей проходитьъ чрезъ все теченіе міровой жизни въ видѣ *сизигій* т. е. совмѣстнаго дѣйствованія двухъ противоположныхъ принциповъ. Сирійскій гносисъ и Маркіонъ объясняли міровую исторію противоположными по своему существу принципами; у евіонитовъ-гностиковъ они считаются принадлежностью существа Божія, Закономъ Божественной жизни. Христосъ, какъ принципъ добра, есть существо домірное, личное, дѣлавшееся человѣкомъ много разъ въ лицѣ 7 столповъ міра. Сначала въ образѣ Адама онъ открылъ религію, которую Сатана искажилъ чрезъ Еву, которая, какъ вообще всякая женщина, есть воплощенная чувственность и заблужденіе. Тотъ, кто рождается отъ мужа и жены, отчасти лжетъ, отчасти говоритъ правду.

Для возстановленія порядка, нарушеннаго враждебными силами, Христосъ въ теченіи міровой исторіи выступалъ, мѣняя съ именами свой видъ, какъ Адамъ, Енохъ, Авраамъ, Моисей, Илія, Исусъ, пока онъ, прошедши чрезъ всю міровую исторію, не возбудилъ къ себѣ состраданіе со стороны Бога и не успокоился навсегда послѣ этого тяжкаго труда.

Пророчество въ гомиліяхъ считается необходимымъ элементомъ всякаго богопознанія; заключается оно въ возбужденіи и просвѣщеніи врожденныхъ способностей. Сверх-естественный даръ обуславливается естественною способностію воспріятія. Евіониты-гностики считали себя вправѣ исключать, какъ сатанинскую прибавку то, что имъ не нравилось, казалось недостойнымъ Бога и возлюбленныхъ Его; напр. паденіе Адама, опьяненіе Ноя, многоженство Авраама, убіеніе, совершенное Моисеемъ. Итакъ, религіозное сознаніе поставлено, какъ высшая норма, выше св. Писанія; но для этого требуется, какъ необходимое условіе, чтобы это сознаніе было возстановлено въ первобытной чистотѣ однимъ изъ столповъ. Человѣческое религіозное сознаніе сравнивается съ домомъ полнымъ дыма, въ которомъ только столпъ остается не охваченнымъ и

*) Думаютъ что *alchai*, — названіе священной книги, чтимой елхазитами, а не названіе лица, основателя секты. *Real. encycl. Elkesaiten* (Uhlhorn).

отворяющимъ наружную дверь. Если воплощеніе Христа есть такое же, какія были прежде въ лицѣ Моисея, то христіанство есть только возстацовленный Моисеевъ законъ съ нѣкоторыми другими представленіями, обусловленными временемъ. Такъ жертвоприношенія должны прекратиться: «если вы не прекратите жертвоприношеній, то на васъ будетъ пребывать гнѣвъ Божій». Законы о жертвахъ въ Моисеево законодательство внесены рукой сатаны. Далѣе то, что до сихъ поръ было іудейскимъ тайнымъ ученіемъ, то благодаря Христіанству должно быть общимъ достояніемъ, религіей всего міра. Поэтому на преслѣдованіе Христа со стороны іудеевъ нужно смотрѣть, какъ на ошибку. «Если Иисуса что больше огорчаетъ, такъ это то, что тѣ, для которыхъ онъ трудился, какъ для своихъ дѣтей, по своему незнанію сдѣлались Его гонителями; но онъ любитъ ненавидящихъ его, оплакиваетъ непокорныхъ, благословляетъ порицающихъ Его». Это Онъ дѣлалъ не только самъ, какъ Отецъ; Онъ училъ и своихъ послѣдователей обращаться съ людьми, какъ съ братьями. Вся вина слагалась на фарисеевъ, которые знали истину и никому не сообщали.

Правственность, проповѣдуемая въ гомиліяхъ, состоитъ въ крайней воздержанности,—превознесеніи бѣдности, осужденіи богатства. Пищей служить только хлѣбъ, овощи, оливы.

Если евіониты гностики прежде высоко ставили дѣвство, доходя въ этомъ даже до запрещенія брака, то это было слѣдствіемъ ихъ взгляда на современный міръ, какъ на наслѣдіе сатаны и подпавшей подъ его власть женщины.—Впослѣдствіи они измѣнили этотъ взглядъ. Св. Епифаній замѣчаетъ, что брачную жизнь они считаютъ за самую прекрасную и наглядную картину своихъ отношеній ко Христу.

Главными дѣйствующими лицами гомилій являются апостолы Іаковъ и Петръ; апостоль Павелъ не упоминается ни гдѣ. Симонъ Волхвъ иногда говоритъ, какъ ап. Павелъ и, кажется, въ лицѣ Симона Волхва опровергается ап. Павелъ и эксцентричный послѣдователь Павла Маркіонъ. Слѣдующія слова ап. Петра къ

Симону Волхву, повидимому, направлены противъ разсказа объ обращеніи ап. Павла: «Зачѣмъ нужно было Христу цѣлый годъ оставаться съ своими учениками и наставлять ихъ, если можно было тотчасъ научить при посредствѣ видѣній?» Подъ враждебно настроеннымъ челоѣкомъ, о которомъ упоминается иногда безъ обозначенія имени, говорится, что онъ противится Петру и вводитъ чуждыя ученія, можно разумѣть ап. Павла; можетъ быть самый мифъ о вознесеніи мага на небо представляетъ изъ себя пародію на разсказъ ап. Павла о восхищеніи его до третьяго неба. Между евіонитами, о которыхъ говоритъ св. Епифаній, ходилъ разсказъ, будто ап. Павелъ былъ языческаго происхожденія, что, будучи прозелитомъ, онъ сватался къ дочери первосвященника и, послѣ того, какъ ему было отказано, онъ сталъ проповѣдывать противъ обрѣзанія, субботы и закона. Итакъ, гностицизмъ и іудейство (въ видѣ секты евіонитовъ)—вотъ элементы, изъ которыхъ составлено ученіе гомилій. Очень похожи на вышеписанныхъ евіонитовъ два вида, описанные св. Епифаніемъ: 1) *елкесоиты*, отъ еврейскаго слова *elchai*, сокровенная сила по переводу св. Епифанія;*) 2) *самтесеи* отъ *Schemesch*, переведеннаго по гречески словомъ (*ἡλιος*)—солнце, почему они и называются иногда *гелиогностами*, почитателями солнца. Почитателями солнца они названы не потому, что обоготворяли его, но потому, что во время утренней молитвы они обращались къ востоку, а не къ Іерусалиму, какъ это дѣлали другіе іудей.

Но между евіонитами гомилій и евіонитами Епифанія все-таки есть разница. Евіониты св. Епифанія требуютъ обрѣзанія для іудеевъ; у евіонитовъ гомилій на мѣсто обрѣзанія выступаетъ крещеніе. У евіонитовъ Епифанія существовала открытая вражда ап. Павлу; въ гомиліяхъ, какъ мы видѣли, — молчаніе нѣмой злобы.

О значеніи гомилій до сихъ поръ идутъ споры.

Recognitiones (встрѣчи) представляютъ изъ себя православную обработку, въ которой гностицизмъ отходитъ на второй планъ; вмѣсто 7-ми столповъ выступаютъ Адамъ и Христось; Моисей

только предтеча Христа,—слѣдовательно христіанство предпочтается іудейству.

V. *Манихейство*, которое можно назвать парсійскимъ гностицизмомъ, стремилось соединить христіанство съ парсизмомъ.

Мы знаемъ о манихействѣ изъ греческихъ, восточныхъ и латинскихъ источниковъ. Греческіе источники: Разсужденіе Архелая, еп. Харрсаго (въ Месоп. ок. 278) съ Манесомъ (можетъ быть не съ нимъ самимъ, а одноименнымъ съ манихейскимъ жрецомъ); сочиненія св. Епифанія и Кирилла. Восточные: извѣстія персидскихъ и арабскихъ авторовъ, которые смотрятъ на манихейство, какъ персидскую секту; особенно важенъ такъ называемый Sirist (987), нѣчто вродѣ исторіи литературы, составленный Jbn Abi Jakub an—Nadim (изд. *Studel, Mani, Lehre...* Leipz, 1862), въ которомъ находится много матеріала, взятаго изъ манихейскихъ сочиненій. Изъ латинскихъ источниковъ на первомъ мѣстѣ слѣдуетъ поставить сочиненія бл. Августина. Можно возражать противъ исторической цѣнности его сочиненій то, что это только полемическіе труды, что бл. Августинъ былъ только оглашеннымъ, въ таинства секты посвященъ не былъ; но это былъ проницательный ученый и его сообщенія согласны съ «Разсужденіемъ» Архелая и съ «Письмомъ основанія» (*Epistola Fundamenti*), латинскимъ переводомъ священной книги манихейства.

Персидская религія Зороостра (*Zerduscht*) основнымъ началомъ всего считаетъ Церуане—Акерене (*Zeruane Akerene*), изъ котораго произошли: Ормуздъ и Ариманъ, господствующіе и борющіеся за это господство боги. Добро должно побѣдить зло. Напротивъ магузей утверждали, что исконная борьба должна быть вѣчной. Мани (*Mani*) или Манесъ (*Manes*), пресвитеръ въ Агвацѣ, отлученный отъ церкви за свою приверженность къ парсизму и вражду къ Новому Завѣту, предпринялъ путешествіе по Индіи и Китаю, написалъ въ одной пещерѣ книгу, полную самыхъ разукрашенныхъ картинъ и символическихъ образовъ; въ ней онъ изложилъ свое ученіе, которое онъ, какъ магузей, проповѣдывалъ

въ половинѣ III вѣка. Въ царствованіе Багарамы, который у римлянъ называется Вараномъ I, онъ принужденъ былъ магами выступить въ публичномъ состязаніи, объявленъ былъ ими извратителемъ религии и, такъ какъ онъ не противорѣчилъ, то и былъ осужденъ. Съ него содрали кожу и повѣсили на стѣнѣ главнаго города. Трудно опредѣлить, что въ личной жизни Манеса истинное и что вымышленное.

ОЧЕРКИ ПО ВСЕОБЩЕЙ ЦЕРКОВНОЙ ИСТОРИИ.

(Окончаніе),

Манихейство, какъ это видно изъ достовѣрныхъ данныхъ, есть религія смѣшанная изъ разныхъ элементовъ. Благородные умы, объятые новой истиной, но держащіеся еще древне отеческой вѣры, ищутъ всеобъемлющей религіи. Манихейство заключаетъ въ себѣ парсизмъ въ его дулистической формѣ, съ его культомъ Митры и христіанства, въ его противоіудейской, гностической формѣ. Спорный вопросъ, въ какихъ отношеніяхъ онъ находится къ третьей великой религіи Востока буддизму. Ходила молва, будто Манесъ изучалъ книги Будды. Онъ признанъ у

Манеса пророкомъ. Древняя греческая форма отрицанія гласить: «проклиною Зороастра и Будду, предшественниковъ Манихеевъ.» Въ отношеніи къ христіанству манихейство извѣстно тѣмъ, что оно считаетъ Христа искупителемъ. Въ «Письмѣ основанія» Манесъ называетъ себя «апостоломъ Христа по произволенію Отца (*Manichaeus apostolus Christi providentia patris*). Но рядомъ съ этимъ воскресеніе, праздничный день христіанъ, онъ превратилъ въ день плача и поста. Съ парсизмомъ у Манеса общее то, что онъ учитъ о борьбѣ двухъ началъ и о смѣшеніи нравственнаго съ естественнымъ: свѣтъ, по его мнѣнію, есть не просто символъ добра, но самое добро и въ матеріи добро все то, что содержитъ свѣтъ. Масло и сердечная доброта мракъ и злоба—одного и того-же корня.

Отношеніе манихейства къ іудейству опредѣляется признаніемъ ученія офитовъ о паденіи какъ возвышеніи надъ духами, сотворившими міръ, а отсюда на христіанство, какъ на религію патріарховъ, сбросившую съ себя ненужныя и лишнія установленія іудейства.

Манихейское вѣроученіе даетъ свой взглядъ на міровую исторію. По церковнымъ извѣстіямъ взглядъ этотъ примыкаетъ къ ученію о двухъ богахъ. Но Фаустъ, ученый противникъ бл. Августина, говоритъ, что Манихеи никогда не учили о двухъ богахъ. Богъ вмѣщаетъ въ себѣ два принципа; но что-бы быть Богомъ, не значить быть принципомъ всякаго бытія, для этого достаточно быть принципомъ только всякаго блага, обезпечивши себѣ окончательную побѣду надъ зломъ. Послѣ долгой внутренней борьбы царство демоновъ соединилось для борьбы съ царствомъ свѣта. Начало этой борьбы—начало міровой исторіи. Первородный Сынъ Божій съ 5 чистыми стихіями борется съ царствомъ мрака, терпитъ пораженіе и, хотя спасается, однако теряетъ свое вооруженіе, часть свѣта, а также часть духовной божественной силы. Демоны желаютъ удержать его (что служить доказательствомъ превосходства добра, если даже у демоновъ есть потребность въ

немъ) и думаютъ, что они могутъ его удержать. Отсюда мировая исторія есть очищеніе, возвращеніе похищеннаго свѣта при постоянномъ противодѣйствіи демоновъ. Когда они пришли къ убѣжденію, что не могутъ удержать чуждый для нихъ свѣтъ непосредственно въ своемъ царствѣ, то они создали при посредствѣ его, какъ божественной силы, міръ и человѣка, въ которомъ они скрыли полноту свѣта. Поэтому не было первобытнаго грѣхопаденія человѣка; загадочный разладъ въ человѣкѣ манихействомъ не разрѣшается, а только объясняется. Человѣкъ съ самаго начала имѣлъ элементы божественные и діавольскіе, съ самаго начала въ немъ имѣли пребываніе силы неба и ада. Эта смѣлая мысль могла быть заимствована изъ національныхъ представленій. По Геродоту персы вѣрили, что въ каждомъ человѣкѣ есть добрая, свѣтлая и злая душа. По манихейскому ученію о міръ послѣ паденія Первороднаго принадлежащій ему свѣтъ, ставшій свободнымъ, раздѣлился на два свѣтлыхъ существа: Христа и Св. Духа, которые по количеству принадлежащаго имъ свѣта называются солнцемъ и луной и служатъ орудіями для переноса свѣта, отнятаго у земныхъ тѣлъ, въ свѣтлое царство. Другая часть его, названная христіанскимъ именемъ: «Страждущій Иисусъ» (Jesus patibilis), заключенная въ растительномъ царствѣ и оживляющая его, подобна скованному Прометею, по ихъ словамъ, каждый день рождается и каждый день умираетъ. Когда мало—по малу изъ Адама произошло человѣчество, собранный въ немъ свѣтъ разсѣялся, подпалъ соблазамъ матеріи и коварству демона, образовалъ язычество и іудейство. Но вотъ явился между людьми лично самъ Христосъ. Какъ сынъ свѣта онъ не могъ запятнать себя соединеніемъ съ матеріальнымъ тѣломъ; что бы быть видимымъ онъ принялъ только видимое тѣло. Его страданія могли быть только видимыми, но они были нагляднымъ образомъ связаннаго свѣта; его дѣятельность заключалась въ ученіи, притягательной силѣ и основаніи истинной церкви. Насколько явившійся въ человѣческомъ образѣ Христосъ отличается

отъ Первороднаго Сына Божія, а также въ послѣдующей борьбѣ съ царствомъ демона Параклетъ и самъ Манесъ, — опредѣлить трудно. Концомъ этой борьбы должно быть, по ожиданію Манихевъ, возвращеніе къ началу. Высшая власть свѣта сохраняется: похищенный и связанный свѣтъ освобождается и индивидуализируется въ вѣрующей части человѣчества; люди подпавшіе подъ власть матеріи остаются въ царствѣ демона и оба царства съ этихъ поръ будутъ раздѣлены навсегда.

Ветхій Завѣтъ манихеи отвергали, какъ испорченный демонами, съ Новымъ Завѣтомъ они обходились очень свободно, выбирая по произволу то, что имъ нравилось. Фаустъ говоритъ бл. Августину: «Мы принимаемъ изъ Новаго Завѣта только то, что написано къ чести Сына Славы. Имъ самимъ или его апостолами, подъ тѣмъ непремѣннымъ условіемъ, если они уже были совершенны. Мы не желаемъ ничего знать изъ того, что апостолы говорили, или по простотѣ или по незнанію истины, а также изъ того, что было подложено съ злымъ намѣреніемъ. Таковымъ я считаю рассказы о томъ, что онъ постыднымъ образомъ былъ рожденъ отъ Дѣвы, какъ іудей обрѣзанъ, крещенъ, былъ соблазненъ въ пустынѣ діаволомъ. Объявляя въ Новомъ Завѣтѣ Параклетъ учить насъ тому, что мы изъ него должны принять и что отвергнуть. Итакъ, ученіемъ Манеса впрямь опредѣляется то, что слѣдуетъ принять, именно «тайственное ученіе о крестѣ, которое показываетъ страданія и раны нашей души, а также спасительныя заповѣди, притчи и вообще все божественное ученіе.»

Что касается внѣшняго состоянія, то наиболѣе важнымъ является рѣзкое раздѣленіе на избранныхъ (*electi*) и слушателей (*auditores*), — послѣдніе нѣчто вродѣ оглашенныхъ православной церкви. Основаніемъ для такого дѣленія служило воззрѣніе, что матерія есть зло, отъ демона, но живое, свѣтлосъ въ ней свято. Избранные должны соблюдать заповѣди, суть которыхъ выражается въ *Signaculum sinus, oris et manus* (знакъ чрева, устъ и рукъ). Подъ *signaculum sinus* (чрево) — разумѣется воздержаніе отъ вся-

ких наслажденій особенно половых, подъ *signaculum oris* (устъ) — воздержаніе отъ мяса и спиртныхъ напитковъ, подъ *signaculum manus* (рукъ) — поврежденіе растений, срываніе плодовъ. Такъ какъ избраннымъ не позволялось срывать растенія, то избранные умирали бы съ голоду, если-бы не существовало благочестиваго обычая, состоящаго въ томъ, что имъ доставляли слушатели и, притомъ, главнымъ образомъ оливы, такъ ^{какъ} чрезъ употребленіе ихъ избранными по ихъ мнѣнію, освобождается свѣтъ. Изъ всего этого видно, что принятіемъ на себя обязанности отреченія отъ всякихъ удовольствій, они давали своимъ питателямъ родъ отпущенія, что говорить за то, что Манесъ имѣлъ намѣреніе сдѣлать воздержаніе всеобщимъ, можетъ быть и попытки дѣлалъ въ этомъ родѣ, и, если ограничился только нѣкоторыми избранными, то только потому, что человѣческая слабость не дозволяла ему осуществить свой идеалъ. Эти избранные въ послѣдствіи приняли на себя обязанности религіознаго управленія общиной, какъ священники. Изъ времени бл. Августина мы знаемъ мѣстное число этой іерархіи: 72 епископа, 12 учителей (*magistri*) и одинъ представитель Манеса. Можетъ быть это только планъ, не всегда выполняемый, такъ какъ покрайней мѣрѣ нѣтъ никакого слѣда резиденціи первосвященника, представителя Манеса. Однако по требованію бл. Августина ему былъ обѣщанъ манихейскій епископъ и, наконецъ, было посланъ.

Манихеи тогда славились своимъ глубокимъ проникновеніемъ въ тайны природы. Этимъ занятіемъ посвящали себя преимущественно 12 учителей. Но такъ какъ у нихъ вмѣсто числа, мѣры и вѣса господствовала фантазія, то не могло быть рѣчи о серьезномъ изслѣдованіи природы, какъ это находилъ и бл. Августинъ. Въ простомъ культѣ слушающихъ, по видимому, не было особенныхъ священныхъ дѣйствій. О крещеніи бл. Августина не было рѣчи, хотя онъ былъ манихеемъ около 9 лѣтъ. Въ святилищѣ избранныхъ о крещеніи водою, какъ произшедшемъ отъ іудевъ, не могло быть рѣчи, могло развѣ быть нѣчто вродѣ крещенія мас-

ломъ. Ученіе, будто чрезъ человѣческое зачатіе разсѣвается божественный свѣтъ, и освобождается отъ вкушенія человѣческаго семени въ евхаристіи, повело къ отвратительному обряду — употребленію евхаристіи, смѣшанной съ человѣческимъ сѣменемъ*).

Не смотря на преслѣдованія Діоклитіана, которымъ манихейство, какъ персидская секта, подверглась раньше, чѣмъ христіанство, не смотря на убійственныя нападенія бл. Августина, его прежняго приверженца, манихейство распространилось въ трехъ частяхъ свѣта и было побѣждено церковью только около VII вѣка. Но слѣды манихейскихъ взглядовъ не умерли въ продолженіи всѣхъ среднихъ вѣковъ и отчасти проявляютъ свою силу и въ настоящее время.

Общій взглядъ на гностицизмъ. Православная церковь въ первыя вѣка обращала главное вниманіе на благочестивое расположеніе духа и добрыя дѣла, а гностицизмъ главное вниманіе обращалъ на знаніе. Василидъ писалъ объясненія на Св. Писаніе, его сынъ Исидоръ — сочиненія по нравственнымъ вопросамъ. Валентинъ и Бардезанъ были христіанскими поэтами. Все способствовало развитію христіанской науки. У послѣдователей Валентина и Керноорста были картины религіознаго содержанія, что служить доказательствомъ заботъ гностиковъ объ искусствѣ. Гностицизмъ представляетъ изъ себя попытку понять міровую исторію съ точки зрѣнія христіанства, что показываетъ, что христіанству уже тогда придавали всемірноисторическое значеніе. Сильная сторона гностицизма заключается въ томъ, что измышленія фантазіи онъ выдавалъ или за изреченія разума или за священное преданіе. Коль скоро Эоны являются только олицет-

*) August. de haeres. c. 46: Qua occasione vel potius execrabilis superstitionis quadam necessitate coguntur electi eucharistiam conspersam cum semine humano sumere, ut inde substantia divina purgetur. Правда самъ бл. Августинъ увѣряетъ, что nihil turpa geri vidi, sed solum contra fidem. однако слушателю (audito) запрещалось входить въ святилище избранныхъ (electi). Розыски произведенныя въ Римѣ при св. Львѣ Великомъ доказали это, хотя, можетъ быть, здѣсь произошло смѣшеніе манихеевъ съ распущенной сектой кабаристовъ.

вореніемъ свойствъ, состояній и развитія абсолютнаго существа — а такое пониманіе Эоновъ свойственно почти въсьмъ гностическимъ системамъ — то для ихъ опредѣленнаго порядка, числа, формы, всегда будетъ отсутствовать разумная необходимость; въра въ нихъ возможна только на почвѣ образованія, возростаго среди мифовъ полетеизма.

Полемика Плотина была направлена противъ тѣхъ, которые говорили, что міръ наполненъ зломъ и творецъ его ничтоженъ. Неразумные люди совращаются, слушая такія рѣчи, а также будто будутъ лучше не только всѣхъ другихъ людей, но даже сотворившихъ міръ боговъ, такому высокоумію онъ противопоставляетъ красоту міра, какъ живое подобіе Божества.

Гностики не сразу стали считаться церковью за еретиковъ. Василідъ не хотѣлъ прерывать общеніе съ церковью; его послѣдователи группировались около него только какъ «знающіе», «и пневматики». Валентинъ, какъ человѣкъ талантливый и ораторъ (Тертуліанъ говоритъ о немъ, что онъ отличался ingenio et loquio) могъ ожидать, что будетъ епископомъ въ Александріи. Лица вроде Татіана и Бардесана показываютъ, какъ мало гностики старались выставить на видъ противоположность своего ученія ученію церкви. Въ тогдашнемъ церковномъ сознаніи не было недостатка въ точкахъ соприкосновенія. Напр. можно было найти (хотя и очень малое) сходство Эоновъ съ Ангелами, какъ ихъ описываетъ св. Іустинъ мученикъ, который видитъ въ нихъ, какъ лицахъ, стоящихъ между Сыномъ и Св. Духомъ, непосредственно предъ собою, предметъ религіознаго почитанія. Можно было найти сходство между Сыномъ — Словомъ ($\lambda\acute{o}\gamma\omicron\varsigma$) и Св. Духомъ и высшими гностическими Эонами, хотя нужно замѣтить, что ни въ Священномъ Писаніи, ни въ церковномъ сознаніи, нельзя было найти ни малѣйшаго намека на множество такихъ существъ, какъ Сынъ и св. Духъ, какъ это требовалось у гностиковъ. Гностическое презрѣніе міра соотвѣтствовало тогдашнему христіанскому чувству. Рѣшительно противорѣчило ему униженіе ветхозавѣтнаго Творца

міра. Св. Іустинъ въ отрывкѣ своего сочиненія противъ Маркіона говоритъ: «не повѣрилъ-бы Самому Господу, если-бы онъ возвѣщаль о другомъ Богѣ, кромѣ Творца міра!» Св. Иринеи порицаетъ гностиковъ за произвольное объясненіе Св. Писанія: они, по его словамъ, изъ величественнаго изображенія царя сдѣлали изображеніе собаки или лисы и тѣмъ не менѣе утверждали, что это образъ царя. Изъ понятія абсолютнаго, самосушаго, существенныхъ свойствъ Божества, — вытекаетъ прямой выводъ, что другихъ боговъ, ограничивающихъ Его и Ему подчиненныхъ, быть не можетъ. По какому праву гностики считали себя обладающими знаніемъ Верховнаго Бога, которымъ по ихъ ученію, не обладалъ самъ Демургъ?

Тертуллиану, этому міроненавистнику, презрѣніе къ міру со стороны гностиковъ казалось нечестивымъ. «Должно быть не безъ извѣстно, что эти проявленія существа Божія есть и въ твореніи: душа человѣческая съ самаго начала получила, какъ даръ, сознаніе о Богѣ». Если истинное богопознаніе приходитъ чрезъ искупленіе, то почему его не могло быть при твореніи? Богъ или не хотѣлъ дать его или не могъ. Первое не совмѣстимо съ его благодію, второе съ Его всемогуществомъ. Противъ докетическаго взгляда на жизнь Іисуса Христа выставлялось то, что тогда все было бы въ немъ только видимость и обманъ, какъ смерть, такъ и воскресеніе. Климентъ Александрійскій особенно порицалъ гностиковъ за ихъ презрѣніе къ брачной жизни, выставляя на видъ то соображеніе, что тогда все человѣчество прекратилось бы въ самомъ ближайшемъ времени, противъ чего наиболѣе вѣрующіе, конечно, ничего не имѣли. Маркіона онъ называетъ гигантомъ борющимся съ Творцемъ. Вообще противъ гностицизма выставлялись всеми признанныя христіанскія истины: Богъ сотворилъ міръ безъ всякой нужды, вслѣдствіе полноты своей любви, зло есть изъ одно условій конечнаго и нравственной свободы, Ветхій и Новый Завѣты даны однимъ Законодателемъ и поэтому не противорѣчатъ другъ другу.

Во II и III на гностиковъ смотрѣли уже какъ на еретиковъ. Церковь сознала вредъ догматическихъ и нравственныхъ гностическихъ принциповъ. Гностики никогда не были многочисленными; жили они большею частью въ городахъ, образуя изъ себя скорѣе школы, чѣмъ церкви.

Свящ. І. Дроздовъ.

ОЧЕРКИ ПО ВСЕОБЩЕЙ ЦЕРКОВНОЙ ИСТОРИИ.

Монтанизмъ

Herzog, Abr. d. ges. Kirchg. т. 1-й Egl. 1876.

Монтанизмъ не есть результатъ дѣятельности человѣка, имя котораго онъ носить. Правда, онъ воплотился въ лицѣ Монтана, который далъ ему могучій импульсъ; но если монтанизмъ имѣлъ такіе результаты, если онъ нашелъ воспримчивую почву, приобрѣлъ послѣдователей, раздѣлявшихъ его воззрѣнія и стремленія, и произвелъ въ церкви значительный переворотъ, то это потому, что раньше его существовало теченіе, уже заключавшее въ себѣ подобныя стремленія и воззрѣнія, которыя онъ только еще болѣе развилъ. Также мало можно производить монтанизмъ просто изъ вліянія народнаго фригійскаго характера, склоннаго къ чувственному, исполненному энтузіазма, почитанію Божества. Но при этомъ нельзя не признать въ монтанизмѣ присутствія языческо-фригійскаго элемента, нельзя не признать въ немъ воздѣйствія язычества на христіанство. Правда, нельзя отрицать того факта, что монтанисты—достаточно назвать одного Тертулліана—много полемизировали съ язычествомъ; но это не служитъ препятствіемъ къ признанію въ монтанизмѣ языческаго элемента. Этотъ языческо-фригійскій элементъ есть пятно, котораго монтанизмъ не могъ изгладить до самаго своего прекращенія.

Впрочемъ самое имя «монтанизмъ» позднѣйшаго происхожденія: ни Тертулліану, ни Евсевію оно не было извѣстно. Вдвойнѣ замѣчательно то, что Евсевій и древніе писатели, изъ которыхъ онъ заимствуетъ свои свѣдѣнія, говорятъ только объ «ереси фри-

гійцевъ» (φρογῶν αἰρεσις) «мыслящихъ по фригійски (οἱ κατὰ φρογᾶς).

Около половины II вѣка—болѣе точно опредѣлить время трудно—изъ энтузіастовъ, жившихъ въ Фригіи или вблизи ея*), особенно выдавался Монтанъ, бывшій вѣроятно прежде жрецомъ Цибелы (Дидимъ de trin называетъ его ἱερεὺς εἰδώλου; Иеронимъ, ad Marcell: abscissum et semivirum) и перешедшій недавно предъ этимъ въ христіанство. Появился онъ сначала въ *Ардабанъ* (Αρδαβάν), мѣстечкѣ (χωρη) въ Мизіи, пограничномъ съ Фригіей, впослѣдствіи въ *Пепузъ* въ Фригіи (отсюда и названіе монтанистовъ у св. Епифанія «Пепузіане»). Вѣроятно онъ впадалъ въ изступленіе, экстазъ даже во время богослуженія, причемъ свои откровенія онъ приписывалъ Параклету, считая себя Его орудіемъ. Въ загадочныхъ, мистическихъ выраженіяхъ, которыя современники называли «странными, чуждыми» (ξενοφωνία), онъ возвѣщалъ людямъ, напуганнымъ происходящими гоненіями, еще новыя и увѣщевалъ ихъ къ неустрашимому исповѣданію вѣры. Онъ возвѣщалъ судъ божій надъ гонителями церкви, близкое второе пришествіе Христа и осуществленіе тысячелѣтняго царствованія, славу котораго онъ описывалъ въ яркихъ краскахъ. Онъ выставялъ себя также какъ религіознаго реформатора. Онъ говорилъ, что его назначеніе состоитъ въ томъ, чтобы привести церковь къ высшей степени совершенства, къ болѣе строгой ответственности какъ въ теоріи, такъ и на практикѣ. Онъ ссылался на обѣщаніе Спасителя, что Духъ Св. откроетъ то, что Имъ еще не открыто апостоламъ. Онъ считалъ себя вправѣ давать заключенія по догматическимъ вопросамъ. Впрочемъ онъ не затрогивалъ ученія православной церкви. Къ нему присоединились двѣ женщины: Максимилла и Прискилла (Приска), считавшія себя пророчицами. Прискилла рассказывала: «мнѣ явился Спаситель въ ви-

*) Псевдо-Тертулл. называетъ въ числѣ основателей Монтанизма Прокла и Есхина; Евсевій—Алкивіада, Александра, Θεμισона; испанскій епископъ Паціанъ—Власта, Левкія и Карина.

дѣ жены, одѣтый въ блестящую одежду, подошелъ ко мнѣ, вложилъ въ меня мудрость и открылъ мнѣ, что это мѣсто свято и что здѣсь сойдетъ съ неба Іерусалимъ». Что Монтаномъ и его спутницами сказано отрывочно и языкомъ чувства, то Тертуллианомъ приведено въ систему; впрочемъ нужно быть осторожнымъ, и не приписать необразованному Монтану мысли образованнаго Тертуллиана.

Монтанистическія откровенія съ самаго начала приняли форму языческой мантики (прорицанія). Монтанъ говоритъ объ этомъ совершенно ясно: «вотъ, человѣкъ, какъ лира, и Я (Духъ св.) играю какъ плектронъ (орудіе для удара по струнамъ). Человѣкъ спитъ, а Я бодрствую. Вотъ Господь, который приводитъ въ экстазъ человѣческія сердца и даетъ сердца людямъ». «Я Богъ, Вседержитель, обитающій въ человѣкѣ».

Въ отношеніи къ дѣйствию Духа человѣкъ является существомъ настолько страдательнымъ, что теряетъ сознание. Это подтверждаютъ спутницы Монтана. Онѣ ссылались на мѣста Вѣтхаго Завѣта — напр. на то, что Господь навелъ на Адама «изступленіе» (*ἔκστασις* — неправильный переводъ 70 толковниковъ Быт., II, 21, вмѣсто «сонъ»). Тертуллианъ ссылался на то, что по свидѣтельству евангелиста Луки (IX, 33) Петръ во время преображенія Христа, не зналъ, что говорилъ, на то, что многіе познають Бога во время сна (*de anima* с. 47) и другіе случаи. По этому Тертуллианъ сущъ монтанистическаго ученія объ откровеніи формулируетъ слѣдующимъ образомъ: «по сколько человѣкъ находится подъ вліяніемъ Духа Божія, по сколько онъ осѣняется Божественной силой, по столько онъ подчиняется необходимости лишаться чувствъ»). Это уже совершенно языческій принципъ, безусловно противоположный откровенію какъ Вѣхозавѣтному, такъ и Новозавѣтному, который, если ему послѣдовать, могъ произве-

*) *Homo in Spiritu Dei constitutus necesse est excidat sensu, obumbratus virtute divina (adv. Marc. 4. 22) in causa novae prophetiae gratiae ecstasin, i. e. a mentium convenire (ibid).*

сти самыя печальныя слѣдствія. Сами монтанисты старались уменьшитъ значеніе этого принципа и тѣмъ сдѣлать его менѣе опаснымъ. Такъ они учили, что по крайней мѣрѣ въ нѣкоторыхъ пунктахъ Параклетъ не приноситъ ничего новаго, что онъ болѣе *restitutor* (возстановитель), чѣмъ *institutor* (установитель), что послѣ Монтана и его спутницъ «не будетъ болѣе ни пророковъ, ни пророчицъ, но придетъ конецъ всему этому». Они прославляли открывающагося имъ Параклета, какъ руководителя ко всякой истинѣ.

Христіанская нравственность была ближайшимъ полемъ для осуществленія идеаловъ монтанизма. Въ основаніе положено то, что чѣмъ болѣе міръ идетъ къ своему концу (*collectiore tempore, sub extremitatibus temporum*), тѣмъ менѣе нужно щадить слабость тѣла; вслѣдствіе этого, такъ какъ человѣческія грѣхи главнымъ образомъ относятся къ области чувственности и объяденія, то противъ нихъ направлены самыя строгія преценія; строгіе посты (*ἔηροφαγία*), соблюдаемые аскетами, поставлены закономъ для всѣхъ; посты предписывались даже въ «дни стояній» (праздники); второй бракъ запрещался безусловно, превозносилась безбрачная жизнь, бракъ приравнивался къ прелюбодѣянью. Для духовныхъ, для дѣйствительности совершаемыхъ ими таинствъ, безбрачіе существенно необходимо.

Тотъ-же чрезмѣрный ригоризмъ проглядываетъ и въ безусловномъ запрещеніи избѣгать гоненій: «не умирайте въ своихъ постеляхъ, умирайте мучениками, чтобы прославлялся Тотъ, кто за васъ пострадалъ,» таково откровеніе Параклета, сообщенное одному изъ «пророковъ».

Изъ монтанистическихъ откровеній для тѣхъ, кто ихъ держался, вытекало особенное отношеніе къ христіанству, къ церкви, ея управленію, дисциплинѣ. Хотя монтанисты, повидимому, держались одной вѣры, однихъ таинствъ съ господствующею церковію, однако это не мѣшало имъ смотрѣть на себя, какъ на людей совершенныхъ, людей духа, а на свою общину, какъ на состоящую

изъ людей святыхъ, просвѣщенныхъ духомъ Божиимъ.

Они считали только себя дѣйствительно духовными людьми, *пневматиками* (духовными) въ отличіе отъ *психиковъ*, «не при-емлющихъ Духа» (ср. 1 Кор. II, 14), приверженцевъ епископовъ, противниковъ Духа, людей, имѣющихъ только душу (отличную отъ духа, *пнеѳма*) и тѣло. Ясно, что при такихъ воззрѣніяхъ ихъ признаніе господствующей церкви, какъ церкви Христовой, было только кажущимся.

Изъ тѣхъ-же откровеній св. Духа, которыя въ различныя времена обнаруживаются то на томъ, то на другомъ вѣрующемъ, изъ одинаковаго требованія святости отъ всѣхъ вѣрующихъ слѣдовало полное отрицаніе іерархіи. Идея всеобщаго священства употреблялась какъ оружіе для нападенія на духовное сословіе, на епископовъ. «Мы всѣ священники, говоритъ Тертуліанъ, такъ какъ Господь сдѣлалъ насъ священниками Богу и Отцу». Каждый христіанинъ одинаково обязанъ исполнять церковныя постановленія, такъ что напр. требованіе единобрачія одинаково обязательно какъ для епископа, такъ и для мірянина. И мірянинъ, руководимый Духомъ Божиимъ, имѣетъ право совершать таинства; если онъ предоставляетъ это право епископамъ, то это онъ дѣлаетъ по человѣческому праву, а не по Божественному (*propter ecclesiae honorem*). Различіе между клиромъ и мірянами опредѣляется церковію, которая не есть церковь истинная и не соотвѣтствуетъ понятію объ истинной церкви. «Церковь въ сущности есть Духъ; Онъ собираетъ церковь, которая, по слову Господа можетъ состоять изъ трехъ человѣкъ». Церковныя дѣла, поэтому, вершитъ только церковь духа чрезъ духовныхъ людей, а не церковь, имѣющая извѣстное число епископовъ (*de pudicit c. 21*). Только та церковь, епископы и законодатели которой суть ученики Параклета, можетъ отпускать грѣхи; но она не дѣлаетъ этого, чтобы не дать повода людямъ грѣшнить *).

*) Tert. de pud. c. 21: potest ecclesia donare delictum, sed non faciam, ne et alia delinquant.

Такъ какъ монтанистическое ученіе объ откровеніи заключало въ себѣ полное преобразование церковнаго устройства, даже нѣчто вроде разложенія его, то вездѣ, гдѣ это ученіе имѣло примѣненіе, должны были слѣдовать перемѣны въ церковной дисциплинѣ. Какъ монтанисты, такъ и православные были согласны въ томъ, что есть грѣхи, которые могутъ быть отпускаемы въ таинствѣ покаянія. Отъ нихъ слѣдуетъ отличать тѣ грѣхи, которыми ниспровергается все основаніе вѣры. Эти грѣхи, церковь не имѣетъ права прощать. Къ такимъ грѣхамъ принадлежали: убійство, идолопоклонство, прелюбодѣянiе, развратъ. Противъ этихъ грѣховъ въ особенности вооружились тогда, когда епископъ римскій Зефиринъ объявилъ, что людей, совершившихъ эти грѣхи, не слѣдуетъ принимать вновь въ общеніе. Въ возгорѣвшемся по этому поводу спорѣ разсуждали не о томъ, могутъ-ли эти грѣшники чрезъ покаяніе достигнуть отпущенія грѣховъ, а о томъ, имѣетъ-ли право церковь принимать ихъ вновь въ общеніе. Перваго монтанисты не отрицали безусловно, считая, что это слѣдуетъ предоставить волѣ Божіей; второго они не хотѣли допустить ни подъ какимъ предлогомъ: это противорѣчило ихъ понятію о святости церкви.

Такимъ образомъ церковные уставы должны были усовершенствоваться и примѣняться сообразно продолжающимся и теперь наставленіямъ Параклета. Онъ можетъ отмѣнить то, что дозволено ап. Павломъ. *) Онъ не связанъ никакимъ церковнымъ обычаемъ. «Нашъ Господь Христосъ называлъ себя истиной, а не обычаемъ... Ереси побѣждаетъ не столько ихъ повивна, сколько истина. Для насъ ересь все то, что несогласно съ истиной, хотя бы это былъ и древній обычай». (De virg. vel. c. I.) Тертуллианъ т. о. вводитъ въ библейское откровеніе законъ постепеннаго развитія (эволюціонизмъ). «Смотри, какъ растеніе постепенно развивается до плода; сначала существуя въ видѣ зер-

*) Si Christus abstulit, quod Moyses praecepit, cur non paracletus abstulerit, quod Paulus indulsit? De monog. c. 14.

на, изъ зерна становясь кустомъ и т. д., такъ и праведность. Въ своихъ первыхъ началахъ она была самой себѣ предоставленной, боящейся Бога, природой; затѣмъ, чрезъ законъ и пророковъ она приходитъ въ дѣтскій возрастъ, чрезъ евангеліе она получаетъ огненную юношескую силу, чрезъ Параклета она приходитъ въ зрѣлость». Здѣсь монтанизмъ попадаетъ на опасный пунктъ. Если теперь періодъ Параклета, то, слѣдовательно, въ апостолахъ не было Его. Съ этимъ согласуется то, что мы привели выше, именно, что Параклетъ отмѣняетъ то, что учредилъ ап. Павелъ, что господство Параклета начинается послѣ апостоловъ, что апостольскій періодъ, какъ періодъ юношескій, отличается отъ періода монтанистическаго, какъ періода зрѣлости. - Чтобы не впадать съ собою въ противорѣчіе, монтанисты старались выйти изъ затрудненія чрезъ различеніе Святаго Духа, пребывавшаго и дѣйствовавшаго въ Апостолахъ, и Параклета, дѣйствовавшаго въ Монтанѣ и его послѣдователяхъ. Такъ конецъ Монтанизма соотвѣтствуетъ его началу. Ничего нѣтъ удивительнаго въ томъ, что какъ въ самомъ началѣ онъ удалился отъ священнаго писанія, такъ не пришелъ къ нему и въ концѣ своего существованія.

Вполнѣ естественно ожидать, что такое явленіе, какъ монтанизмъ, возбудитъ большое движеніе, пріобрѣтетъ какъ жаркихъ послѣдователей, такъ и ожесточенныхъ враговъ. Привлекательныя стороны монтанизма для его послѣдователей заключались въ его экстатическомъ, мечтательномъ характерѣ, извѣстной духовной гордости, извѣстномъ духовномъ ригоризмѣ, по которому христіанская жизнь далеко не соотвѣтствуетъ своему идеалу. Къ этому у нѣкоторыхъ можетъ быть присоединялся страхъ предъ отвергающими христіанство спекуляціями гностиковъ.

Число совращенныхъ Монтаномъ при своемъ выступленіи въ качествѣ проповѣдника не могло быть такъ малымъ, какъ передаетъ объ этомъ одинъ анонимный писатель, приводимый въ исторіи Евсевія Кесарійскаго (V, 16). Впрочемъ этотъ же анонимный писатель говоритъ, что новое пророчество обмануло цер-

ковъ въ Анкирѣ въ Галатіи. Изъ противниковъ въ Малой Азіи слѣдуетъ упомянуть *Клвдія Аполлинарія*, епископа Іерапольскаго во Фригіи, *Милтіада*, опровергавшаго монтанистическое ученіе объ откровеніи, затѣмъ вышеупомянутаго анонимнаго писателя, который сообщаетъ очѣнь неблагопріятныя вещи относительно Монтана, его спутницъ, а также Θεодота, вещи, относительно которыхъ онъ, впрочемъ, не рѣшается сказать, насколько онѣ истинны; этотъ же писатель считалъ вдохновеніе, которымъ они славились, дѣломъ діавола. Самые жаркіе ихъ противники — такъ называемые алоги. Но едвали вѣроятно какъ извѣщаетъ вышеупомянутый анонимный писатель, что въ Малой Азіи монтанисты уже около половины второго вѣка были отлучены отъ церкви. Кажется, инициатива отдѣлиться отъ церкви принадлежала имъ самимъ, когда спустя нѣкоторое время, они, не смотря на испытанныя ими противодѣйствія, рѣшили остаться при своихъ убѣжденіяхъ. Въ Римѣ монтанизмъ встрѣтилъ сочувствіе среди многихъ, какъ это показываетъ расколъ Новаціана. Самъ римскій епископъ, вѣроятно Елевѣерій (170 — 185), по свидѣтельству Тертулліана, былъ готовъ признать монтанистическихъ пророковъ — конечно въ весьма условномъ видѣ, но былъ удержанъ отъ этого Праксеємъ. Къ болѣе или менѣе мягкому сужденію о монтанистахъ Елевѣерій былъ склоненъ посланіемъ ліонской церкви, въ которой было много монтанистически настроенныхъ членовъ. Это посланіе, принесенное пресвитеромъ св. Иринеємъ, быть можетъ и имъ составленное, повидимому уменьшаетъ значеніе споровъ между православными и монтанистами, опровергаетъ нѣкоторыя неправдоподобныя обвиненія, взводимыя на послѣднихъ, совѣтуетъ поступать съ ними сообразно съ христіанскою любовію. Но Праксей склонилъ Елевѣерія въ другую сторону, указавъ ему на примѣръ его предшественниковъ Аникиты и Сотера и представивъ ему монтанистическія общины въ неблагопріятномъ свѣтѣ. Самъ св. Иринеій переѣмилъ свое мнѣніе о монтанистахъ (adv. haer. 3, 11. 9). Онъ писалъ противъ монтанизма въ своемъ сочиненіи «о расколѣ»

(περί σχισματος), направленномъ противъ Власта, который вѣроятно былъ монтанистомъ (Евс. 5, 14 — 15). Въ Африкѣ зачатки монтанизма существовали еще прежде, чѣмъ выступилъ здѣсь Тертуліанъ, принесшій ему въ жертву все силы своего оригинальнаго, просвѣщеннаго ума. Допуская прежде послѣ крещенія покаяніе (de poenit. 7 и сл.), теперь онъ рѣшительно этого не допускаетъ (de pudic. с. 16); считая дозволеннымъ прежде бѣгство отъ гоненій (ad ixor с. 3), теперь онъ отвергаетъ это въ особомъ сочиненіи (de fuga in persecutione). Въ Карфагенѣ даже образовалась монтанистическая община, получившая названіе „тертуліанистовъ“, обратившихся впослѣдствіи къ православной церкви (August. de haeresibus с. 86). Монтанизмъ на западѣ по имени былъ отвергнутъ, но монтанистическія идеи и сочиненія Тертуліана пользовались уваженіемъ. На послѣднихъ воспитался св. Кипріанъ. Но даже сильный духъ Тертуліана не могъ монтанизму дать средствъ для болѣе долгой жизни.

ОЧЕРКИ ПО ВСЕОБЩЕЙ ЦЕРКОВНОЙ ИСТОРИИ.

Ересь антитринитаріевъ или монархіанъ.

Thomasius, Dogmengeschichte, т. 1-й, Erlangen, 1886.

Въ концѣ II вѣка въ церкви возникла ересь монархіанъ или антитринитаріевъ, въ которой возобновились и притомъ въ высшей степени прежнія уже осужденныя еретическія направленія евіонизмъ и докетизмъ. Эта ересь стремилась сохранить безусловное единство Божества, чему, казалось, препятствовало ученіе объ ипостаси Слова. Она не хотѣла допускать никакого личнаго различія (*ἰδίᾳ οὐσίας περιγραφή*) въ существо Божіе, не хотѣла, поэтому, признавать никакого личнаго бытія (*ἰδιότης*) Сына; Божество Христа, одно со Отцемъ, ни чѣмъ не отличается

отъ Него т. е. отъ Божества вообще. Основная мысль этой ереси — единство Бога (μοναρχία). Таково отличительное свойство этого направлѣнія въ противоположность общецерковному.

Монархіанство распадается на два другъ другу противоположные класса. Одно (*динамистическаго или евіоническаго* направлѣнія) признаетъ Христа просто историческою личностію, уничтожая въ немъ божественное, другое (*модалистическаго или патринассіанскаго* направлѣнія) главное вниманіе обращаетъ на единство Его со Отцемъ уничтожая личное различіе между ними; одно идетъ снизу — рассматриваетъ Христа съ точки зрѣнія историческо-человѣческой и низводитъ Его до степени простаго человѣка; другое рассматриваетъ Его какъ Христа съ небеси (χαθ' οὐρανόν) признаетъ въ Немъ пребываніе Божества, хотя и безличнаго, при чемъ отводится на второй планъ Его человѣчество*). Своеобразнымъ пониманіемъ догмата они ставили дилемму или уничтожить исповѣдуемое церковію дѣйствительное и истинное единство Сына со Отцемъ или удерживъ Его, при личномъ различіи, перенести это различіе въ самое существо Бога.

а) Впервые зачатокъ этого ученія — мы можемъ назвать его рационалистическимъ — показался на западѣ, въ Римѣ, гдѣ выступилъ около 190 г. съ возобновляемыми евіонитскими заблужденіями *Теодотъ Кожевникъ*, изъ Византіи. По его ученію Искупитель былъ обыкновеннымъ человѣкомъ, отличавшимся отъ другихъ только праведностію**). Почти одновременно (210)? подобное ученіе, нѣсколько измѣненное, проповѣдывалъ другой *Теодотъ Мнѣяла* и еще познѣе (около 235 г.) *Артамонъ* (Артема) ученіе котораго бл. Теодоритъ передаетъ слѣдующимъ образомъ: «Иисусъ Христосъ есть простой человѣкъ, рожденный отъ Дѣвы, лучший пророковъ добродѣтелию». (Наег. fab. 2, 4). Около нихъ образовалась многочисленная школа (Асклепіадъ, Гермофилъ, Наталіосъ и

*) Такъ эти направлѣнія описываютъ Оригенъ и Новаціанъ.

***) Евс. v. 28 Псевдо-Тертулл. adv. omn. haer., 8.: Christum hominem, a Spiritu quidem s. natum ex virgine, sed hominem solitarium atque nudum. a alia grae caeteris nisi sola justitiae auctoritate. Phisoph. VII, 35; Epiph. h. 54.

др.), просуществовавшая почти весь III вѣкъ, нашедшая доступъ въ Римъ и даже возымѣвшая притязанія сдѣлать свое ученіе общецерковнымъ. Миѣніе этихъ сектъ, имѣвшихъ много общаго съ такъ называемыми алогами*), заключались въ томъ, что личность Христа была чисто человѣческой, при чемъ не отрицалось, что во Христѣ обитало Божество. Это Божество они представляли не въ видѣ личнаго Логоса (этого названія они вообще избѣгали), но въ видѣ божественной силы, которая сообщалась Христу или во время рожденія или крещенія и съ этого момента дѣйствовала въ Немъ и освящала Его. (Eriph. Panar. 51. 54. 55 сравн. Philos. VII, 35, 36; X, 23. 24).

Это былъ тотъ пунктъ, на которомъ впоследствии (260) *Павелъ Самосатскій*, епископъ Антиохійскій, построилъ свою теорію. Онъ выходилъ изъ строго унитарнаго понятія о Богѣ. Логосъ—терминъ, взятый имъ изъ господствующаго ученія—по его ученію есть только разумъ въ Богѣ, божественное самосознаніе, лично не отличное ни отъ Отца ни отъ св. Духа (*ἀναίρει τὴν τοῦ υἱοῦ ὑπόστασιν*) Христосъ, хотя и сверх-естественно рожденъ, но по природѣ обыкновенный человѣкъ (*καὶ τὸς τὴν φύσιν ἄνθρωπος—Χριστὸς κατῶθεν. υἱοῦ ὑπόστασιν*). Въ своемъ отрицаніи божественности Христа Павелъ зашелъ такъ далеко, что отмѣнялъ церковныя пѣсни, гдѣ Онъ прославлялся какъ Богъ подъ тѣмъ предлогомъ, что тѣ новѣйшаго происхожденія, чѣмъ возбудилъ большой соблазнъ. Но человѣкъ Иисусъ, по ученію Павла, дѣйствовалъ по внушенію свыше, былъ одушевленъ божественнымъ Логосомъ (*ἐνέπνευσεν ἐν αὐτῷ ἄνωθεν*); въ немъ пребывала въ высшей степени, чѣмъ у Моисея и пророковъ божественная Премудрость, но не въ видѣ личности, а только въ видѣ свойства (*οὐκ ὁσιωδῶς, ἀλλὰ ποιότητα* **) Пребываніе Божества дѣлало Иисуса Сыномъ Божиимъ. Подобно своимъ предшественникамъ Павелъ считалъ это главной движущей

*) Противники ученія о Логосѣ—Словѣ, названные такъ св. Епифаніемъ (51, 3), „такъ“ какъ они не принимали ученія о Логосѣ, возвѣщеннаго Іоанномъ и, отвергали его евангеліе. Съ ними боролся уже Мелитонъ.

**) Евс. VII, 17-30; Епиф. haev. 65, 1; фрагменты (отрывки) у Routh Reliquiae Sacrae т. III.

причиной (принципомъ) нравственнаго совершенства Иисуса, но при той энергіи, съ какой онъ проводилъ эту мысль, онъ зашелъ дальше ихъ. Пребываніе Божества, училъ Павелъ, было причиной того, что Онъ достигъ той степени совершенства и общенія съ Богомъ, которая сдѣлала Его достойнымъ божескаго имени, даже обожествленія (*ὁστέρον αὐτόν μετὰ τὴν ἐνανθρώπησιν ἐκ προκοπῆς θεοποιήσθαι*) *). Такъ Павелъ старался найти въ нравственномъ развитіи Искупителя хотя нѣкоторый видъ божественности, которую онъ сначала отвергнулъ. Но это обожествленіе только нравственное; суть, зерно этого Христа, хотя онъ и называется Сыномъ Божиимъ, заключается въ человѣческомъ «Я», въ человѣческой ипостаси, которая совершенно самостоятельна и независима отъ божественной (*два πρόσωπα*). Съ этой точки зрѣнія нѣтъ воплощенія, нѣтъ Богочеловѣческой личности, а только два совершенно самостоятельныхъ существа. Сынъ Божій по Павлу дѣйствительно существовалъ только съ момента рожденія Иисуса, а до этого времени только въ вѣчномъ предопредѣленіи (*τῷ προορισμῷ πρὸ αἰώνων*).

Ученіе Павла Самосатскаго самая обработанная форма перваго направленія ереси антитринитаріевъ.

б) Другое направленіе, первые слѣды котораго замѣтилъ уже Іустинъ (*Dial. 128*), выходя изъ одинаковаго понятія о Богѣ, имѣло противоположное стремленіе: оно настолько мало было расположено низводить Христа до степени простаго человѣка, что это по его мнѣнію было равносильно униженію божества. Но изъ боязни слишкомъ близко подойти къ единству существа Божія, оно отвергло всякое различіе между Божествомъ, обитающимъ во Христѣ, и между Отцомъ. Такой монархіанизмъ господствовалъ въ наиболѣе широкихъ кругахъ церкви II вѣка, особенно между людьми мало богословски образованными. Противоположность этого монархіанизма и послѣдователей ученія о личномъ различіи въ Бо-

*). Аван. *De cogn* 26, 45: *ἐξ ἀνθρώπων γέγονε θεός*. Θεόδωρ. *Naer. af* 6 II. 8.

гь (хат *οικονομίας*) (по домостроительству) *), кажется главнымъ образомъ обнаружилось въ Малой Азіи. Въ разрѣшеніи этого вопроса здѣсь принимали участіе даже монотинистическіе пророки (Tert. adv. Prax. 8. 30; Dydin. de trin. III, 41). Изъ Малой Азіи въ концѣ II вѣка пришелъ въ Римъ исповѣдникъ *Праксей* (Praxeas) и сталъ дѣйствовать здѣсь въ пользу этого рода монархіанства одновременно съ Θεодотомъ. Тертуллианъ (adv Prax. с. 2) говоритъ о немъ: «Онъ думаетъ, что должно вѣровать въ Единаго Бога, а не въ иныхъ, говоритъ, что Онъ Одинъ и тотъ-же и Отецъ и Сынъ и Духъ Святый», при чемъ кромѣ Исаи 45 гл. 5 ст. (Я Господь, и нѣтъ инаго...), онъ преимущественно ссылался на евангеліе отъ Іоанна 10 гл. 30 (Я и Отецъ Одно) и 14 гл. 9 и 11 ст. (видѣвшій Меня видѣлъ Отца... Я въ Отцѣ и Отецъ во Мнѣ.). Тертуллианъ замѣчаетъ, что Праксей считаетъ эти три мѣста за всю Библию (20 гл.) Этотъ Единый Богъ (*unicus Deus*), это божественное духовное Существо, по мнѣнію Праксея, низошло въ Дѣву Марію, приняло отъ нея человѣческую природу, точнѣе плоть (*сarno*) и, какъ воплотившееся, стало называться Сыномъ. Т. о. Праксей различалъ человѣческое и Божественное во Христѣ только какъ плоть (*σαρξ*) и духъ (*πνεῦμα*)—какъ внутреннее и внѣшнее выраженіе Пришедшаго; это же Существо, какъ равный Богу, Духъ, есть Отецъ, Оно-же по вочеловѣченіи стало Сыномъ **). Этимъ самымъ явленіе Христа на землю сводится къ простому явленію Бога (Θεοφανіи) на землѣ, къ реальному участію Бога (Отца) въ страданіяхъ тѣла: «Сынъ страдаетъ, Отецъ сострадаетъ», какъ выражался Праксей, почему Тертуллианъ обвинялъ его въ «патрипассинизмѣ». Это обвиненіе, если судить не по словамъ, (Праксей избѣгаетъ слова „Отецъ“, замѣняя его словомъ

*) *Υπονομία*—тайнство домостроительства нашего спасенія, совершенное при посредствѣ трехъ лицъ Св. Троицы, причемъ каждое лицо участвовало различнымъ способомъ.

**) Tert. adv. Prax. с. 27: in una persona utrumque distingunt, patrem et filium, dicentes filicum, carnem esse, id est hominem, id est Jesum, Patrem autem Spiritum, id est Deum id, est Christum.

„Богъ“) а по самой сути дѣла справедливо, тѣмъ болѣе, что Праксей не признавалъ во Христѣ человѣческой души, а только одно тѣло, которое, какъ безсознательное, безличное, могло считаться простымъ покровомъ, обиталищемъ Божества. Если во Христѣ перестанетъ обитать Богъ, то вмѣстѣ съ этимъ прекратится и Его человѣческая природа, — такъ училъ Праксей, или, покрайней мѣрѣ, таковы выводы изъ его положеній — (Tert adv. Prax. гл. 23: Praxeas ipsum vult patrem de semetipso exisse et ad semetipsum abiisse). Какъ бы то ни было, только передъ нами образъ Христа, вся суть котораго заключается не въ человѣческомъ или богочеловѣческомъ естествѣ, а только въ одномъ Божественномъ «Я». Къ такой крайности привелъ Праксея антагонизмъ въ отношеніи къ церковному ученію объ ипостаси (самостоятельности) Слова и отсюда вытекающаго ученія о св. Троицѣ. Онъ дѣлалъ этому ученію упрекъ въ томъ, что оно вводитъ двухъ или трехъ Боговъ (duos et tres (Deos) jactitant a nobis praedicari, замѣчаетъ Тертуллианъ) — въ противовѣсъ чему онъ съ особенной настойчивостію училъ о единствѣ Бога (nonarchiam iniquiunt tenemus).

Къ Праксею примыкаетъ *Нозтз* изъ Смирны, достойный замѣчанія по той послѣдовательности, съ которой онъ приводитъ свою теорію. Онъ отождествлялъ Сына съ Отцемъ, челоуѣка Христа съ Богомъ до такой степени, что говорилъ: «одинъ Богъ Отецъ, Творецъ всего, былъ сокровень, когда хотѣлъ, явился, когда хотѣлъ, невидимый и видимый не зачатый изначала, зачатый, когда восхотѣлъ родиться отъ Дѣвы; безсмертный, не подверженный страданіямъ, и опять смертный и способный страдать, когда захотѣтъ». И еще явнѣе: «коль скоро (Единый) еще не былъ Отцемъ (Сына), онъ по справедливости назывался Отцемъ; когда же Ему угодно было родиться, Онъ сталъ Сыномъ, своимъ собственнымъ Сыномъ, а не другого (οἶος ἐγένετο αὐτός ἑαυτοῦ οὐχ ἑτέρου Philo X, 10. 37.)». Онъ полагалъ, что единство можетъ быть только тогда, когда „Отецъ и Сынъ суть одно и тоже (ἐν καί τό αὐτό.) Существо, которое называется то Отцемъ, то Сыномъ сообразно съ

переменною времени“. Учение Поэта нашло большой откликъ въ Римѣ, куда оно было занесено его ученикомъ *Епиганомъ*. Его держался *Клеоменъ* и епископъ Каллистъ (218—233), коварный и злой человекъ, отличающійся отъ Поэта только способомъ выраженія: „Отець и Логосъ (Сынъ) различны только по имени, они суть названія Единого Существа, единого «нераздѣльнаго Духа». Вслѣдствіе пребыванія этого Существа въ воспринятомъ Имъ и обожествленномъ тѣлѣ можно сказать, что «Отець страдалъ вмѣстѣ съ Сыномъ».

Этого же, въ сущности, направленія держался *Бериллъ*, епископъ Бостры аравійской (ок. 240 г.), учение котораго Евсевій передаетъ слѣдующимъ образомъ: «Спаситель до воплощенія не имѣлъ личнаго бытія, не имѣлъ Онъ также своего Божества, а только постоянно пребывающее въ Немъ Божество Отца», которое чрезъ это пріобрѣло извѣстную опредѣленность, ограниченіе*). Если въ дѣйствительности, что возможно, таково было его мнѣніе, тогда Бериллъ представляеть изъ себя переходъ къ послѣдней и высшей формѣ монархіанства. Онъ отрицалъ также существованіе у Христа человѣческой души, но впоследствии, опровергнутый Оригеномъ, онъ исправилъ свою ошибку (Socrat H. eccl. III, 7).

Высшую и самую обработанную форму монархіанства представляеть изъ себя учение *Савеллія* изъ Ливіи, отлученнаго отъ церкви около 217 года римскимъ епископомъ Каллистомъ. Онъ выходитъ изъ того же понятія о единствѣ, какъ и его предшественники. По его мнѣнію Божественное во Христѣ не имѣетъ личнаго существованія: оно только модификація единого Божества. Но Савеллій идетъ далѣе своихъ предшественниковъ: онъ принимаетъ во вниманіе Св. Духа, котораго они оставляли въ сто-

*) Евс. VI, 33. Неопредѣленность словъ Евсевія о Бериллѣ породила споры между учеными изъ которыхъ одни относятъ его къ антриритаріямъ перваго (евіонейскаго) класса (Бауръ, Гусевъ, Ересь антитринитаріевъ, Казань 1872), другіе (Шлейермахаръ, Дорнеръ) ко второму (иапринасціанскому) классу; третьи (Неандеръ) занимающимъ средній между тѣмъ и другимъ классомъ.

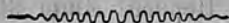
ронъ, и такимъ образомъ возникла полная система ученія о Троицѣ. Основныя мысли ея слѣдующія: Отецъ, Сынъ и св. Духъ суть историческія, одна послѣ другой выступившія, формы откровенія единого Бога, которыя различаются между собой только по внѣшнему обнаруженію (что и выражается въ различныхъ именахъ), а не по сущности. По свидѣтельству св. Епифанія Савеллій называлъ Божественную ипостась сыноотцемъ (ὁιοπάτωρ), сравнивалъ Отца съ круглымъ видомъ солнца, Сына съ Его свѣтомъ, Духа св. съ Его теплотой. Какъ всѣ эти три дѣйствія солнца не нарушаютъ его единства, такъ и лица Божества. По болѣе точнымъ извѣстіямъ св. Аѳанасія и св. Василия Великаго Савеллій все свое ученіе объединялъ въ формулѣ: «монада, расширившись, стала триадой» (ἡ μοιάς πλατυνθεῖσα γέγονε τριάς). Этимъ онъ хотѣлъ сказать слѣдующее: Единое нераздѣльное Божество развивается послѣдовательно во внѣ въ троякаго рода обнаруженіяхъ, лицахъ (πρόσωπα). Посредникомъ во всемъ этомъ движеніи служить Слово (λόγος), которое Савеллій очень опредѣленно отличаетъ отъ Сына. Онъ, кажется, считаетъ его первымъ самоопредѣленіемъ или саморазличеніемъ въ Богѣ, благодаря чему Онъ выходитъ изъ своей абсолютной samozаклученности (θεός σιωπῶν) и открываетъ Себя во внѣ (θεός λαλῶν). Результатомъ этого саморазличенія въ Богѣ являются одно за другимъ Лица св. Троицы. Первое Лицо является съ цѣлю сотворить міръ и дать ему законы, Второе — для воплощенія и спасенія людей. Вслѣдствіе той связи, которая, поэтому, возникла у Божества съ человѣческимъ естествомъ, возникъ человѣкъ Иисусъ. Въ немъ обитало это же Единое Божество «подобно лучу, исходящему изъ солнца», такъ что Онъ называется Сыномъ только какъ человѣкъ происшедшій отъ человѣка.

По совершеніи дѣла спасенія Божественной лучъ, ниспосланный во Христа, возвращается обратно въ Бога (εἰς θεόν ἀνατρέχει), его мѣсто заступаетъ третіе лицо — св. Духъ, назначеніе котора-

го состоятъ въ томъ, чтобы согрѣвать и освящать спасенныхъ. Т. о. лица св. Троицы суть другъ за другомъ слѣдующія обнаруженія Единого Божества, при чемъ въ то время, когда существовалъ Отецъ, не было Сына, не было Отца, когда существовалъ Сынъ, не было ни Того ни Другого, когда настало время Св. Духа.

Ихъ постепенное явленіе обуславливаетъ три періода всемірной исторіи. Впрочемъ, трудно положительно рѣшить, дѣйствительно-ли Савеллій процессъ развитія въ Божествѣ отождествлялъ съ процессомъ міровой исторіи; во всякомъ случаѣ вся система несетъ на себѣ отпечатокъ пантеизма. Въ самомъ дѣлѣ, съ возвращеніемъ Сына исчезаетъ и воспринятое Имъ челоуѣчество (Ерѣш. 62, 1), а съ окончаніемъ всего процесса прекращаетъ свое существованіе не только тріада, превращаясь въ монаду, но даже, повидимому, весь міръ, или развѣ только нѣкоторая часть его возвращается въ Бога. По крайней мѣрѣ св. Аѳанасій (Осат. г. Агіан. IV, 22), дѣлаетъ подобный выводъ. Что принадлежитъ въ вышеизложенной системѣ самому Савеллію и что его послѣдователямъ трудно рѣшить при тѣхъ извѣстіяхъ, какія мы имѣемъ; но во всякомъ случаѣ и для насъ вполне ясна основная мысль Савеллія, этого наиболее яркаго представителя второй формы монархіанства *).

(Продолженіе будетъ).

*) Относительно ученія Савеллія издавна идутъ споры. Многіе ученые полагаютъ, что ученіе Савеллія не рѣдко смѣшивали съ ученіями родственному ему, напр. съ ученіями Маркелла Анкирскаго. Изъ достовѣрныхъ извѣстій о Савелліи (Исп. Рил. IX, 11; Епѣф. 62; Аѳанасій и др.) видно, что онъ проповѣдывалъ просто патрисіанство, т. е. для него Отецъ и Сынъ суть только послѣдовательныя формы бытія одного и того-же Существа (ὁμοπάτωρ,) которое проявляетъ себя въ твореніи и въ ветхомъ заветѣ какъ Отецъ, въ воплощеніи и вознесеніи на небо какъ Сынъ, а съ вознесенія какъ св. Духъ. Савеллій какъ мы уже сказали, сдѣлалъ шагъ впередъ въ сравненіи съ своими предшественниками, кажется только въ томъ, что ввелъ въ свою систему св. Духа, чѣмъ далъ ей большую законченость.

ОЧЕРКИ ПО ВСЕОБЩЕЙ ЦЕРКОВНОЙ ИСТОРИИ.

Х и л и а з м ъ.

Schwane, Dogmengeschichte, т. 1-й Freib. Breisg. 1892.

Юдеи время Христа о Мессии и Его царствѣ имѣли большею частью въ высшей стелени чувственные представленія и предсказанія, данныя ветхозавѣтными пророками, понимали въ буквальномъ смыслѣ: они ожидали освобожденія отъ римскаго ига и господства надъ всѣми народами одного царя изъ рода Давидова. Народъ, которому внушили такія превратныя мессіанскія надежды опять беретя за оружіе, чтобы свергнуть римское иго и

осуществить скорое начало царства Мессіи. Даже ученики Спасителя сначала не были свободны отъ такихъ представлений, пока они мало-по-малу совсѣмъ не освободились отъ нихъ. Господь не проповѣдывалъ о царствѣ Мессіи въ томъ смыслѣ, какъ этого ожидали Іудеи, почему и не удовлетворилъ мессіанскимъ ожиданіямъ массы. Также мало пытали такія надежды въ народѣ и апостолы; они всюду проповѣдывали покаяніе и исправленіе, возвѣщали отпущеніе грѣховъ, какъ начало новаго духовнаго царства Божія и направляли чувства и упованія вѣрующихъ на сверхчувственное, Божественное. Въ подлинныхъ писаніяхъ мужей апостольскихъ: Климента Римскаго, Игнатія Богоносца, Поликарпа Смирнскаго также нѣтъ никакихъ хиліастическихъ ожиданій, ясный признакъ, что хиліазмъ не былъ принадлежностію ни апостоловъ ни ихъ ближайшихъ учениковъ и преемниковъ. Кровавыя преслѣдованія, воздвигнутыя на христіанъ какъ со стороны іудеевъ, такъ и со стороны язычниковъ способствовали укрѣпленію и распространенію этихъ ожиданій.

Эти ожиданія относились къ блаженству въ тысячелѣтнемъ царствѣ, которое Христосъ по исполненіи извѣстнаго времени долженъ основать при своемъ второмъ пришествіи изъ однихъ только праведныхъ; во время этого тысячелѣтняго царства будетъ рай на землѣ; по окончаніи этой тысячи будетъ всеобщее воскресеніе изъ мертвыхъ, второе воскресеніе праведныхъ, страшный судъ, вѣчное блаженство однихъ и вѣчное осужденіе другихъ. Эти-то представленія о будущей судьбѣ міра и называются хиліастическими.

Вскоромъ времени хиліазмъ былъ воспринятъ и обезображенъ ересями. Первый это сдѣлалъ Керинетъ, который хотя и держался гностическихъ идей о матеріи, однако проповѣдывалъ о будущемъ тысячелѣтнемъ царствѣ, гдѣ будетъ полное счастье и удовлетвореніе всѣхъ чувственныхъ пожеланій. Подобныхъ представлений держались и свіониты.

Въ смягченной формѣ хиліазмъ нашелъ откликъ у многихъ о.о. церкви. Таковымъ, во свидѣтельство Евсевія (Н. Е. III, 39),

былъ *Памий*, епископъ Іеранольскій, жившій въ началѣ II-го вѣка. Въ четвертой книгѣ своихъ «изъясненій Господнихъ изреченій» онъ говоритъ о хиліазмѣ какъ объ апостольскомъ ученіи, что Евсевій считаетъ слѣдствіемъ его слабого ума, понявшаго буквально то, что апостолы говорили образно. Проблески хиліазма можно видѣть въ посланіи, приписываемомъ ап. *Варнавъ*, именно въ слѣдующихъ словахъ: замѣчайте, дѣти, что значить: «покончить въ шесть дней» это значить, что Господь покончить все въ шесть тысячъ лѣтъ; ибо у него день равняется 1000 лѣтъ. Онъ самъ свидѣтельствуетъ объ этомъ, говоря: «вотъ настоящій день будетъ какъ тысяча лѣтъ». Итакъ, дѣти, въ шесть дней, т. е. въ шесть тысячъ лѣтъ покончится все. «И успокоился въ седьмой день». Это значить, что когда Сынъ Его придетъ и уничтожитъ время беззаконнаго, совершитъ судъ надъ нечестивыми, и измѣнитъ солнце, луну и звѣзды, тогда въ блаженствѣ успокоится въ день седьмой» (гл. 15). Здѣсь по крайней мѣрѣ встрѣчается представленіе, которое часто было соединяемо съ хиліазмомъ, — именно о шеститысячелѣтнемъ продолженіи міровой исторіи; но послѣдуетъ ли послѣ этого тысячелѣтнее царство въ смыслѣ хиліастовъ, объ этомъ здѣсь ясно не говорится.

Около этого времени довольно ясно выразилъ вѣру и надежду на тысячелѣтнее царство св. *Иустинъ*. На вопросъ Трифона іудея по поводу этой вѣры христіанъ онъ отвѣчаетъ: «я не такой, Трифонъ, чтобы говорить одно, а думать другое. Я уже говорилъ тебѣ, что я и другіе многіе принимаемъ то, о чемъ вы хорошо знаете, что это случится. Я показалъ тебѣ также, что многіе правовѣрные и благочестивые христіане слѣдуютъ этому мнѣнію... Я же и нѣкоторые вполне правовѣрующіе христіане признаемъ, что будетъ воскресеніе тѣла и будетъ возобновлено, украшено и расширено тысячелѣтнее царство, какъ предсказали объ этомъ пророки Іезекиль, Исаія и другіе». Далѣе св. *Иустинъ* ссылается особенно на книгу пророка Исаи LXV, 17—25, а также на Апокалипсисъ св. Іоанна Богослова и добавляетъ, что,

на основаніи ихъ, всеобщее воскресеніе и страшный судъ будутъ только по окончаніи тысячелѣтняго царства. Впрочемъ хиліастическія представленія св. Іустина весьма отличны отъ таковыхъ же еретиковъ. Если онъ вѣритъ, что Христосъ будетъ со своими послѣдотателями ѣсть и пить въ царствѣ славы (Dial. с. 51), то, вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ не питаетъ надежды, что тамъ будетъ удовлетвореніе всѣхъ чувственныхъ пожеланій; такъ половую похоть онъ весьма выразительно удаляетъ изъ царства Господа.

Изъ словъ св. Іустина видно также, что тогда были многіе правовѣрные христіане, которые не раздѣляли хиліастическихъ мнѣній. Такъ тщетно ихъ ищутъ у остальныхъ апологетовъ: Таціана, Аѣиногора и Теофила. Въ Малой Азіи они, кажется, значительно распространились: здѣсь училъ Паній, здѣсь возникъ монтеанизмъ; здѣсь воспринялъ ихъ и просвѣщенный о. церкви св. *Иринея*, въ послѣдствіи переселившагося въ Ліонъ и здѣсь изложившаго ихъ въ своемъ сочиненіи противъ ересей. Возможно, что св. *Иринея* принужденъ былъ держаться хиліазма главнымъ образомъ благодаря своей полемикѣ противъ гностиковъ, которые какъ враги матеріи и чувственности отрицали хиліазмъ, между тѣмъ какъ онъ видѣлъ въ немъ противовѣсъ гностическому презрѣнію матеріи и ясное понятіе о полномъ и совершенномъ искупленіи и возстановленіи человѣческаго рода. Дѣйствительно, нельзя отрицать, что въ этомъ отношеніи въ хиліазмъ было нѣчто истинное, что въ немъ было живое сознаніе Божественной силы христіанства, могущей загладить грѣхи, уничтожить всѣ послѣдствія ихъ, взять отъ земли проклятіе, если только всѣ люди всей душой и всѣми силами будутъ стараться уподобиться Христу, будутъ преслѣдовать одну только цѣль — укрѣпленіе и распространеніе царства Христова. Правда въ падшемъ человѣчествѣ еще дѣйствуетъ старый Адамъ и требуетъ своей дани; но кто можетъ предугадать, что будетъ съ человѣческимъ родомъ, — не превратится ли вся земля въ рай и не будетъ ли тогда одно царство на

подобіе того, о какомъ мечтали хиліасты, ставившіе его въ концѣ міровой исторіи — если только христіанство достигнетъ всеобщаго развитія своего божественнаго содержанія?

Тамъ, гдѣ св. Иринея входитъ въ болѣе обширное описаніе своихъ хиліастическихъ ожиданій, онъ думаетъ, что, когда будетъ разрушена римская имперія, кончится послѣ трехъ съ половиной лѣтъ царство антихриста, тогда Господь вмѣстѣ со всеми воскресшими мучениками и проповѣдниками, оставшимися ему вѣрными, начнетъ земное царство блаженства и возстановитъ Іерусалимъ, чтобы отсюда царствовать вмѣстѣ съ ними надъ всеми народами въ продолженіи тысячи лѣтъ. Все тогда будетъ въ изобиліи, всѣ плоды будутъ въ большемъ количествѣ, дикіе звѣри будутъ ручными и покорными человѣческой волѣ. Въ концѣ этого царства сатана еще разъ сдѣлаетъ попытку отнять у Христа подчиненные Ему праведные народы, овладѣтъ Іерусалимомъ, но будетъ въ открывшейся по этому поводу войнѣ пораженъ и низвергнутъ. Послѣ этого будетъ въ собственномъ смыслѣ, конецъ міра, второе воскресеніе мертвыхъ и страшный судъ. Для обозначенія продолжительности этого царства, онъ, подобно Варнавѣ и Іустину ссылается на ис. 89 ст. 5, гдѣ говорится, что «предъ очами Господа тысяча лѣтъ какъ день вчерашній». Поэтому шесть дней творенія должны соответствовать шести тысячамъ лѣтъ настоящаго устройства міра и седьмой день покоя тысячелѣтней субботѣ царства Христова, имѣющей наступить по минованіи вышеупомянутыхъ шести тысячъ лѣтъ *).

Хотя хиліазмъ въ лицѣ св. Иринея нашелъ хорошаго и вліятельнаго защитника, однако это не дало ему возможности найти большее распространеніе. *Кий*, пресвитеръ римскій жившій при папѣ Зефиринѣ (199 — 217), былъ сильнымъ противникомъ хилі-

*) Детали для своего ученія о тысячелѣтнемъ царствѣ онъ заимствуетъ изъ Ісаіа, II гл. 30, 31, 54, 58 и 65 ст. Езекиіа 27 и 37 гл. Давіила 7 и 12 гл. Апокал. 20 гл. и дал.; ссылается онъ также на Матѣ. 26, 29 гдѣ Господь общается своимъ ученикамъ — пить отъ плода лознаго въ новомъ царствѣ, на Мѣ. 19, 29, гдѣ общается стократное вознагражденіе тѣмъ, кто ради Него все оставить.

азма и бредней монтанистовъ. Ожиданія тысячелѣтняго царства въ Римѣ отклика не нашли. Къ сожалѣнію сочиненіе Каія: «споръ съ монтанистомъ Прокломъ» дошло до насъ только въ отрывкахъ у Евсевія и Иеронима; но изъ нихъ ясно, что онъ считаетъ родоначальникомъ хиліазма еретика Керинеа. Опасныя стороны хиліазма были обнаружены бреднями монтанистовъ, почему многіе о.о. церкви начали бороться съ нимъ, хотя Тертулліанъ какъ монтанистъ, выступилъ въ защиту его въ своемъ, потерянномъ теперь, сочиненіи: «о надеждѣ вѣрныхъ» и въ третьей книгѣ «противъ Маркіона».

Къ противникамъ хиліазма главнымъ слѣдуетъ отнести Оригена, которому онъ, сообразно съ его взглядомъ на матерію какъ на ограниченіе духа, долженъ былъ казаться нелѣпостію. Онъ называетъ приверженцевъ ученія о земномъ царствѣ Христовомъ рабами буквы и думаетъ, что если христіане послѣдуютъ этому ученію, то язычники тогда будутъ вправѣ считать ихъ легкомысленными. Буквальному пониманію этихъ мѣстъ онъ противъ поставляетъ аллегорическое.

Впрочемъ Оригену не удалось благодаря его философскимъ положеніямъ о матеріи и часто произвольнымъ аллегорическимъ объясненіямъ нанести смертельный ударъ хиліазму; но онъ указалъ нѣкоторыя его слабыя стороны, которыя вызвали новыя нападенія. Непотъ, епископъ въ Арсиное (въ Египтѣ) написалъ книгу: «обличеніе аллегористовъ», въ которой снова защищалъ хиліастическія ожиданія и нашелъ въ Египтѣ нѣкоторыхъ приверженцевъ. Противъ него выступилъ ученикъ Оригена, Діонисій Александрійскій и не только составилъ противъ него сочиненіе «объ обѣтованіяхъ» но сверхъ этого когда во главѣ ихъ послѣ смерти Пенота сталъ Юракіонъ, старался обратить хиліастовъ къ церкви чрезъ пренія и переговоры въ Арсиное. Чтобы отнять у хиліастовъ библейскія основанія Діонисій (Евс. VII, 24. 25) зашелъ такъ далеко, что отрицалъ принадлежность Апокалипсиса св. Іоанну Богослову и на основаніи, какъ ему казалось, различія

стиля приписывалъ его другому Іоанну, упоминаемому въ Дѣянїяхъ апостольскихъ. Что касается его замѣчанїя о томъ, что нѣкоторые изъ его предшественниковъ считали Апокалипсисъ за произведеніе Керинеа, то, очевидно, онъ имѣлъ въ виду сообщенїя Каїа, который, повидимому, зналъ другой Апокалипсисъ Керинеа же. Въ послѣдующее время выступили въ качествѣ поборниковъ хилиазма Викторинъ, епископъ Петтау (Petabionensis—въ Штиріи), жившій въ концѣ III вѣка (+303 г.) и Лактанцій, въ IV вѣкѣ; но съ прекращеніемъ кровавыхъ гоненій хилиазмъ все болѣе и болѣе терялъ подъ собой почву. Однако въ концѣ IV вѣка, когда аполлинаристы возобновили это заблужденіе, его опровергали св. Василій Великій и св. Григорій Богословъ, а въ началѣ V вѣка бл. Августинъ. Хилиастическихъ мнѣній держались нѣкоторые писатели въ средніе вѣка (Герардъ, Сегарелли и др.) и нѣкоторыя секты времени реформаціи (Анабаптисты) и др.

(Продолженіе будетъ).

П Р И В А В Л Е Н І Я

въ Иркутскимъ Епархіальнымъ
Вѣдомостямъ.

Октябрь 15. № 20. 1900 г.

ОЧЕРКИ ПО ВСЕОБЩЕЙ ЦЕРКОВНОЙ ИСТОРИИ.

(Продолженіе)

Борьба церкви съ ересями и церковное ученіе.

Hergentröthen, Kirchg. Т. 1-й.

Въ борьбѣ съ многоразличными заблужденіями церковь всегда держалась своихъ основъ; она боролась или отлучая лжеучителей, предостерегая отъ нихъ вѣрующихъ, опровергая ихъ ложныя мнѣнія или обосновывая и точно формулируя свое ученіе. Вѣрующіе должны были «еретика чловѣка по первомъ и второмъ наказаніи отрицаться, вѣдая, яко возвратися таковой и согрѣшаетъ и есть самоосужденъ (Тим. 3, 10, 11; 2 Сол. 3, 14); они не должны были принимать его въ дому и ривѣтствовать (2 Іоан. 10, 11). Все, которые противились ученію апостоловъ, какъ уловленные въ дьявольскія сѣти (2 Тим. 2, 25, 26), должны быть преданы анаѳемѣ, отлученію (Гал. 1, 8, 9), какъ противники Христа (антихристы, 1 Іоан. 2, 18). Ап. Павелъ отлучилъ Именея и Александра, предалъ ихъ сатанѣ, т. е. лишилъ ихъ всѣхъ правъ и средствъ защиты соединенныхъ съ церковнымъ общеніемъ, чтобы они, такъ наказанные, перестали грѣшить (1 Тим. 1, 19, 20). Такое отлученіе отъ церкви должно всегда примѣняться въ этихъ случаяхъ, такъ какъ заблужденіе въ религіозныхъ дѣлахъ имѣетъ «дѣйство лести» (2 Сол. 2, 11); оно подобно сильному яду или опьяняющему напитку. Охранять своихъ чадъ отъ этихъ напастей—есть самая первая и насущная обя-

занность церкви. Поэтому древніе отцы церкви не находятъ достаточно словъ для выраженія своего отвращенія къ ересямъ и еретикамъ; они называютъ ихъ отравителями, душебійцами, осквернителями церкви, разбойниками, достойными вѣчнаго огня, которыхъ нужно бѣжать какъ заразы, дикими звѣрями въ человѣчскомъ видѣ, бѣшеными собаками, волками (Дѣян. 20, 29), пиратами (морскими разбойниками), извратителями истины (2 Кор. 2, 17), подкрадывающимися подобно ворамъ преступникамъ. Древнѣйшіе каноны запрещаютъ общеніе съ ними; отцы церкви воздерживаются отъ всякаго близкаго соприкосновенія съ ними. Но впрочемъ, для искренно покаявшихся и торжественно осудившихъ свои заблужденія среди нихъ, всегда былъ открытъ обратный пріемъ въ церковное общеніе. Какъ заблужденіе и отдѣленіе приносило церкви глубокую скорбь; такъ и возвращеніе заблудшихъ въ нея лоно высокую радость; она принимала ихъ, по примѣру и ученію ея основателя, добраго пастыря, со всякой любовью и кротостію.

Выступленіе столь многихъ лжеученій вмѣстѣ съ большимъ вредомъ имѣло благодѣтельное дѣйствіе въ томъ отношеніи, что не только отдѣлились истинные послѣдователи Христа отъ ложныхъ, обнаружились праведные, утвердились еще болѣе въ вѣрѣ вѣрующіе; но и церковное ученіе во многихъ отношеніяхъ получило большую опредѣленность, ясность, обосновательность и церковная наука стала потребностію. Различныя односторонности, выступавшія въ сектахъ, находили въ церкви исправленіе. Ученіе вѣры во вселенской церкви стояло твердо; Священное Писаніе принадлежало ей и только ей было понятно; у нея были все средства, чтобы опровергнуть нападеніе еретиковъ, оправдать истины, ими отвергаемыя, доказать ложь и безсодержательность измѣнчивыхъ мифній сектъ, охранить своихъ чадъ отъ заблужденій, чтобы они не могли подобно младенцамъ колебаться и увлекаться всякимъ вѣтромъ ученія (Еф. 4, 14).

Христосъ послалъ апостоловъ научить все народы блюсти *все*, что Онъ имъ заповѣдалъ (Мѡ. 28, 19). Отдѣльнымъ вѣрующе-

щимъ, поэтому, не дозволялся выборъ *) только того, что имъ угодно. Искушитель не желалъ никакихъ религіозныхъ партій, никакихъ школъ, а только одной церкви для всѣхъ. Онъ не поучалъ апостоловъ писать (хотя нѣкоторые и дѣлали это по внушенію Св. Духа), а только проповѣдывать устно Преданіе древнѣе Писанія и такъ какъ вѣра возникаетъ изъ слушанія (Римл. 10, 17; 1 Кор. 2, 4), то живое слово никогда не было излишнимъ, даже тогда, когда появилось Новозавѣтное. Писаніе, возникшее только спустя нѣкоторое время послѣ основанія церкви, постоянно предполагающее устное наученіе, касающееся нѣкоторыхъ пунктовъ вѣроученія только мимоходомъ, и не представляющее изъ себя въ полномъ смыслѣ слова ни богословской системы, ни законодательнаго кодекса. Но высоко ставя это по истинѣ божественное сокровище, столь богатое глубокими и возвышенными мыслями, столь величественно простое и поучительное, считая его написаннымъ по вдохновенію Духа Святаго, церковь тѣмъ не менѣе не считала его вполне достаточнымъ, не считала его «всѣмъ основаніемъ вѣры» (1 Тим. 6, 20; 2 Тим. 3, 14). Это основаніе было нѣчто живое, предназначенное къ органическому росту, состоящее изъ дѣлъ, принциповъ не развитыхъ догматическихъ истинъ, намековъ, въ которыхъ потенціально заключалась полнота догматическаго содержанія, долженствующаго постепенно развиваться соотвѣтственно основному характеру христіанства. Церковное сознаніе развивалось большею частью въ борьбѣ съ враждебными теченіями; никакое правило вѣры не могло затеряться, никакое притиворѣчающее основному правилу вѣры положеніе получить значеніе правила вѣры. Церковь была „богатой сокровищницей, въ которую апостолы въ истинѣ положили все, что принадлежитъ истинѣ, такъ что всякій желающій получаетъ отъ нея питіе жизни.“ (Иринеи, III. 4, 1; 24, 1).

*) *αἵρεσις*: отъ *αἵρέω*, беру, отсюда слово „ересь“, когда кто избираетъ только то, что ему правится и этому слѣдуетъ. Ps. Ath. Quaest. in Н. Г. р. 38.

Уже въ Вѣтхомъ Завѣтѣ Писаніе и Преданіе стояли рядомъ. Христось признавалъ не только законъ и пророковъ, но и догматическое преданіе синагоги; онъ отвергнулъ только превратныя мнѣнія отдѣльныхъ лицъ и школъ. Въ этихъ преданіяхъ уже въ начаткахъ было то, что онъ говорилъ о воскресеніи, судѣ, раѣ и адѣ, о падшихъ ангелахъ. Все это, какъ духовное наслѣдство, перешло въ церковь. Нравственныя предписанія, имѣющія основанія въ самой природѣ челоуѣка, въ свойствѣ его отношеній къ Богу остались въ цѣлости; но обрядовый законъ, законы гражданскіе, принаровленные къ поддержанію національной обособленности, пали. Только одна церковь, ясно представляющая планъ домостроительства нашего спасенія, могла удовлетворительно объяснить древніе прообразы и пророчества, для плотскихъ іудеевъ остались они непонятными. Ап. Павелъ много разъ указывалъ на таинственный смыслъ многихъ мѣстъ Вѣтхаго Завѣта (Гал. 4, 23; 1 Кор. 10, 1—4) и церковь всегда признавала это. Ученые христіане могли спорить только о томъ, насколько далеко простирается этотъ мистико-аллегорическій смыслъ, въ какихъ отношеніяхъ онъ долженъ быть къ смыслу буквальному. Имѣеть-ли онъ примѣненіе къ Новому Завѣту, объ этомъ особенно спорили въ Египтѣ противники и приверженцы хиліазма *).

Собраніе ветхозавѣтныхъ писаній ко времени апостоловъ еще не было закончено. Не всѣ іудеи были одного мнѣнія о всѣхъ своихъ священныхъ книгахъ. О книгѣ Притчей, Пѣсни Пѣсней, Екклізіастѣ и Есѡири спорили еще послѣ разрушенія Іерусалима. Книги, существующія только на греческомъ языкѣ, каковы: Маккавейскія, книга премудрости Соломона вмѣстѣ съ александрійскимъ переводомъ 70, который содержитъ такое большое количество греческихъ терминовъ, подходящихъ къ христіанскому ученію, которымъ за исключеніемъ немногихъ случаевъ пользовались

*) Мистическаго толкованія особенно придерживались: писатель Посланія Варнавы, Климентъ Алекс. Оригенъ.

апостолы и который не могли вытѣснить позднѣйшіе переводы, изготовленные въ іудейскомъ или евіонитскомъ духѣ, — всѣ эти книги съ этимъ переводомъ перешли въ церковь, которая нашла ихъ уже внесенными въ него, что дало ей возможность въ послѣдствіи пользоваться ими. Вообще ветхозавѣтный канонъ синагоги, который часто приводятъ христіанскіе писатели *), не былъ канонъ церкви, свободно возвысившейся надъ ограниченнымъ іудействомъ. Такъ насколько Александрійскій переводъ по плану Провидѣнія способствовалъ іудейству освободиться отъ узкихъ національныхъ границъ, настолько же онъ сталъ соединительнымъ звеномъ между палестинскимъ іудействомъ и вселенскою церковію. Цитаты въ Новомъ Завѣтѣ изъ Ветхаго были большею частію по памяти и съ соединеніемъ нѣсколькихъ различныхъ мѣстъ; подобнымъ же образомъ приводили мѣста изъ Ветхаго Завѣта и оо. церкви.

Новозавѣтный канонъ въ первомъ вѣкѣ еще не опредѣлился; это произошло въ теченіи II вѣка чрезъ удаленіе изъ него многочисленныхъ подложныхъ и искаженныхъ писаній. Но такъ какъ нѣкоторые отдѣльныя апостольскія писанія были предназначены для извѣстныхъ только церквей, опредѣленныхъ мѣстностей или хранились, и не были вездѣ одинаково распространены, то относительно нѣкоторыхъ изъ нихъ, преимущественно посланій, возможны были сомнѣнія, какъ это и было напр. относительно втораго посланія Петра, Апокалипсиса, которое, впрочемъ, оспаривалось болѣе изъ догматическихъ, чѣмъ изъ критическихъ основаній. Но къ началу IV столѣтія большая часть этихъ сомнѣній смолкла и согласіе всѣхъ церквей вполнѣ установившееся касательно Евангелій, Дѣяній апостольскихъ и большей части посланій, простерлось и на посланія, прежде подвергавшіяся сомнѣнію, а также на откровеніе Іоанна Богослова. Уже въ самыя древнія времена эти

*) Во II вѣкѣ Мелитонъ Сардійскій путешествовалъ въ Палестину для точнаго изученія іудейскаго канона. (Евс. IV, 26). Различіе іудейскаго и церковнаго канона показываетъ Оригенъ. (Proleg. in Cantic).

писанія читались за богослуженіемъ, они объяснялись въ устныхъ бесѣдахъ и сочиненіяхъ, направленныхъ большею частію противъ произвольныхъ мнѣній еретиковъ. Посланія ап. Павла и Петра показываютъ, что при объясненіи ихъ встрѣчались такія-же трудности, какъ и при толкованіи Ветхаго Завета (2 Петр. 3, 16). Какъ самъ ап. Павелъ указывалъ своимъ ученикамъ на свое устное ученіе (2 Тим. 2. 2), такъ и впоследствии преданіе являлось дополненіемъ, объясненіемъ св. писанія; апостольскіе мужи въ своихъ дѣйствіяхъ и ученіи тѣсно примыкали къ апостоламъ, образуя такимъ образомъ живую цѣпь преданія. Отъ ап. Іоанна Богослова получили наставленія Папій еп. Іерапольскій, св. Игнатій Богоносець, еп. Антіохійскій, св. Поликарпъ, еп. Смирнскій, отъ Поликарпа наученъ былъ св. Иринея, еп. Ліонскій, а отъ Иринея Кайъ, римскій пресвитерь и св. Иннолеть, епископъ пристани близъ Рима.

(Окончаніе будетъ)

ОЧЕРКИ ПО ВСЕОБЩЕЙ ЦЕРКОВНОЙ ИСТОРИИ.

Борьба церкви съ ересями и церковное учение.

Hergentröther, Kirchg. Т. 1-й.

(Окончаніе).

Значеніе церковнаго преданія было вполнѣ ясно создано уже въ самое первое время. Какъ ученіе апостоловъ было ученіемъ Христовымъ, такъ ученіе церкви ученіемъ апостольскимъ. Апостолы передали истину своимъ преемникамъ епископамъ, рядъ которыхъ никогда не прерывался, и которые будучи въ разныхъ мѣстахъ всегда были между собой согласны. Безъ обладанія истинной такое согласіе, какое мы видимъ въ апостольское и послѣ-апостольское время, было-бы невозможно. Церковь руководится Духомъ святымъ, хранителемъ истины; кому она не мать, тому Богъ не отецъ; она чистая невѣста Христа, которая никогда не

можетъ быть невѣрной своему небесному Жениху. Въ противоположность церкви заблужденія показываютъ свое позднѣйшее происхожденіе, обнаруживаютъ между собой большія разногласія и произволы. Поэтому у нихъ нѣтъ спасенія; вообще внѣ церкви нѣтъ спасенія. Церковь по своему происхожденію божественная, апостольская, вселенская, неодолимая и по божественному промыслу всегда вѣрная, всюду одна и таже, одно тѣло Христово, которое не можетъ быть разчлениваемо, нешвенный хитонъ Спасителя, который нельзя раздѣлять (Іоан. 19. 23). Она исповѣдуетъ свою истину противъ всѣхъ человѣческихъ измышленій, всѣхъ измѣнчивыхъ мнѣній, всѣхъ извращеній ученія Христова. Ея преданіе твердое и открытое; оно не открыто (какъ у еретиковъ) только тайно и только нѣкоторымъ; оно не различно въ разныхъ мѣстахъ. Мало-по-малу часть его запечатлѣна въ письмени: въ разныхъ символахъ кѣры, въ постановленіяхъ соборовъ и твореніяхъ оо. и учителей церкви, начиная съ Папія и Іустина.

Что въ бытіи Бога человѣческій разумъ можетъ убѣдиться изъ твореній Божіихъ, это вмѣстѣ съ Священнымъ Писаніемъ (Римл. 1. 19; Псал. 13, 1; Пс. 18. 1) признавали веѣ древніе оо. и учителя церкви, и незнаніе истиннаго Бога язычниками было по ихъ взгляду печальнѣйшимъ заблужденіемъ человѣческаго ума. Въ противоположность языческому политеизму, гностическому эманатизму и манихейскому дуализму они твердо исповѣдывали *единство* Божества. Они отвергли антропоморфизмъ многихъ язычниковъ и іудеевъ, дѣленіе Божества на различныя субстанціи, отдѣленіе и олицетвореніе божественныхъ атрибутовъ, которые они старались очистить, отдѣленіе Высочайшаго Бога отъ творенія, которое можетъ быть только Его дѣломъ.—Они доказывали, что міръ въ томъ видѣ, какъ онъ вышелъ изъ рукъ Творца, добрѣ, что матерія не была сѣдалищемъ зла, что зло возникло отъ злоупотребленія свободой воли со стороны тварей, а потому нѣтъ различныхъ классовъ людей по самой природѣ. Въ св. писаніи было возвѣщено о твореніи изъ ничего (2 Макк. 7, 28; Римл. 4, 17;

Иоан. 17, 5; Мө. 13, 35 и др.), это же громко возвѣщали, и о.о. церкви. Сатана также поэтому, какъ твореніе Божіе, былъ сначала добрымъ. Но насколько для человѣка считалось возможнымъ убѣдиться въ бытіи Божіемъ, настолько-же считалось непостижимымъ самое существо Божіе. „Бога, говоритъ Минуцій Феликсъ (окт. 18), нельзя видѣть, онъ слишкомъ величественъ; Его нельзя осязать, онъ слишкомъ тонокъ, Его нельзя измѣрить онъ выше чувствъ, безконеченъ, неизмѣримъ и во всемъ своемъ величіи извѣстенъ только Самому себѣ; наше же сердце слишкомъ тѣсно для такого познанія, и потому мы тогда только Его оцѣниваемъ достойно, когда называемъ Его неоцѣненнымъ».

Но вѣруя въ единство о.о. церкви вѣрили вмѣстѣ съ тѣмъ и въ троичность лицъ Божества. Названіе «троичность» (*trias*, *trinitas*) стало употребляться со 2-го вѣка въ Александріи. Рядомъ съ Богомъ Отцемъ былъ Богъ Сынъ, который по Его слову (Иоан. 10, 30) едино (по существу) со Отцемъ, и котораго называютъ истиннымъ Богомъ апостолы Иоаннъ (Иоаннъ 1, 1; 1 Иоан. 4, 14; 5, 5), Павелъ (Римл. 9, 5; Фил. 2, 6—8; Кол. 2, 9; Тит. 2, 13) и др. Уже въ Ветхомъ Завѣтѣ была рѣчь о Божественномъ Словѣ и премудрости Божіей (Притч. 8, 23; Прем. 7, 22); встрѣчающійся у Филона Логосъ — самостоятельная личность, и можно думать, что ап. Иоаннъ могъ воспользоваться этимъ терминомъ для выраженія христіанскаго ученія. О св. Духѣ въ Ветхомъ Завѣтѣ говорилось только неясными намеками; только Христосъ представилъ его какъ Утѣшителя, который отъ Отца исходитъ, который руководитъ церковь ко всякой истинѣ, продолжая, такимъ образомъ, дѣло свершенное (при участіи Его и Отца) Сыномъ Божіемъ, который снисходитъ на людей и почиваетъ въ нихъ (Иоанн. гл. 14—16). Духъ св. изображается всевѣдущимъ (1 Кор. 2, 10); ап. Петръ (Дѣян. 5. 3, 4) и ап. Павелъ (1 Кор. 3, 16, 17) называютъ Его Богомъ. Въ различныхъ отношеніяхъ всѣ три лица въ Новомъ Завѣтѣ иногда приводятся всѣ вмѣстѣ. (1 Кор. 12, 4—7; 2 Кор. 13, 13; 1 Петр. 1, 2). Названіе «Духъ»

(πνεύμα) употребляется и въ св. Писаніи и у древнѣйшихъ о.о. церкви какъ для обозначенія вообще существа Божія (Іоанн. 4, 24), такъ въ частности, какъ имя Третьяго Лица св. Троицы. О.о. церкви обыкновенно соединяють все три лица св. Троицы, какъ это, на примѣръ, сдѣлано въ извѣстномъ весьма древнемъ церковномъ пѣнопѣніи «Свѣте тихій»: „поемъ Отца, Сына, и святаго Духа Бога». Словомъ, о.о. церкви исповѣдывали въ Божествѣ одно существо при различіи лицъ, какъ это особенно ясно видно изъ сочиненій Діонисія, епископа Римскаго (у Routh, Rel. sacr. t. III, 371—7).

Неясности и неточности въ изложеніи ученія о троичности лицъ въ Богѣ обуславливались съ одной стороны неопредѣлившимся, колеблющимся словоупотребленіемъ, съ другой—вліяніемъ терминологіи Платона и Филона. Въ первомъ случаѣ самое названіе «лица» вело къ недоразумѣніямъ. Слово πρόσωπον (лице) савелліане употребляли въ значеніи: маска, внѣшній видъ, маска; для обозначенія лицъ св. Троицы оно стало употребляться только въ послѣдствіи, наравнѣ съ словомъ ὑπόστασις. Слово ὑπόστασις (основаніе, предметъ, субстанція) до IV вѣка смѣшивалось съ словомъ οὐσία (сущность, субстанція). Аристотель различалъ двоякое значеніе οὐσία первое—въ значеніи индивидуумъ, лице;—второе—въ значеніи: субстанція, родъ. Въ послѣдствіи въ болѣе строгомъ и опредѣленномъ словѣупотребленіи ὑπόστασις означало лицо, οὐσία—существо, природа (φύσις—природа—долго оставалась съ неопредѣленнымъ значеніемъ*). Что касается второго случая, то Филоновское дѣленіе Логоса на пребывающаго въ себѣ и на обнаруживающагося во внѣ вносило нѣкоторую путаницу; оно не подходило къ христіанскому ученію

*) Смѣшеніе терминовъ οὐσία и ὑπόστασις давало поводъ ко многимъ неправильнымъ заключеніямъ, каковы: 1) Заключеніе модалистовъ: Богъ имѣетъ одно существо, слѣд. и одно лице, 2) Позднѣйшихъ тритеистовъ: въ Богѣ три лица, слѣд. три природы; 3) Субординационизма: въ Богѣ три лица различныхъ по иности, слѣд. и по существу. Смѣшеніе это вело къ неправильнымъ выводамъ не только въ ученіи о Богѣ вообще (теологін), но и въ ученіи о Христѣ (христологін.) 1) Во Христѣ двѣ природы слѣд. и два лица (несторіане); 2) во Христѣ одно лицо слѣд. и одна природа (монофизиты).

не смотря на разныя приспособленія. О.о. церкви указывали на то, что Логось не имѣеть сходства съ возникающимъ и исчезающимъ словомъ, человѣческимъ, что онъ не есть мысль, сама по себѣ не существующая (отдѣльно отъ мыслящаго), что Логось, рождаясь отъ Отца, не отдѣленъ отъ Него. Всѣми этими выраженіями обозначаются двоякаго рода отношенія Сына съ одной стороны — Его пребываніе въ Отцѣ, съ другой Его дѣятельность среди людей какъ Творца, Спасителя и Искупителя, который являлся людямъ еще въ Ветхомъ Завѣтѣ.

Вочеловѣченіе Слова или Сына Божія (Іоан. 7, 14) было одной изъ знаменательныхъ тайнъ вѣры. Логось, какъ человѣкъ, назывался Исусомъ Христомъ, который соединилъ въ себѣ Божеское и человѣческое естество. Исусъ Христось, т. о. есть истинный Богъ. О такой вѣрѣ христіанъ знали язычники, каковы Плиній и Цельсъ, ее торжественно исповѣдывали мученики и оо. церкви, ее исповѣдывала вся церковь (напр. противъ Артамонитовъ). Принявъ добровольно смерть, которая стала жертвою за грѣхи міра (Іоан. 10, 17; Римл. 5, 9; Іоан. 4, 10), Сынъ Божій сталъ посредникомъ между Богомъ и людьми (Евр. 9, 15; 1 Тим. 2, 5) Такимъ образомъ Онъ удовлетворилъ правдѣ Божіей (Римл. 3, 25) и явилъ свое милосердіе; благодаря Его заслугамъ люди получили отпущеніе грѣховъ. Священное Писаніе говоритъ какъ о Божествѣ, такъ о человѣчествѣ Христа; оо. церкви также говорили, что во Христѣ два естества Божеское и человѣческое, что онъ, какъ человѣкъ, умеръ и какъ Богъ, воскресъ. Христось есть новый родоначальникъ, новый Адамъ, Его мать по плоти богатая, привѣтствуемая ангелами дѣва Марія, есть вторая Ева, — послушаніемъ которой заглажено непослушаніе этой послѣдней (Ирин. V, 19, 1). Изъ нея, Дѣвы, родился человѣкъ Христось (Ирин. III, 19, 5); она стала причиной нашего спасенія (Ирин. 22, 4), почему и ублажаютъ ее вси роди. (Лук 1, 48).

Въ св. Писаніи Новаго Завѣта всюду проводится мысль, что результатомъ преступленія Адама была всеобщая грѣховность че-

ловѣческаго рода (Римл. 5 и 7 гл. Еф. 2, 3; 1 Кор. 15, 21). Хотя у человѣка и не разрушались естественныя силы (Римл. 1. 19; 2, 14; 7, 7), однако *наслѣдственный* грѣхъ произвелъ большое ослабленіе ихъ; человѣкъ потерялъ прежніе благодатныя дары, подвергся душевной и тѣлесной смерти (Кол. 2, 13; Еф. 2, 1; Римл. 7, 5). Образъ Божій былъ въ немъ помраченъ, воля ослаблена, человѣкъ подпалъ власти дурныхъ страстей и діавола. Но какъ всѣ люди были заражены грѣхомъ, такъ и на всѣхъ ихъ должно было распространяться искушеніе, совершенное Христомъ. Спасеніе, принесенное Христомъ, даровано всѣмъ туне, а не за заслуги и дѣла самихъ людей. Добрыя дѣла, какъ выраженіе любви и благодати находятся въ тѣсной связи съ вѣрой. Вѣра, какъ во многихъ отношеніяхъ даръ Божій обнимаетъ собой и человѣческую дѣятельность. Какъ между ап. Іаковомъ, который признаетъ два фактора оправданія—вѣру и (черезъ нее совершенные) добрыя дѣла и вѣру безъ дѣлъ считаетъ мертвою, и Павломъ, который и то и другое соединяетъ, который требуетъ вѣры, одушевляемой къ добрымъ дѣламъ любовію и ее ставить выше вѣры (Гал. 5, 6; 1 Кор. 13, 2. 13),—нѣтъ противорѣчій, такъ не замѣчается этого противорѣчія и между древнѣйшими оо. церкви. Они ставятъ въ тѣсную связь вѣру и любовь и добрыя дѣла считаютъ слѣдствіемъ ихъ взаимодѣйствія. Они прославляютъ благодать Божественную, безъ которой человѣкъ ничего добраго не можетъ сдѣлать (Іоан. 15, 4); дѣйствіе ея они считаютъ сильнымъ, но не такимъ, которому невозможно противостоять, и человѣческая воля даже послѣ грѣхопаденія можетъ противостоять ему. Они находятъ ея дѣйствія главнымъ образомъ въ спасительныхъ средствахъ церкви, т. е. таинствахъ, въ которыхъ слѣдуетъ различать невидимыя дѣйствія силы Божіей отъ чувственныхъ элементовъ, при посредствѣ которыхъ она проявляется.

Въ противовѣсъ гностическому смѣшенію богословія съ антропологіей, Бога съ человѣкомъ, оо. церкви должны были выдвигать видимую природу, тварность и Богоподобіе человѣка, который ве

имѣть отъ Бога, начиная съ самой способности къ Богопознанію и кончая безсмертіемъ. По мнѣнію оо. церкви человѣкъ состоитъ изъ души и тѣла; но подѣ влияніемъ ученія Платона, въ пользу котораго приводились мѣста изъ св. Писанія (напр. Евр. 4, 12), нѣкоторые оо. церкви приняли излюбленное гностиками дѣленіе человѣка на три части (трихотомію): тѣло, душу и духъ. Душа человѣка есть высшая духовная субстанція, имѣющая разумъ и свободную волю, меньшая ангеловъ, но подобная своему Творцу и предназначенная въ немъ искать блаженства.

Ангелы всегда считались высшими духами, которыхъ Богъ особенно одарилъ благодатными силами; они дѣлились на различныя степени (2 Петр. 2, 11; Апок. 1, 1; 1 Сол. 4, 15; Іуд. 6. 9). Они служатъ Богу и людямъ. Михаилъ представляется борцомъ за церковь (Апок. 12. 7); каждый человѣкъ имѣетъ своего ангела. (Мѡ. 18. 10). Добрые ангелы наставляютъ людей на добро, злые совращаютъ ихъ съ добраго пути. Во главѣ злыхъ духовъ стоитъ сатана, дѣла котораго разрушилъ Христосъ (Іоан. 8, 44), Онъ былъ челоуѣкоубійцей отъ начала, онъ имѣетъ державу смерти (Евр. 2^е 14) и есть князь міра сего (Іоан. 12. 31; 14, 30). Онъ и его демоны царили въ язычествѣ (1. Кор. 8, 4—6; 10, 19) и онъ постоянно яко левъ рыкая ходитъ искій кого поглотити (1 Петр. 5, 8). Онъ постоянный противникъ царства Божія и постоянно преслѣдуетъ принадлежащихъ къ этому царству не будучи въ состояніи ихъ побѣдить.

Церковь, состоящая изъ іудеевъ и язычниковъ, есть истинно едина, неодолима, не смотря на все нападенія. Она подобна кораблю на волнующемся морѣ. Она подбрасывается волнами но не тонетъ, такъ какъ у нея опытный кормчій — Христосъ. Она несетъ съ собой трофей надъ смертію, — крестъ Христовъ.

Въ концѣ вѣковъ церковь возвысится и прославится послѣдней борьбой съ челоуѣкомъ грѣха, антихристомъ, который явится предъ послѣднимъ славнымъ пришествіемъ Спасителя. Вѣрующіе должны постоянно быть готовыми ко дню Господню, такъ какъ время

его наступленія никому не извѣстно. Сами апостолы не имѣли объ этомъ никакихъ откровеній, кромѣ откровенія о разрушеніи Іерусалима, какъ-бы прообраза будущаго пришествія Спасителя. Христосъ во второй разъ явится какъ Судія съ великою силою и славою (Дѣян. 1, 11; Мѡ. 25, 31; Іоан. 5, 22). Тогда возстанутъ изъ гробовъ мертвые (Іоан. 5, 28),—сотворшіе благая въ воскресеніе живота, съ вѣчнымъ прославленнымъ тѣломъ; сотворшіе злая въ воскресеніе суда, съ тѣломъ тоже безсмертнымъ для вѣчнаго наказанія. Воскресеніе Христа есть залогъ будущаго воскресенія (1 Кор. 15, 20; Фил. 3, 10). Какъ блаженство праведныхъ на небѣ (Іоан. 14, 2; 1 Кор. 15, 40), такъ и мученіе грѣшниковъ въ аду (Марк. 9, 42; Мѡ. 25, 46; Апок. 21, 8) будутъ вѣчными и различными по степени. Церковь всегда молилась (2 Макк. 12, 45) и молится за умершихъ.

Смерть, этотъ всеобщій законъ для человѣчества (Евр. 9, 27) для вѣрующихъ есть сонъ (Сол. 4, 13; 1 Кор. 15, 18, 20), выходъ изъ земной хижины, оставленіе храмины (2 Кор. 5, 1—4; 2 Петр. 1, 23). Для тѣхъ, кому Христосъ былъ жизнію, смерть пріобрѣтеніе.

